

А. В. Дмитриев

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений

Гардарики

МОСКВА

2000

УДК 327.5 (075.8)
ББК 66.5 (2)
Д53

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор философских наук *М.Н. Руткевич*

член-корреспондент РАН, доктор юридических наук *Д.А. Керимов*

Дмитриев А.В.

Конфликтология: Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. - 320 с.

ISBN 5-8297-0044-1 (в пер.)

Систематически излагаются основные проблемы новой учебной дисциплины - конфликтологии. Рассматриваются типология, причины, динамика конфликтов и основные способы их разрешения. Используются разработки западных специалистов, а также последние разработки российских исследователей. Особое внимание уделяется технологии смягчения и регулирования конфликтов.

Адресовано студентам, аспирантам и преподавателям высших учебных заведений, а также исследователям и специалистам, связанным с управлением социальными процессами, а также тем, кто желает получить теоретические и практические знания о существенной, не всегда приятной стороне нашей противоречивой жизни.

УДК 327.5 (075.8)
ББК 66.5 (2)

В оформлении переплета использован фрагмент картины Диего Веласкеса «Сдача Бреды» (1634-1635)

ISBN 5-8297-0044-1

© «Гардарики», 2000
© Дмитриев А.В., 2000

Предисловие

Конфликтология как наука о противостоянии социальных групп, слоев и индивидов развивалась в нашей стране в своеобразных, можно сказать - экстраординарных условиях. В течение многих десятилетий - при советской власти - она замалчивалась; ее место занимала марксистско-ленинская теория классовой борьбы, доведенная Сталиным до последовательного претворения в массовый террор. Потом появились практические проявления более современных конфликтологических моделей: борьба с диссидентами, попытки умиротворения производственных противоречий в промышленности и сельском хозяйстве (издание законов о трудовых коллективах и др.), и лишь с переходом к иному общественному устройству в 1990-х гг. наши ученые обратились к научным исследованиям в этой области, стремительно догоняя Запад.

Понятно, что российская конфликтология имеет большие перспективы развития. Хорошо или плохо, но от нее требуются не только академические изыскания, но и предложения о путях решения конфликтных практических задач, таких как противостояние в Чечне, несогласованность в действиях разделенной, согласно Конституции, государственной власти, конфликты политических партий и многое другое. Работы, подобные настоящему пособию, будут, несомненно, способствовать просвещению по части стратегии и тактики разрешения и предупреждения конфликтов. Особенно, если их прочтут те, кто определяет политику в таких вопросах.

Автор настоящей работы член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев - один из зачинателей российских конфликтологических разработок. В течение последних лет вышли из печати содержательные книги и статьи исследовательского и учебного характера. Сейчас вниманию читателя представляется пособие весьма широкого плана, в котором рассматриваются по существу все основные проблемы

конфликтологии, которые могут заинтересовать не только студентов высших учебных заведений, будущих социологов и политологов, но и специалистов, связанных с управлением социальными процессами.

Академик В. Кудрявцев

§ 1. Ранние представления

В мифах и преданиях, идеях и высказываниях философов, историков, писателей прошлых веков содержатся многочисленные и порой довольно глубокие замечания о причинах всевозможных конфликтов и путях их преодоления. Тогда основным средством разрешения конфликтов считалось применение «священной» власти старейшин, вождей. Однако формирование личностных раннегосударственных структур не всегда приводило к порядку, а зачастую еще больше обостряло социальную несправедливость, усиливало и обнажало борьбу за существование. Именно поэтому на протяжении столетий продолжали жить надежды на более совершенное будущее, когда прекратятся войны во всех концах земли, исчезнут вражда и споры¹.

Первые попытки рационального осмысления природы социального конфликта принадлежат древнегреческим философам. Известный античный философ-диалектик Г е р а к л и т (ок. 530-470 до н.э.) стремился связать свои рассуждения о войнах и социальных конфликтах с общей системой взглядов на природу мироздания. Для него все было подвержено вечному круговороту и взаимопревращению, в том числе и нормы человеческого общения - в мире все рождается через вражду и распри. Единственный всеобщий закон, царящий в космосе, - это «война - отец всего и царь всего. Одним она определила быть богами, а другим - людьми, одних она сделала рабами, других - свободными»². Эти слова Гераклита – одна из первых попыток рационально обосновать позитивную роль борьбы в процессе общественного развития. Конфликты здесь предстают как атрибут общественной жизни, неременное и важное условие общественного развития. Идеи Гераклита о конфликтах и борьбе как основе всех вещей разделял и другой философ-материалист древности

¹ См.: Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. Ростов нД, 1992; Основы конфликтологии. М., 1997. С.7-10

² Цит. По: Гуторов В.В. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989. С.89.

– Э п и к у р (341-270 до н.э.), который тем не менее считал, что негативные последствия столкновений когда-нибудь вынудят людей жить в состоянии постоянного мира. Так мечты о бесконфликтном состоянии общества дополнились первыми теоретическими рассуждениями.

Х р и с т и а н с к а я ф и л о с о ф и я в соответствии с заветами Евангелия стремилась, особенно в начальный период своего развития, доказать преимущества мира, согласия и братства между людьми. На рубеже II-III вв. видные ее представители развивали аргументацию, направленную против вооруженных столкновений, которая, однако, не оказала существенного влияния на естественный ход исторического развития. Но уже в начале IV в. принцип несовместимости войн с «учением Христа» ставится под сомнение.

Сложные и противоречивые оценки социальных конфликтов дала эпоха Возрождения - период интенсивного культурного и идейного развития стран Западной и Центральной Европы, переходный от средневековья к Новому времени. В то время с резким осуждением социальных столкновений и вооруженных конфликтов выступали такие известные гуманисты, как Т. Мор, Эразм Роттердамский, Ф. Рабле, Ф. Бэкон.

Э р а з м Р о т т е р д а м с к и й (1469-1536), в частности, не только отмечал тот факт, что «война сладка для тех, кто ее не знает», но и указывал на наличие собственной логики начавшегося конфликта, который разрастается, подобно цепной реакции, вовлекая в орбиту своего воздействия все новые слои населения страны.

Известный гуманист обращал внимание «на сложность примирения противостоящих в конфликте сторон даже в том случае, если они стоят на сходных духовных позициях. «Наибольшим абсурдом, - отмечал он, - является то, что Христос присутствует в обоих враждебных лагерях, как будто сам с собой ведет борьбу»¹.

Интересны высказывания о природе конфликтов английского философа-материалиста Ф р э н с и с а Б э к о н а (1561-1626), поскольку он, пожалуй, впервые подверг основательному теоретическому анализу совокупность причин конфликтов внутри страны, проанализировав материальные, политические и психологические условия социальных беспорядков, а также возможные способы их преодоления. Для Ф. Бэкона была характерна

¹ См.: Erazm z Rotterdamu. Pisma morale. Warszawa, 1970. S. 289, 297.

глубокая оценка решающей роли материальных причин в возникновении социальных беспорядков. Одной из них он считал бедственное материальное положение народа. «Сколько в государстве разоренных, - замечает он, - столько готовых мятежников. А если к разорению и оскудению знати прибавляется обнищание простого народа, опасность становится велика и неминуема, ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть наихудшие».

Рассматривая политические причины конфликтов, Бэкон отмечал, что государи связаны со своими государствами и не должны пренебрегать мнением сословий и сената, решая все вопросы по собственному разумению и произволу. «Народы с трудом переносят этот произвол и сами замышляют самостоятельно создать и укрепить какое-то новое правление. Это начинается с тайных подстрекательств знати и вельмож, а когда этому попустительствуют, начинается волнение народа». Кроме политических ошибок в управлении Бэкон указывал на несколько психологических причин социальных беспорядков. Это, в частности, «иное острое и колкое слово в устах государя», «зависть в общественной жизни», «пасквили и крамольные речи, когда они часты и смелы, а также ложные слухи, порочащие правительство, когда они возникают часто и охотно подхватываются».

Обращал внимание Бэкон и на конкретные средства предупреждения конфликтов, отмечая, что на «каждый случай болезни» существует свое лекарство. «Первым из лекарств» он называет устранение всеми возможными способами материальных причин социальных конфликтов, среди которых особая роль принадлежит неудовлетворительному положению отдельных сословий в обществе. При этом он замечал, что недовольство одного из основных сословий еще не представляет большой опасности, «...ибо простой народ не скор на подъем, если вельможи его к этому не возбуждают; а те бессильны, если сам народ не расположен к возмущению. Опасность тогда велика, когда знать только и ждет смуты в народе, чтобы тотчас выступить самой».

Важным средством предупреждения социальных столкновений Бэкон считал искусство политического маневрирования. «В самом деле, - писал он, - искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине, мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведет дело таким образом, чтобы любое зло

смягчено было надеждой; это не так уж трудно, ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если сами уж им не верят». К подобного рода предписаниям можно отнести и соображения Бэкона о роли и значении политики «разделения и раскалывания всех враждебных государству союзов и партий посредством стравливания их между собой и создания меж ними недоверия».

Самостоятельной и, как утверждал Бэкон, «прекрасной мерой» предотвращения конфликтов является забота о том, чтобы у недовольных не оказалось подходящего вожака, который бы мог их объединить. А с другой стороны, большое значение имеет наличие одного, а еще лучше нескольких лиц, обладающих способностями к подавлению народных волнений и мятежей. Он не только указывает на необходимость в таких людях, но и называет основные качества, которыми они должны обладать. Правда, необходимо, «...чтобы эти военачальники были людьми надежными и почтенными, а не любителями расколов и искателями популярности, и чтобы они были в ладах с другими важными особами в государстве; иначе лекарство это может оказаться опаснее самой болезни»¹.

§ 2. Новые подходы

В XVIII в. с открытой критикой вооруженных конфликтов, с осуждением завоеваний и насилия выступали английские демократы, и французские просветители В.Д. Пристли, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, Вольтер. Вооруженные конфликты они рассматривали как пережиток «варварской эпохи» и полагали, что лишь ликвидация существующих феодальных устоев приведет к «вечному миру». В работах этого периода много внимания уделялось поиску рациональных форм организации общественной жизни, которые устранили бы причины социальных конфликтов, коренящихся в совершенно отживших формах государственного устройства гражданского мира².

Различные проекты преобразований широко и заинтересованно обсуждались. Логика их обсуждения, идеи, высказанные в его процессе, представляют интерес, сохраняющий актуальность и до

¹ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. 2-е изд. М., 1979. Т.2 С.242, 371, 381, 382, 385, 386.

² См: Английские материалисты XVIII в.: В 3 т. М., 1968. Т. 3. С.501

настоящего времени. В значительной мере это связано с тем, что в XVIII в. мыслители пытались осознать *целостную логику мирового развития*, оценить общественную жизнь в рамках всемирной истории. Все эти качества особенно ярко проявились в социальной философии Ж а н Ж а к а Р у с с о (1712-1778). Всемирно-исторический процесс у него как бы распадается на три составных момента: вначале существует «естественное состояние», когда люди свободны и равны, затем развитие цивилизации приводит к утрате людьми состояния равенства, свободы и счастья, и наконец, заключив «общественный договор», люди вновь обретут утраченную гармонию общественных отношений, «вечный мир», согласие и единство. По сути дела, вокруг этих составляющих и разворачивалась тогдашняя полемика.

Взгляды Ж.Ж. Руссо на природу «естественного состояния» общества не разделяли многие его современники. Великий немецкий философ И м м а н у и л К а н т (1724-1804) считал, что «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние... последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено»¹. Здесь находим, с одной стороны, противоположную позицию, свойственную также Т о м а с у Г о б б с у, рассматривавшему «естественное состояние» как состояние «войны всех против всех», а с другой стороны, присущую и Руссо надежду на возможность установления в будущем принципиально нового состояния мира.

В исторических рамках Нового времени высказывались также весьма различные суждения относительно причин социальных конфликтов и перспектив их преодоления. Однако при всем разнообразии этих суждений преобладали признание решающей роли согласия между людьми в развитии общества; общая негативная оценка средневековой смуты, беспорядков и войн, а также надежда на будущий «вечный мир».

В XIX в. наметился иной подход к оценке войн и социальных конфликтов. Прежде всего Г. В. Ф . Г е г е л ь гораздо определеннее высказался в отношении позитивной роли войн в развитии общества¹.

Более глубокое понимание сложных процессов общественного развития и тем самым роли социального конфликта в жизни общества

¹ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1996. Т. 6. С. 266.

¹ См: Антология мировой философии: В 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 348.

объективно диктовалось самим ходом исторического процесса. В XIX в. он сопровождался столь бурными изменениями в экономической, политической, духовной и других областях общественной жизни, что это не могло не сказаться на содержании социальных теорий. Общественное развитие в этих теориях начинает выглядеть так, что борьба, конфликты и столкновения представляются не просто возможными, а неизбежными явлениями социальной действительности. Более того, появляются теории, стремящиеся обосновать наличие вечных причин конфликтов, а тем самым принципиальную неустранимость их последствий.

В работе английского экономиста, священника Т о м а с а М а л ь т у с а (1766-1834) «Опыт о законе народонаселения» (1789) было предложено новое объяснение известного факта усиливающейся в стране безработицы. Объясняя бедствия народа «вечными» биологическими свойствами природы, Т. Мальтус сформулировал некий «естественный закон», согласно которому численность населения растет в геометрической прогрессии, а средства существования - в арифметической. Тем самым причины бедственного положения трудящихся он обнаруживал не в исторических последствиях промышленного переворота и политике обезземеливания крестьянства, а в «легкомысленной привычке» населения «неразумно» размножаться. Естественно, что такой взгляд на процессы общественного развития делал борьбу людей за средства существования самоочевидным и неизбежным явлением, а всевозможные конфликты с точки зрения этой теории стали постоянным фактором общественного развития.

Проблема борьбы за существование занимала центральное место в учении английского биолога Ч а р л з а Д а р в и н а (1809-1882). Основное содержание его теории биологической эволюции изложено в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», изданной в 1859 г. Главная ее идея сформулирована в самом названии работы - развитие живой природы осуществляется в условиях постоянной борьбы за выживание, что и составляет естественный механизм отбора наиболее приспособленных видов. Распространял ли Ч. Дарвин эти идеи на процессы общественного развития, определить трудно. По крайней мере среди исследователей его творчества на этот счет нет единого мнения. Однако впоследствии получила развитие теория так называемого социального дарвинизма в качестве научного

направления, сторонники которого пытались объяснить эволюцию общественной жизни биологическими законами естественного отбора и борьбы за существование.

Аналогичную, основанную на принципе борьбы за существование, но уже чисто социологическую концепцию разрабатывал Г е р б е р т С п е н с е р (1820-1903), который считал принцип выживания наиболее приспособленных индивидов основным законом общества. В соответствии с этой концепцией состояние противоборства универсально, поскольку обеспечивает равновесие не только в рамках отдельного общества, но также между обществом и природой. Закон конфликта, таким образом, выступает у него всеобщим и основополагающим законом.

Вместе с тем в концепции Г.Спенсера определены пределы развития общества. Они будут наблюдаться лишь до тех пор, пока в перспективе не будет достигнуто полное равновесие между народами и расами.

Известным социальным дарвинистом США на рубеже XIX-XX вв. был У и л ь я м С а м н е р (1840-1910). Убеждение, что борьба за существование является несомненным фактором прогресса, приводило его к выводу, что в этой борьбе гибнут наиболее слабые, худшие представители рода человеческого. Именно победители - а в Америке того времени это были преуспевающие промышленники, деловые люди, банкиры - являются подлинными творцами всеобщих ценностей и попросту наилучшими людьми. Они - закономерный продукт естественной селекции, и нет оснований противостоять ей в угоду «какому-то равенству». Поэтому У. Самнер был категорически против всякого вмешательства государства в общественную жизнь и осуждал социалистические идеи, считая, что социализм - это «вызов фактам». Общественные процессы не могут и не должны контролироваться людьми, а сама идея о сознательном улучшении мира - абсурдна.

При всем консерватизме этих взглядов Самнер положил начало системному изучению норм социального поведения, внутригрупповых и межгрупповых отношений. Большое значение для исследования конфликтов имеет отмеченная им связь межгруппового конфликта с внутренним единством групп.

Новые мотивы в теоретическом анализе конфликта появляются в творчестве польско-австрийского представителя социального дарвинизма, юриста Л ю д в и г а Г у м п л о в и ч а (1838-1909). Признавая, что всемирная история - это постоянная борьба рас за

существование, он выводит сущность расовых различий не из биологии, а из особенностей культуры. Источники конфликтов следует искать не только в природе человека, но и в социальных феноменах различных по своему типу культур. Отсюда и сам конфликт может приобретать различную окраску - от жесточайшей резни до парламентских дебатов, - соответствуя особым потребностям конкретных культурных форм жизни.

По мнению Л. Гумпловича, конфликты не являются единственно важным социальным процессом. Не менее значим процесс социального единения, на основе которого возникают более широкие социальные общности и государство. Однако конфликт и здесь играет решающую роль, так как социальные группы объединяются именно в результате конфликта. Единство новых укладов становится возможным лишь как результат борьбы между отдельными группами.

Взгляды Гумпловича на природу социального конфликта можно свести к трем основным тезисам: 1) конфликты составляют сущность исторического процесса; у них различный характер, но они являются фактором прогресса; 2) дифференциация общества на господствующих и подчиненных - явление вечное, следовательно, конфликт тоже вечен; 3) конфликты способствуют единству общества, а также возникновению более широких объединений.

В настоящее время у идей социального дарвинизма мало последователей. В целом они скорее достояние истории, чем живой материал для построения современных теорий общественного развития. Но отдельные из этих идей представляются продуктивными, поскольку представители этого направления дали описание разнообразных конфликтов, отстаивали их позитивное значение для совершенствования социальных систем, указывали на закономерность постоянной смены в обществе состояний конфликта и стабильности, войны и мира.

На рубеже XIX-XX вв. все усиливающееся влияние на разработку проблематики конфликта стала оказывать социология, которая в отличие от социальной философии, выводящей знания об обществе из априорных философских постулатов различных мыслителей, переходит к теоретическим построениям на основе обобщения фактических данных, полученных с помощью строго научных методов. Такие методы научного исследования, как статистические выборки, анкетные опросы, сравнительно-исторические обобщения, создание теоретических моделей изучаемых

процессов, стали необходимым средством познания многих общественных явлений, в том числе и конфликтных.

Разработка проблем конфликта осуществлялась разными направлениями в социологии. Не все они признавали конфликт исходной категорией социологических концепций, но все определенно подчеркивали важное значение конфликтов в жизни общества и настоятельную необходимость их теоретического анализа.

Немецкий социолог Г е о р г З и м м е л ь (1858-1918) считается первым, кто ввел в научный оборот термин «социология конфликта». По крайней мере именно так называется одна из его работ, изданная в начале нашего столетия. Г. Зиммель предлагал заняться анализом «чистых форм» социального общения и взаимодействия. Среди таких относительно устойчивых форм социального взаимодействия, как авторитет, договор, подчинение, сотрудничество и некоторые другие, должен занять свое особое место и конфликт, который является не только нормальной, но и исключительно важной формой общественной жизни. Конфликт способствует социальной интеграции, он определяет характер конкретных социальных образований, укрепляет принципы и нормы их организации.

Теоретические взгляды Г. Зиммеля разделяли в 20-е гг. XX в. социологи так называемой чикагской школы, видными представителями которой были Роберт Эзра Парк (1864-1944), Эрнест Уотсон Берджесс (1886-1996), Аббион Вудбери Смолл (1854-1926). Они рассматривали социальный процесс в аспекте четырех взаимосвязанных типов взаимодействия: соревнования, конфликта, приспособления и ассимиляции. Конфликты здесь занимают центральное место, поскольку представляют своеобразный мостик для перехода от соревнования к приспособлению и ассимиляции, являясь, таким образом, важнейшим источником социальных перемен.

§ 3. Марксизм

Марксистская социология уже в XIX в. внесла существенные коррективы в господствовавшие представления о процессах общественного развития.

Марксизм на всех уровнях познания общественных процессов - сущностном, всеобщем и конкретно-историческом, социологическом и политологическом признает социальные конфликты, коллизии и

антагонизмы как возможные, а в условиях острой классовой борьбы в рамках так называемых антагонистических формаций - и как неизбежные явления общественной жизни.

Вместе с тем следует отметить, что и марксизм оказался не в силах выйти за пределы воззрений своего времени. Многие предрассудки эпохи XIX в. остались непреодоленными в этой «самой последовательной революционной теории». Одним из таких предрассудков было убеждение о возможности в будущем исключить социальные конфликты из жизни общества. Высказывания К. Маркса о завершении предыстории человечества и грядущем начале его подлинной истории, где исчезнут политические революции, об изобилии материальных благ, которые польются полным потоком и принципиально изменят природу общественных отношений, оставляли возможность конфликтов лишь на уровне взаимоотношений в основном в рамках промышленной фабрики. Более поздние соображения (В.И. Ленин) о том, что в социалистическом обществе исчезнут антагонизмы и можно будет воспитывать «нового человека», не только не противоречили этому положению, но, наоборот, в принципе утверждали его.

Маркс и Ф. Энгельс были убеждены, что тогдашний антагонизм классовых интересов буржуазии и пролетариата мог быть разрешен только в процессе социалистической революции, ликвидирующей частную собственность на средства производства, создающей условия для ликвидации антагонистических отношений, ликвидации эксплуататорских классов, которые добровольно не отдадут своей собственности, своего господства. Это убеждение питало их усилия при разработке конкретных проблем, с которыми социалистической революции предстоит столкнуться в процессе своего осуществления. Осмысление этих проблем затронуло многочисленные вопросы, имеющие непосредственное отношение к проблематике конфликта. Движущие силы революции и диалектика отношений между ними, искусство руководства вооруженным восстанием и политика привлечения на сторону рабочего класса союзников, предупреждение контрреволюции и организации работы в мирных условиях - постановка и решение этих и многих других подобных вопросов с марксистских позиций составляет исторический опыт конкретного анализа разнообразных конфликтных ситуаций.

Марксизм XIX в. всегда отдавал явное предпочтение революционному действию. Максимализм Маркса отчетливо

проявился, в частности, в заключительной главе работы «Классовая борьба во Франции», где он прямо призвал рабочих и демократов не поддаваться конституционным иллюзиям, не абсолютизировать буржуазные свободы и реформистские методы, не опускаться до компромиссов во имя воображаемого гражданского мира. Маркс был убежден, что только через борьбу, через внепарламентские действия, с помощью «давления извне» можно добиться осязаемых результатов, обеспечить существенные изменения в обществе. Революционный пафос Маркса, в какой-то степени оправданный тогдашней эпохой, приводил его к ошибочным выводам относительно общего упадка прогрессивности буржуазии и взглядам на реформу как лишь на побочный продукт революции.

Отметим также, что всякий социальный конфликт, вовлекающий в свою орбиту интересы значительных слоев общества, рассматривается в марксизме преимущественно с точки зрения его политического значения, что существенно ограничивало его рассмотрение со стороны других общественных наук.

Маркс и Энгельс, преодолевая свои ранние иллюзии относительно близости социалистической революции, в конечном итоге пришли к выводу, что лишь всемерное развитие капиталистического способа производства создает материальную основу для последующего социалистического переустройства общества, которое может стать результатом мирных эволюционных преобразований. Ленин, начиная с первых своих работ, предпринимает пересмотр этих марксистских положений. Уже в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он, по существу, предвосхищая свою позднее сформулированную концепцию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, заявил, что русский пролетариат, встав во главе всех демократических элементов, свалит царизм и пойдет «прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»¹

Ленин, несомненно, всегда стремился быть верным духу марксизма, который он, однако, понимал преимущественно в ракурсе сравнительно ранних работ основоположников марксизма. Марксизм представлялся Ленину прежде всего и главным образом учением о насильственной революции как единственно возможном способе

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 312.

социалистического переустройства общества. Работа Ленина «Государство и революция» характеризует марксизм как «настоящий панегирик насильственной революции», как учение «о неизбежности насильственной революции».

Ленину, по мнению академика Т.И. Ойзермана, были известны высказывания Маркса о возможности эволюционного пути развития к социализму. «Правильнее считать, что Ленин предпочитал попросту игнорировать эти высказывания, поскольку они были явно не применимы к России и, кроме того, не согласовывались с той оценкой капитализма конца XIX-начала XX в., которую обосновал Ленин»².

§ 4. Немарксистская традиция

В первой половине XX в. не без некоторого влияния марксизма сложилось научное направление, представители которого (М. Вебер, В. Парето, Г. Моска, Ж. Сорель, Ф. Оппенгеймер, А. Бентли) специально обратили внимание на необходимость изучения конфликтов и изменений, а не только согласия и стабильности в общественной жизни.

М а к с В е б е р (1864-1920) – наиболее крупная фигура в ряду исследователей современного ему капитализма. Он находил, что суть его противоречий в остроконфликтном столкновении двух культурно несовместимых типов носителей буржуазных отношений - традиционного и современного капитализма. Лишь последний тип прогрессивен, он предполагает безграничный рост интенсивности труда, столь необходимый в предпринимательстве и «несовместимый с безмятежным существованием и наслаждением жизнью». Немецкий исследователь видел в социализме не решение противоречий капитализма, а, напротив, обострение проблемы. Диктатура пролетариата, по его мнению, приведет лишь к хаосу. Альтернативой ему можно рассматривать лишь «свободу личности в несвободном обществе».

В и л ь ф р е д о П а р е т о (1848-1923), итальянский исследователь, известен своей теорией элит. Подчеркивая иррациональную природу человека, В. Парето считал, что специфически человеческое состоит не столько в разуме, сколько в способности использовать разум в корыстных целях. Вследствие этого

² Российская цивилизация М., 1998. С.85

человеческое поведение носит алогичный характер, а люди прибегают к разного рода общественным теориям, чтобы скрыть подлинные мотивы своей деятельности. Любые общественные теории, любые идеологии являются ширмой, скрывающей за внешне логическими построениями определенного рода действия, продиктованные чувствами, пристрастиями и эмоциями. Таким образом, иррациональные пласты человеческой психики детерминируют социальное поведение людей.

Утверждая основополагающую роль человеческой психики, В. Парето считал, что социальная неоднородность общества является постоянным спутником общественной жизни, ибо столь же постоянны различия биопсихологических качеств индивидов. Социальная гетерогенность у Парето означала прежде всего деление общества на массу индивидов управляемых и небольшое количество индивидов управляющих, называемых элитой.

Смена элит и борьба между ними, по Парето, и составляют сущность самого общества. Многочисленные и разнообразные конфликты постоянно сопровождают процесс его развития, но их роль и значение зависят от конкретного этапа развития правящей элиты. Они могут служить стабильности политической системы, поддерживая состояние динамического равновесия, но могут вести и к радикальным преобразованиям революционного характера, обеспечивая тем самым смену элит, их постоянный «круговорот».

Наряду с Парето создателем современной теории элит является один из основоположников политологии, итальянский юрист Г а э т а н о М о с к а (1858-1941). Изданная им в 1896 г. работа о «политическом, или правящем, классе» («Элементы политической науки») положила начало развитию современных политических исследований. Г. Моска считал вечным разделением общества на два класса: господствующий «политический класс», берущий на себя все государственные функции и пользующийся вытекающими отсюда привилегиями, и управляемый класс - неорганизованное большинство. Несмотря на многовековые иллюзии, разнообразные мифы о народном представительстве и суверенитете, реальная власть всегда находится в руках «политического класса». Народовластие, реальная демократия и социализм - это все утопии, не совместимые с законами общества и с человеческой природой. Власть никогда не может быть властью народа, считал Моска. В лучшем случае она может лишь служить интересам народа.

Моска стремился к разработке «научной политики» для того, чтобы в руках правящей элиты она стала тем инструментом, который со временем обеспечит формирование господствующего класса не на имущественной или другой подобной основе, а на основе ума, способностей, образования и заслуг его представителей. Достижение меритократического идеала («достойные у власти») Моска относит к весьма отдаленному будущему. А до тех пор история останется борьбой классов, где насилие и конфликты играют важную роль в процессе общественных перемен и социальной стабилизации. Исход этой борьбы определяется соответствием качеств того или иного класса конкретным потребностям эпохи.

Важное место в процессе общественного развития отводил политической борьбе и насилию французский социолог и философ Ж о р ж С о р е л ь (1847-1922). Он рассматривал насилие как основополагающую форму правления и высшее творческое начало истории. В изданной в 1907 г. книге «Размышления о насилии» им разработаны ключевые в его социально-политических построениях понятия мифа и насилия. Ж. Сорель трактует миф как объединяющий и побуждающий к действию эмоционально-психологический императив, основанный на вере. Миф представляет собой неразложимую социально-психологическую целостность, которая в связи с этим не может быть подвергнута рациональному анализу, критике, опровержению. В нем находят свое выражение убеждения, чувства, интересы, интуитивные стремления определенной социальной группы. К числу подобным образом понимаемых мифов Сорель относил идеи таких крупных социальных конфликтов, как революция и всеобщая забастовка. Социальные и политические конфликты в его теории оказываются признаком иррационального характера общества и истории, они отрицают идею социального прогресса и утверждают стихийное, иррациональное движение масс.

Несколько иного типа политическую концепцию конфликта разрабатывал в Германии Ф р а н ц О п п е н г е й м е р (1864-1943). Его преимущественно интересовали вопросы происхождения государства и особенности социальных процессов, протекающих в нем. Он считал, что в возникновении государства играют решающую роль отнюдь не экономические причины. По Ф. Оппенгеймеру, государство - это «правовой институт, насильственно навязанный одной группой людей - завоевателями - другой группе-завоеванным...» Резко критикуя теории, объясняющие возникновение классов и

государства внутренними факторами социального и экономического развития, он объявлял их «источником всего социологического зла в теории и на практике». Государство могло возникнуть исключительно путем порабощения и подчинения людей. Со времени его возникновения отношения между классами остаются, в сущности, неизменными. Изменяются лишь формы эксплуатации - от физического насилия до экономического и политического принуждения. «Примерно 5000 лет назад, - отмечал он, - в связи с завоеванием неравенство проникло в тело человечества, и вся последующая история является попыткой справиться с этой болезнью».

Весьма отличающаяся от теорий европейских мыслителей политическую концепцию разрабатывал американец Артур Бенгли. Его интересовала собственно политическая жизнь как процесс политической деятельности в обществе. Основным понятием концепции А.Бенгли является понятие группы, в том числе и политической. В сфере политики такими группами являются не только политические партии, но и другие политические институты, смысл и назначение которых раскрывается только через анализ их деятельности. Действуя, политические группы реализуют свои интересы. Как политические представители определенных групп интересов, политические партии действуют в определенном социальном окружении, где рядом и вместе с ними действуют другие группы интересов. Из столкновения разных групп интересов и складывается собственно политическая жизнь общества. По форме же своего проявления эта жизнь представляет собой множество фактов применения силы. Однако Бенгли считает более уместным пользоваться термином «давление», смысл которого, по его убеждению, не сводится только к физическому принуждению. «Равновесие группового давления, - пишет он, - является нормальным состоянием общества. Понятие «давление» является достаточно широким, чтобы охватить все формы влияния группы на группу от борьбы и демонстрации до абстрактной дискуссии и трогательного морализаторства».

Итак, в социально-политических и правовых концепциях общественного развития на рубеже XIX-XX вв. теоретический интерес к проблематике конфликта был вполне очевиден. Анализ этой проблематики осуществлялся в основном на базе методологических установок социального дарвинизма и марксизма, западной социологии,

политологии и юриспруденции. Методологическими особенностями этих научных направлений в значительной мере определяются как сильные, так и слабые стороны проникновения в сущность такого значимого явления, как конфликт. Несомненно и определенное влияние, которое оказывали социальные и политические события того времени на теоретические выводы в отношении как общих проблем общественного развития, так и конфликта. Рассуждая об основных идеях, высказанных в теориях общественного развития этого периода, целесообразно выделить те из них, которые обладают качеством всеобщности и сохраняют свою актуальность для современных концепций конфликта.

В о – п е р в ы х, это твердое убеждение в том, что конфликт является нормальным социальным явлением. Природе самого человека и общества присущи биологические, психологические, социальные и другие факторы, которые неизбежно порождают многочисленные и разнообразные конфликтные ситуации.

В о – в т о р ы х, конфликты выполняют ряд позитивных функций в процессе общественного развития. Они обеспечивают общее прогрессивное движение общественной жизни, способствуют сохранению единства социальных образований, утверждению общезначимых норм и социальных ценностей.

В – т р е т ь и х, осознается связь и зависимость между конфликтным состоянием общественного развития и типом социальной структуры, порождающим данное состояние, т.е. определяется состояние структурного конфликта.

В – ч е т в е р т ы х, отстаивается тезис, что противоположность между правящим меньшинством и управляемым большинством является неизбежным и вечным явлением, вызывающим всевозможные трения, коллизии, конфликты.

В – п я т ы х, осознается связь и зависимость между изменениями экономической, политической, духовной сторон жизни общества и конфликтными ситуациями, возникшими в результате этих изменений, т.е. определяется состояние функционального конфликта.

В – ш е с т ы х, в процессе общественного развития определяется состояние динамического равновесия, когда несовпадающие интересы различных социальных групп взаимно уравниваются с помощью возникающих и разрешаемых конфликтов.

§ 5. Современные концепции

Пристальный интерес к общественному конфликту питала объективная потребность в исследовании этого явления. Работы по проблематике конфликта всегда имели свою аудиторию - многочисленные социальные и политические движения, критически относящиеся к существующим в обществе порядкам, решительно настроенные на реформы и устремленные в будущее. Но уже с 30-х гг. XX в. теоретический интерес к проблематике конфликта начал постепенно снижаться. Вначале эта тенденция наметилась в США, а затем и в Европе. Причина отчасти заключалась в том, что заказчиками социальных исследований все чаще становились различные учреждения, финансируемые государственными и частнопредпринимательскими компаниями. В ответ на изменение интересов заказчика меняется и содержание самих исследований. На смену исследованию проблем, имеющих важное значение с общетеоретической точки зрения, приходят исследования, нацеленные на получение конкретных результатов. Перед исследователями прямо ставится задача обозначить те условия, при которых возможно сохранение существующих организационных структур, наиболее гармоничное включение в них индивидов. Успешное применение результатов конкретных исследований стимулировало развитие данного направления.

Анализ проблематики конфликта стал осуществляться преимущественно в аспекте разработки методик разрешения конфликтных ситуаций. Отдельные социологи и правоведы заинтересовались многочисленными забастовками, демонстрациями, проблемами вооруженных столкновений и войн, но все же это были по большей части эпизодические эмпирические исследования. Анализ структурных конфликтов часто заменялся исследованием состояния психического напряжения и способов его разрядки. С позиций того времени конфликты и противоречия представлялись явлениями исключительно дисфункциональными. Это не могло не сказаться на общетеоретических подходах.

Другие причины отхода от исследований теоретической проблематики конфликта имели политический характер. Это было связано главным образом с периодом «охоты на ведьм», поскольку в сознании многих ученых из западных стран конфликтная проблематика неоправданно отождествлялась с марксизмом.

Теоретический интерес к социальным конфликтам мог вызвать естественные подозрения в склонности «к подрывной деятельности».

Отмеченная тенденция сокращения исследований по проблематике конфликтов сохранилась в принципе до конца 40-х гг. XX в. Конечно, и в это время исследование конфликтов полностью не прекращалось, но общее отношение к конфликтам изменилось в соответствии с популярной тогда *функциональной моделью общества*. Примером здесь могут служить исследования причин дезорганизации общественной жизни в рамках функционализма. Ведущий представитель этого направления Т о л к о т т П а р с о н с (1902-1979) - американский социолог-теоретик, уделял анализу конфликтных явлений большое внимание, но осуществлял их исследование с позиций интеграционного процесса с целью достижения общественного согласия. С этих позиций конфликт трактуется им как социальная аномалия, своего рода болезнь, которую необходимо преодолеть. Т. Парсонс формулирует ряд «функциональных предпосылок» стабильности общества, обеспечение которых позволяет сохранить социальную систему в рамках сложившихся норм и ценностных ориентации, избежать социальных конфликтов и потрясений: 1) удовлетворение основных биологических и психологических потребностей значительной части членов данного общества; 2) эффективная деятельность органов «социального контроля», воспитывающих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами; 3) совпадение индивидуальных мотиваций с общественными установками, в связи с чем индивиды выполняют предписанные им обществом функции и задачи.

Выступая сторонником социального порядка, обосновывая его как «естественную форму» общества, Парсонс основное внимание уделял проблемам интеграции, поддержания «гармонического» бесконфликтного отношения между элементами системы, а также проблемам воспроизводства социальной структуры и снятия социально-психологических напряжений в обществе. Это напряжение чрезвычайно опасно для системы, поскольку может ее разрушить.

Близкую к позиции Парсонса точку зрения на природу социального конфликта отстаивали представители школы «человеческих отношений» (public relations). И для них естественным состоянием общества, к которому должны стремиться индустриально развитые страны, является состояние гармонии и социального

консенсуса. Видный представитель этой школы Э л т о н М э й о (1880-1949), профессор Гарвардского университета, утверждал, что необходимо содействовать установлению «мира в промышленности», который провозглашается им «главной проблемой современности». Конфликт для него - опасная «социальная болезнь», которую следует всячески избегать, стремясь к «социальному равновесию» и «состоянию сотрудничества» как верным признакам «общественного здоровья». В своих рекомендациях руководителям промышленности Э. Мэйо настаивал на замене индивидуального вознаграждения групповым (коллективным), экономического - социально-психологическим (благоприятный моральный климат, повышение удовлетворенности трудом, демократический стиль руководства). В качестве новых средств повышения производительности труда он предлагал «паритетное управление», «гуманизацию труда», «групповые решения», «просвещение служащих» и т.д. Поэтому не удивительно, что подобные исследования встречали известную поддержку у руководителей производства.

Однако со временем оказалось, что ожидания, связанные с деятельностью школы «человеческих отношений», были чрезмерными. В условиях современной производственной практики рекомендации ее представителей все чаще стали подвергаться критике. Да и в целом уже в 50-е гг. стала ощущаться необходимость смены теоретической ориентации. В силу этих причин наблюдался возврат к разработке конфликтной модели общества.

Прежде всего в эти годы стала ослабевать холодная война, постепенно становясь достоянием истории. С потеплением международной обстановки усилились научные контакты, менее предвзятым становилось отношение к марксизму. Теоретический интерес к проблематике социального конфликта перестал восприниматься как противоречащий ценностям установкам «западной культуры». В этот же период, особенно в индустриально развитых странах, стали заметно изменяться и отношения в сфере производства. Научно-техническая революция, значительно продвинувшая процесс автоматизации производства, сопровождалась усилением экономической роли государства, институты которого получали признание в качестве нового партнера в отношениях производства. Усилилась роль профсоюзов как официальных выразителей интересов больших групп населения. Все это способствовало изменению точки зрения на конфликт.

Тогдашнее изменение теоретической парадигмы осуществлялось в двух направлениях. С одной стороны, критически переосмысливался функционализм. Критика в его адрес в конце 50-х - середине 60-х гг. была, в частности, направлена против явной идеологической ориентации на стабильность, равновесие и интегрированное состояние общественного целого, против неспособности дать адекватное описание и анализ конфликтов. Критическому отношению к функционализму способствовали и работы американского социолога Р о б е р т а М е р т о н а, особенно изданная в 1949 г. объемистая книга под названием «Социальная теория и социальная структура». В ней были обстоятельно проанализированы явные и скрытые социальные функции, а также и дисфункциональность, социальные аномалии. Именно в 50-60-е гг. собственно и появились современные концепции социального конфликта. Наибольшую известность среди них получили концепции Л. Козера, Р. Дарендорфа и К. Боулдинга.

Американский исследователь Л ь ю и с К о з е р в 1956 г. опубликовал книгу «Функции социального конфликта». В ней он прямо утверждал, что не существует социальных групп без конфликтных отношений и что конфликты имеют позитивное значение для функционирования общественных систем и их смены. Свою концепцию, получившую название «концепция позитивно-функционального конфликта», Л. Козер строил в противовес или скорее в дополнение к классическим теориям структурного функционализма, где конфликты были как бы вынесены за пределы социологического анализа. Если структурный функционализм видел в социальных конфликтах некоторую социальную аномалию или признак «расстройства» общества, то Козер стремился обосновать позитивную роль конфликта в обеспечении общественного порядка и устойчивости определенной социальной системы. Стабильность всего общества, по его мнению, зависит от количества существующих в нем конфликтных отношений и типа связей между ними. Чем больше различных конфликтов 'пересекается в обществе, тем более сложным является его деление на группы, тем труднее разделить членов общества на два лагеря. Значит, чем больше независимых друг от друга конфликтов, тем лучше для единства общества.

Козер классифицирует различные типы конфликтов в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце модели можно поместить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), тогда как на его противоположном конце

окажутся абсолютные конфликты, цель которых состоит не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника. В конфликтах второго типа возможность достижения согласия сторон сведена к минимуму борьба прекращается только в случае полного уничтожения одного или обоих соперников.

«Разумеется, конфликты такого рода особенно изнурительны и дорогостоящи, по крайней мере для противников, силы которых приблизительно равны. Если соперники стремятся избежать «игры с нулевой суммой очков», исходом которой может быть либо окончательная победа, либо столь же безусловное поражение любой из сторон, они взаимно заинтересованы в создании механизмов, способных привести к обусловленному завершению борьбы. В действительности большинство конфликтов оканчивается раньше, чем побежденная сторона будет полностью разбита. Выражение «стоять до последнего», как правило, оказывается только фразой. Сопrotивление в принципе всегда возможно до тех пор, пока в лагерях враждующих сторон остается хотя бы по одному воину. Тем не менее схватка обычно прекращается задолго до наступления этого момента. Так происходит потому, что соперники договариваются относительно условий завершения конфликта»¹.

Интерес к конфликту возродился также и в Европе. В 1965 г. немец Р а л ь ф Д а р е н д о р ф, активный сторонник и пропагандист концепции «посткапиталистического» и «индустриального общества», опубликовал в Германии работу под названием «Классовая структура и классовый конфликт». Через два года в Америке вышло его эссе «Вне утопии», где он указывал направление переориентации теоретического анализа в сторону построения новой модели общества. Его концепция «конфликтной модели общества» строилась на «антиутопическом» образе мира - мира власти, конфликта и динамики. Если Козер как бы достраивал равновесную теорию общества до признания позитивной роли конфликтов в упрочении социального единства, то Р. Дарендорф считал конфликт перманентным состоянием социального организма. «Не наличие, а отсутствие конфликта, - утверждал Дарендорф, - является чем-то удивительным и ненормальным. Повод к подозрительности возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых не видно проявлений конфликта». Для него в каждом обществе всегда присутствует дезинтеграция и конфликт. «Вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку она изменчива. В человеческих обществах не существует постоянства, поскольку нет в них ничего устойчивого. Поэтому именно в конфликте

¹ Coser L.A. The Termination of Conflict // Readings in Social Evolution and Development / Ed. by S. Eisenstadt. L.; N.Y., 1970. P. 143.

находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами».

В другой своей книге «Социальный конфликт в современности» Дарендорф в центр анализа общественного конфликта ставит структурную гипотезу о том, что ныне поле конфликта совпадает с проблемой права каждого гражданина на доступ к благам и с моделью отторжения от этого права. После того как были исчерпаны причины для соперничества «по вертикали», ликвидированы ресурсы классовой борьбы, современность предлагает новую схему конфликта вокруг самого статуса гражданина, который из предварительного условия и движущей силы «старого» классового конфликта (за право обладать вещами и благами) становится «новым» орудием политического и социального отторжения от определенных обществом возможностей доступа к вещам и благам. Происходит изменение соотношения между равным правом на обладание благами и неравной возможностью доступа к ним.

Критики такой точки зрения (В. Джаконини, Италия) считают, что таким образом социальный конфликт у Дарендорфа не совпадает с внутренней динамикой социальной сферы, а выявляется через феномены «исключения», «разделения», «маргинализации». У него новый господствующий класс возводит барьеры, устанавливает новые границы для социальных взаимосвязей. Он отрезает пути приобщения к обществу. Те, кто оказался на периферии «общества большинства» (иммигранты, маргиналы), заявляют о приоритете «экономических» потребностей, что кажется анахронизмом в передовом постматериальном обществе. Смешно задаваться вопросом, откуда «они взялись», и требовать, чтобы «они убирались к себе домой». Иллюзия, что капитализм гарантирует благосостояние для всех, рушится, и географическая дистанция между «нами» и остальным миром становится все менее обнадеживающей. Возник новый источник конфликта: между «нами», т.е. большинством, устремленным в будущее, пользующимся все более изощренными товарами и благами, и «не нами», т.е. меньшинством (которому, тем не менее, суждено постоянно численно увеличиваться), которое все громче (хотя и не всегда внятно) заявляет о приоритетной для себя проблеме обладания хоть какими-то товарами и благами, о том, что оно нуждается в «помощи посреди изобилия».

Динамика социального конфликта-оказалась как бы в определенной степени перевернутой: сейчас стало важным не столько «обогнать других», сколько «не оказаться сзади», «не быть отброшенным на периферию». Не случайно, что «почти» насильственные (а иногда и действительно насильственные) конфликты происходят между теми, кто «включен», и теми, кто «исключен», причем эти конфликты протекают в соответствии с традиционной схемой «войн между бедняками». Кстати, самые нетерпимые, самые расистски настроенные люди - это почти всегда самые бедные, хотя зачастую они действуют, так сказать, «в пользу третьей стороны»¹.

Отмечая явную антифункциональную направленность конфликтологической концепции Дарендорфа, не следует относить ее к политическому радикализму. Не случайно сам Дарендорф называл себя современным либералом и резко критиковал К. Маркса, обосновывавшего неизбежность крайних форм классового конфликта, вплоть до открытой гражданской войны.

К е н н е т Б о у л д и н г, американский социолог и экономист, автор «Общей теории конфликта», также стремился к созданию целостной научной теории конфликта, описывая в ее рамках все проявления живой и неживой природы, индивидуальной и общественной жизни. Термин «конфликт» находит здесь широкое применение в анализе физических, биологических и социальных явлений. К. Боулдинг, указывая на «бесконечную войну моря против суши и одних форм земной природы против других форм», считал, что даже неживая природа изобилует острыми конфликтами.

В своей работе «Конфликт и защита. Общая теория» (1963) Боулдинг отмечал, что «все конфликты имеют общие элементы и общие образцы развития и именно изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении». Это положение несет основную методологическую нагрузку как в «общей теории конфликта», так и в правовой по интерпретации.

Еще более усилилась ориентация на позитивное исследование конфликта в 70-е гг., когда кризисные события предшествующего десятилетия поставили под сомнение идею о равновесном состоянии общества. Особенно резкой критике в это время подверг идеи

¹ Конфликты и консенсус. М., 1992. С. 94.

бесконфликтного состояния общественного развития американский социолог, виднейший представитель так называемой альтернативной социологии А л в и н Г о у л д н е р (1920-1980).

С его точки зрения, основная задача социологии заключается в выяснении причин конфликтного состояния общества и в поиске путей преодоления кризисных ситуаций в общественном развитии. Глубинные основы кризиса западного общества А. Гоулднер видел в деперсонализации человека, в разрушении целостного взгляда на мир, в противоречивом отношении между знанием и властью.

Критикуя все существующие социологические подходы, в том числе и марксистский, за идеологичность, Гоулднер пытался освободиться от идеологии с помощью своей «критически-рефлексной» концепции. В социальной структуре современного западного общества он выделял три класса: старую буржуазию, или денежный класс капиталистов, пролетариат и, наконец, появившийся новый класс интеллигенции. Особое внимание именно к этому классу составляет основное содержание новой концепции. Обладание культурным капиталом и культура критического дискурса (некая специфическая речевая общность) делают новый класс единственной надеждой социального прогресса. Гоулднер подразделял новый класс на две различные социальные группы: научно-техническую интеллигенцию и интеллектуалов (гуманитарную интеллигенцию). Именно на интеллектуалов он возлагал надежды, связанные с будущим общественного развития.

Резкой критике концепции бесконфликтного развития общества были подвергнуты в работах Ч. Миллса и др. Однако в начале 80-х гг. вновь достигнутое состояние относительного социального порядка все же стимулировало усиление стабилизационной ориентации. Значительно способствовали этому процессу объективные изменения, происходящие в современном мире, потребность в единстве мирового сообщества перед лицом глобальных проблем. Одними из первых обратили внимание на необходимость исследования глобальной (мировой) проблематики и успешно использовали в этих целях «системное (глобальное) моделирование» члены Р и м с к о г о к л у б а, международной неправительственной организации (1968), объединившей усилия ученых, политических и общественных деятелей из разных стран мира. На первом заседании, состоявшемся в Риме (отсюда и пошло название Клуба), особо подчеркивалось, что возрастающая взаимозависимость стран требует нового глобального

мышления, что национальные правительства, деятельность которых ограничена коротким сроком от выборов до выборов, не в состоянии эффективно справиться с долговременными фундаментальными проблемами, что неблагополучие современного общества настолько многосложно, что больше нельзя решать возникающие вопросы поочередно и по отдельности, поскольку между ними существуют разнообразные неожиданные и непредсказуемые взаимосвязи. Широкий международный резонанс получили положения и выводы самого первого доклада Римскому клубу «Пределы роста» (1972), подготовленного научно-исследовательской группой под руководством Денниса и Донеллы Медоуз - сотрудников Массачусетского технологического института. При всем многообразии, даже полярности суждений о достоинствах доклада, его несомненной заслугой можно считать то, что, изданный в виде книги, он заставил весь мир обдумывать и обсуждать грядущие глобальные конфликты и опасности - деградацию окружающей среды, демографический взрыв, экономическое неравенство, - понять, что все это порождает настоятельную необходимость опережающего мышления и опережающих действий взамен современной практики, когда реакция на предкризисные или кризисные явления запаздывает.

Многочисленным обсуждениям на заседаниях Клуба подвергались вопросы политического противостояния, конфликтов, войны и мира. Основным лейтмотивом дискуссий по этим вопросам было убеждение, что мир - это не просто отсутствие войны. Отсутствие войны - лишь один из симптомов мира. Только в условиях гармоничного мирового развития, через сотрудничество, можно прийти к реальной и прочной безопасности. Условия разрядки способствуют успеху усилий, направленных на поиск общих интересов стран - потенциальных противников. В долгосрочной перспективе сотрудничество оказывается для всех участников гораздо выгоднее, чем соперничество или соревнование.

С целью достижения нового общественного порядка в условиях целостного взаимозависимого мира специалисты Римского клуба предлагают новую концепцию органического роста и развития. Так, известный общественный и политический деятель ФРГ Э. Пестель следующим образом определяет смысл органического развития, перечисляя его главные отличительные черты:

* системное взаимозависимое развитие, когда ни одна часть системы (подсистема) не растет в ущерб другим; прогрессивные

перемены в какой-либо одной части получают реальный смысл, только если им соответствуют прогрессивные процессы в других частях;

- * многоаспектное развитие, отвечающее потребностям различных частей системы, поэтому разные регионы мира будут обязательно развиваться по-разному; к тому же процессы развития будут со временем изменять свой характер;

- * гармоничная координация целей обеспечивает непротиворечивость мира;

- * мобильность, гибкость - способность составных частей системы поглощать в ходе развития возмущающие воздействия, т.е. следовать своим курсом, несмотря на неожиданные влияния и перемены, не затрагивающие главные для работы целого функции;

- * особо важно качество развития, причем непреложно признается его направленность на обеспечение благосостояния людей, живущих «не хлебом единым»;

- * определенный временной горизонт, позволяющий предвидеть трудности и определить цели развития с учетом сложности новых проблем;

- * постоянное «обновление» целей, когда «новые» цели возникают после достижения или переосмысления «старых»¹.

В заключение отметим, что в современных западных исследованиях конфликта наиболее отчетливо проявляются два основных направления. Первое связано с деятельностью институтов, изучающих в основном сами конфликты и широко распространено в Западной Европе (Франция, Голландия, Италия, Испания); второе - с деятельностью институтов исследований мира, получивших широкое распространение в США. В принципе цели этих институтов аналогичны, но достигаются они на основе различных методологических подходов. В одних исследованиях первенствуют соображения о путях достижения победы. Последователи Г. Бутуля считают, что более соответствует научному духу его высказывание:

«Если хочешь мира, изучай войну». Специалисты же из институтов исследований мира придают первостепенное значение проблемам мира и согласия. В качестве примера можно назвать книгу Р. Фишера и У. Юри «Путь к согласию или переговоры без поражения», вышедшую в 1990 г. на русском языке.

¹ См.: Пестель Э. За пределами роста. М., 1998. С. 94, 159.

§ 6. *Новый институционализм*

Давно было замечено, что конфликтное взаимодействие приводит к появлению новых институтов (социальных образований, различных учреждений), задающими собственными правилами поведения в соответствии со своими интересами. В последнее время исследователи в области конфликтов обратили пристальное внимание на проблемы создания и функционирования локальных социальных образований, именуемых полями, аренами или играми. Эти образования, оказываясь в привилегированном положении, используют свое влияние для воспроизводства своего статуса. Социальные же субъекты, лишённые доступа к источникам влияния, испытывают сдерживающее воздействие, но при определенных условиях могут использовать существующие правила, создавая свои институты.

Представители нового институционализма (Бурдье, Гидденс, Мейер, Скотт, Флигстайн и др.) сделали вывод о том, что сложные и соперничающие отношения между старыми институтами и претендентами, т.е. конфликты между группами, занимающими различные позиции на отдельных полях, их переходы на «смежные» поля и, как следствие, изменение позиций служат основным источником перемен в обществе.

Такие конфликты ориентированы на достижение того или иного конкретного результата.

Теория нового институционализма, таким образом, означает пересмотр традиционной концепции «конфликта субъектов» с упором на то, как участники конфликта ориентируют свои действия относительно друг друга. Конфликтующие субъекты должны отныне учитывать наличие других действующих лиц, интерпретировать намерение последних, моделировать свои собственные действия и убеждать окружающих действовать заодно с ними.

Правила взаимодействия на полях, принятые участниками конфликта, определяют границу возможного, позволяют уточнить свои интересы, установить, что делают остальные и выработать собственную стратегию. Поле-это игра, которая зависит от культуры участников, их возможности использовать социальные технологии, «читать» намерения соперников и уметь убеждать союзников в необходимости содействия.

Словом, для участия в такой игре требуется «социальный талант» (Н. Флигстайн), т.е. способность активных участников добиваться содействия от других, иногда манипулируя стремлением последних удовлетворять собственные интересы. «Социально одаренные» люди - это люди, наделенные способностью понимать членов своей группы, их интересы и стремления, а также то, что думают по этому поводу представители других групп.

Когда группы видят перспективы, тогда и открываются новые поля. Кризис новых полей означает, что не установились стабильные правила взаимодействия и группам угрожает ликвидация. Действующие лица, наделенные социальным талантом, будут строить свои действия в целях стабилизации положения своей группы и ее отношений с прочими группами. Тут-то активные, социально одаренные участники, т.е. те, кого именуют «предпринимателями», могут предложить оригинальные культурные концепции и придумать «новые» институты. Они в состоянии образовать политические коалиции на основе достаточно узких коллективных интересов других участников с целью создания новых институтов.

При возникновении новой системы культурных координат вполне возможно появление и новых, неожиданных коалиций. Этот процесс может выглядеть как общественное движение, когда в ходе взаимодействия возникают новые организационные идентичности, предпочтения и интересы. Здесь «предприниматели-институционалисты» получают возможность вовлечь различные группы в процесс создания значений, придавая тем самым полю необходимую устойчивость.

Если поле устоялось, те же самые «предприниматели» используют правила и двойственный характер взаимодействия либо для воспроизводства своего привилегированного положения, либо, если они «претенденты», для борьбы с доминирующими группами.

Старые поля предоставляют действующим лицам из доминирующих групп более выгодные возможности воспроизводства своего привилегированного положения именно в силу неравенства при распределении ресурсов и формировании правил.

Если искусные «стратеги» занимают властные позиции в доминирующих группах, их энергия будет направлена на активное участие в игре. «Социально одаренные» участники строят свои действия так, чтобы удержать или улучшить позиции своей группы на поле.

При стабильности поля его активные участники играют уже не такую существенную роль в его воспроизводстве. В конце концов на стороне доминирующих групп и правила, и ресурсы, а возможности их оппонентов явно ограничены. Это также относится и к «непрозрачным средам», где трудно оценить меру успеха или неудачи (например, школы) и легитимность существующих организаций редко оспаривается.

Поля могут претерпевать кризисы в силу воздействия внешних факторов, в том числе и в результате влияния других полей. Кризисы могут иметь место в результате умышленных или случайных действий правительства либо вторжения на данное поле посторонних групп. В таких обстоятельствах доминирующие группы стремятся усилить свое положение, чтобы сохранить статус-кво. Периферийные группы могут взять сторону «претендентов» или вступить в коалицию с правительством с целью перестройки поля. Социальная текучесть ситуации допускает возможность сделок и новых соглашений. Но их инициаторами, скорее всего, будут представители периферийных групп или «претенденты», поскольку ни те, ни другие не имеют обязательств перед существующим порядком.

Такой подход к государству и обществу помогает понять динамику современной реальности. Доминирующие участники социального процесса стремятся воспроизвести себя и дезорганизовать тех, кто бросает им вызов. Но они могут оказаться жертвами кризиса, спровоцированного зависимостью государства от других полей или вторжением представителей соседних полей. Новые институциональные проекты рождаются как внутри одного общества, так и в нескольких обществах сразу. Социально одаренные активисты, пользующиеся системами координат, позаимствованными у одного поля, могут попробовать создать другое поле. Такие возможности возникают как следствие умышленных или случайных действий правительства. Социально одаренные участники поля могут мигрировать туда, где увидят новые перспективы. Это означает, что в кризисные моменты поля находятся в состоянии трансформации¹.

События 80-90-х гг. в России и Восточной Европе также привели к значительным изменениям в теоретических подходах к конфликтам. Ряд исследователей в этих странах, отказавшись от марксистского

¹ См.: Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант. Материалы семинара Совета по исследованиям в области общественных наук. М., 1999.

подхода, призвали к принятию принципа теоретического плюрализма. В частности, подчеркивалось, что необходимо использовать все положительные элементы различных теорий - идей Маркса и Вебера, структурного функционализма, концепций Дарендорфа и Козера, взглядов Парето и Моска (Муча, Михальский, Польша). Другие исследователи (М. Яничевич, Югославия) считают, что в первую очередь необходимо изучать закономерности «переходного периода» («транзиции»), поскольку именно они дают объяснение специфике конфликтов в постсоциалистических странах.

§ 7. Российская юридическая конфликтология

В нашей стране проблематика конфликта долгие годы была запретной для общественных наук. Противоречия (на философском уровне) изучались, но этим дело и ограничивалось. Разумеется, в рамках отдельных дисциплин конкретные виды конфликтов все же были объектом исследования. Психологи изучали внутренние конфликты, философы - общественные противоречия, историки - войны и другие виды борьбы. Представители правовых наук традиционно изучали разноуровневые конфликты (международники - конфликты между государствами, криминалисты - преступные деяния, «цивилисты» - имущественные споры и т.д.).

И лишь в начале 90-х гг. при участии правоведов вышла монография «Юридическая конфликтология», подготовленная в основном коллективом сотрудников Института государства и права РАН, а также «Основы конфликтологии» (1997).

Более подробно изучали конфликты, характерные для переходного периода российского общества, социологи Е.И. Степанов, А.Н. Чумиков и др. Этноконфликты, столь характерные для общества, стали объектом исследования Р. Абдулатипова, Л.М. Дробижевой, А.Г. Здравомыслова и др. Переговоры как основное средство разрешения конфликтов также начали интенсивно изучать (М.М. Лебедева).

Сложившаяся московская исследовательская «монополия» в последние годы была нарушена авторами из регионов, издавшими несколько заметных трудов в области теории конфликта (Ю.Г. Запрудский) и в сфере трудовых отношений (А.К. Зайцев).

Из современных российских исследователей наиболее заметным является коллектив авторов под руководством акад. В.Н. Кудрявцева, разрабатывающий основные подходы к изучению конфликтов в основном с позиций правовых наук¹. Понимая под конфликтом борьбу за ценности и претензию на определенный социальный статус и власть при дефиците материальных и духовных благ; борьбу, в которой целями состоящих в конфликте сторон являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника, эти авторы полагают, что борьба может быть «войной без правил», но во многих случаях она опирается на те или иные правовые, социальные, нравственные, религиозные, технические либо иные нормы и положения.

Полярность интересов участников конфликтов, разное отношение к ценностям и нормам общественной жизни, разнообразие объектов и предметов противоборства приводят к тому, что конфликты могут носить самый различный характер. «Юридическая» (термин В.Н. Кудрявцева) конфликтология обобщает и изучает те особенности, которые характеризуют конфликт главным образом с позиций права. Теоретическое значение такого подхода состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами (а право - один из них) и, следовательно, рассмотрения конфликтов не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими правовыми инструментами и структурами. Отсюда и практический смысл такого подхода: установить, могут ли нормы права воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта, и если могут, то как повысить эффективность этого действия.

В этой связи сначала следует определить, какие элементы конфликта имеют правовую природу или, по крайней мере, могут быть связаны с правовыми институтами и категориями.

¹ См.: Юридический конфликт: сферы и механизмы. М., 1994. С. 5-9; Юридические конфликты. М., 1995. С. 3-5.

Если провести этот анализ в соответствии с логикой развития конфликта и его элементами, то прежде всего следует упомянуть *участников конфликта*. Это субъекты трех уровней: индивиды, социальные группы, государства (народы). Такова социологическая классификация. С правовых позиций выделяются две группы субъектов: физические и юридические лица.

Если речь идет о противоборстве *юридических лиц*, то конфликт обязательно приобретает юридический характер, потому что между этими субъектами складываются, (или уже существуют) правовые отношения; кроме того, разрешить такой конфликт можно скорее всего лишь путем применения правовых норм.

Более разнообразные ситуации складываются, когда конфликт развертывается между физическими лицами (одиночками, группами людей, толпой и др.). *Физические лица*, будучи гражданами, обычно являются субъектами определенных правоотношений. Это налагает заметный отпечаток на их поведение в конфликте. Участник конфликта, состоящий в тех или иных правовых отношениях, должен соизмерять свое поведение с существующими нормами права, помнить, что определенное развитие событий может стать небезразличным для «блюстителей порядка» - правоохранительных органов, а следовательно, и для самих участников происходящего. Субъект конфликта вполне может впоследствии стать участником гражданского, административного или уголовного процесса в качестве истца, ответчика, потерпевшего, обвиняемого или свидетеля. Такая перспектива грозит многим субъектам конфликтов. В некоторых случаях юридический аспект конфликта остается выборочным, т.е. касается не всех, а лишь отдельных его участников. Например, в случае массовых беспорядков толпа атакует милицию, громит Помещения, творит другие бесчинства. Хотя все участники толпы являются гражданами государства и связаны конституционными обязанностями, юридические отношения (в аспекте ответственности за беспорядки) все же возникают, согласно Уголовному кодексу, не со всей толпой, а лишь с организаторами массовых беспорядков и их наиболее активными участниками.

Мотивация в конфликте - также предмет юридического разбирательства (в плане мотивации различаются конфликт интересов и когнитивный конфликт).

При конфликте интересов цели одной группы оказываются достижимыми таким образом, что делают невозможным для других групп реализацию собственных целей. Мотивация подобного конфликта чаще всего связана с овладением того или иного объекта вопреки желанию противника.

В конфликте интересов мотив конфликта также может иметь юридическую природу. Например, споры о наследстве - это не только семейные или финансовые отношения, но и отношения правовые, связанные с пониманием закона и толкованием текста завещания.

Правовой элемент в конфликте интересов может быть выражен с различной степенью интенсивности. Бывают случаи, когда правовой элемент выражен очень слабо и преобладают другие побудительные мотивы. Например, в мотивации межличностного конфликта, возникшего на почве ревности, юридическую роль могут играть, пожалуй, лишь смутные опасения кого-либо из участников конфликта, что дело может закончиться криминальными последствиями и потому следует избегать чрезмерно бурного развития событий. В основном же здесь преобладают эмоции, действуют нравственные, а нередко и религиозные нормы.

Совсем другое значение юридический элемент имеет в наследственных спорах и вообще в любом споре о праве собственности, когда два индивида или учреждения, ссылаясь на закон, отстаивают свои действительные или мнимые права. Возможны случаи, в которых правовой элемент в конфликтных взаимоотношениях сторон выражен с разной степенью интенсивности.

В основе когнитивного конфликта лежит спор о знании - о правоте или неправоте участника по поводу тех или иных его утверждений, соображений, постулатов. В этом конфликте правовой аспект встречается редко. Конечно, возможен теоретический спор о знании права, но для общей конфликтологии этот случай - экзотическая редкость.

Вообще российские юристы убеждены в том, что многие элементы самых разных конфликтов имеют прямое отношение к правовым нормам и институтам. Но при ответе на вопрос, какой же конфликт следует назвать юридическим, возникают методические трудности.

Практически дело сводится к следующей альтернативе: либо все элементы конфликта (мотивация, участники, объекты и др.) должны иметь юридическую характеристику для того, чтобы конфликт в целом

был признан юридическим, либо для этого достаточно, чтобы правовыми признаками обладал хотя бы один его элемент.

Склоняясь к последнему решению, можно считать, что юридическим конфликтом, следует признать любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия.

Иными словами, признается, что юридическим считается конфликт по поводу собственности, даже если противники и не состояли между собой в правовых отношениях (например, две фирмы претендуют на аренду одного и того же помещения). Хотя между фирмами пока правовых отношений нет, они неизбежно возникнут, как только субъекты обратятся для решения конфликта в государственный орган (суд, арбитраж). Если же не обратятся, а решат дело «полюбовно», то регистрация арендных отношений одной из фирм все равно будет юридической процедурой. Но означает ли последнее наличие юридического конфликта? И нет ли здесь абсолютизации права?

Юридическим можно считать и любой межгосударственный конфликт, в том числе и между сторонами, не связанными договором. Дело в том, что враждебные отношения любых государств неизбежно подпадают под действие норм международного права.

Таковыми по своей природе являются также трудовые, многие семейные, производственные, бытовые и межнациональные конфликты, если они затрагивают конституцию страны, соглашения между регионами или ветвями власти, статус наций и народностей.

И все же очень многие конфликты имеют смешанный характер и содержат как правовые, так и неправовые элементы (например, при политических конфронтациях или национальных неурядицах).

Весьма важный аспект всякого конфликта - *пути и способы его предупреждения, прекращения и разрешения*. Почти каждый из них (за исключением когнитивного конфликта) можно назвать юридическим, ибо практически не бывает так, чтобы нельзя было с помощью юридических норм и институтов вмешаться в их развитие.

Иначе говоря, утверждается, что не каждый конфликт юридический, но практически каждый может завершиться той или иной юридической процедурой. Юридические возможности

предотвращения, разрешения или прекращения конфликта в принципе шире, чем правовая природа конфликта. Однако в большинстве случаев для юридического вмешательства в конфликт с самого начала существуют правовые основания.

Для предупреждения обоснованных возражений вводится понятие ложного юридического конфликта, который возникает вследствие ошибки или заблуждения по крайней мере одной из сторон, предполагающей, что другая сторона совершает или намерена совершить агрессивные, неправомерные или иные нежелательные действия.

В конфликте такого рода возможны четыре основные ситуации:

1) сторона полагает, что находится с определенным лицом в правоотношениях, но на самом деле это не так (например, арендатор строения не знает, что собственник дома продал его другому лицу);

2) сторона не сознает, что находится в правоотношениях с другой стороной (скажем, при открытии наследства один из наследников не подозревает о существовании других наследников);

3) сторона полагает, что противник действует незаконно, в то время как действия другой стороны правомерны;

4) сторона полагает, что противник действует правомерно. Из этого перечня видно, что ложность ситуации относится не столько к ее содержанию, сколько к юридической форме. На этой основе вполне может возникнуть конфликт. С одной стороны, ошибка в оценке ситуации не устраняет внеюридических мотивов конфликта и, следовательно, не снижает его остроты. Например, добросовестный приобретатель имущества защищает его от прежнего собственника в случае претензий последнего, не зная ни своих прав, ни прав противника и не считаясь с законодательством. Если бы он знал и соблюдал юридическую форму, у него бы не возникало конфликта с собственником. С другой стороны, осознание и исправление ошибки в юридической форме, если именно она вызвала конфликт, может его прекратить. Так, должностное лицо, осознавшее законность действий представителя власти, который налагает на него штраф за экологическое нарушение, вряд ли будет продолжать поддерживать конфликт, а примет меры по устранению его причин.

Ложный юридический конфликт может быть разрешен при содействии специалистов, юристов-профессионалов, способных разъяснить ситуацию, дать необходимые советы и тем самым устранить почву для конфликта, который превращается в

недоразумение, не требующее силовых приемов для выяснения отношений.

Отмечая важность и благоприятные перспективы развития юридической конфликтологии, отметим и некоторые явные ограничения, встающие на его пути. Так, юридическая система не имеет явного контроля над причинами конфликта. В ходе юридического процесса нельзя менять закон, можно лишь его трактовать. Даже в том случае, если суд находит неординарное решение, отметив, что прежняя практика неудовлетворительна (предполагаемые обстоятельства изменились), все равно мы сталкиваемся с изменениями лишь по некоторым статьям закона, а не системы управления как таковой. Любая попытка критиковать существующее законодательство с позиций реального положения дел или, к примеру, изменений в общей теории права окажется совершенно напрасной. Некоторые конфликты (например, внутренний) вообще не поддаются правовым мерам регулирования.

Формы регулирования конфликтов с помощью правовых норм имеет явные региональные и национальные особенности. Так, если в США подавляющее количество споров разрешается в судебных инстанциях (напомним «дело» Клинтон-Левински), то в Японии ситуация совершенно иная: здесь большинство конфликтов регулируется другими, не менее эффективными способами (обсуждение, переговоры, моральное давление и т.д.).

Разъяснение правовых норм и законоположений, повышение юридической культуры граждан весьма полезно для сокращения числа конфликтов и снижения их остроты. Юридические нормы упорядочивают общественные отношения, стабилизируют социальную жизнь и тем самым способствуют исключению или предотвращению групповых и индивидуальных столкновений.

§ 1. Эксперимент

Представители различных наук, в первую очередь гуманитарных, издавна пытались разгадать причины войн, насилия, споров и других видов конфликтов. Однако лишь недавно конфликт стал объектом конкретных эмпирических исследований, причем ученые-практики быстро убедились и в необходимости привлечения имеющегося теоретического материала. И дело не только в желании использовать основы наследия известных ученых. Любой исследователь-конфликтолог сталкивается с необходимостью применения теории и методов конкретных наук: социологии, экономики, психологии, политологии и др. В некоторых областях эти науки вообще невозможно отделить друг от друга. Так, теория игр, которая широко используется для прогнозирования международных конфликтов, была основана экономистом О. Моргенштерном и математиком Д. Нейманом. Политологи берут на вооружение конкретные социологические методы, в которых математика занимает одно из центральных мест. Российский юрист, академик В.Н. Кудрявцев при разработке юридического направления в конфликтологии пригласил к сотрудничеству не только юристов, но и социологов, психологов, политологов.

Именно поэтому конфликтологи-теоретики и конфликтологи-практики в серьезных программах работают, как правило, совместно. Одновременно каждый автор строит своеобразные мосты между дисциплинами с целью воспроизведения всей картины конфликта. С учетом специфики последнего (он может иметь как позитивные, так и явно негативные последствия) у исследователей возникают проблемы, связанные с известным риском.

Вследствие этого существенно ограничиваются экспериментальные подходы, поскольку любое прямое вмешательство в конфликт, особенно межличностный, не только может причинить вред сторонам, но и нарушить «чистоту» исследования. Выбор зависит от вида и уровня исследуемого конфликта, его общественной значимости.

На уровне *межличностного общения* эксперимент, как правило, проводят психологи.

Вера Биркенбил описывает ситуацию, сложившуюся в ходе невербального (бессловесного) эксперимента, проведенного за столом ресторана, где сидели два друга. Один из них, психиатр, повел себя несколько необычным способом: взял сигарету, закурил и, продолжая говорить, пачку положил недалеко от тарелки собеседника. Последний почувствовал себя несколько неуютно, хотя и не мог понять почему. Чувство дискомфорта усилилось, когда психиатр, пододвинув свой бифштекс к пачке с сигаретами, перегнулся через стол и стал что-то с жаром доказывать своему собеседнику.

Наконец он сжалился и сказал:

- Я только что продемонстрировал с помощью так называемого языка тела основные черты неязыковой коммуникации. Пораженный друг спросил:

- Какие основные черты?

- Я агрессивно тебе угрожал и через это вызываяще на тебя воздействовал. Я привел тебя в состояние, в котором ты мог быть побежден, и это тебя беспокоило.

- Но как? Что ты делал?

- Сначала я передвинул в твою сторону свою пачку сигарет, - объяснил он. - По неписаному закону стол делится пополам, то есть одна половина стола моя, а другая твоя.

- Но я ведь не устанавливал никаких разграничений.

- Конечно, нет. Но, несмотря на это, такое правило существует. Каждый из нас мысленно «маркирует» свою часть, и обычно мы «делим» стол согласно этому правилу. Однако я, поместив свою пачку сигарет на другую половину, эту неписаную договоренность нарушил. Хотя ты и не осознавал того, что происходит, но почувствовал дискомфорт... Потом последовало следующее вторжение: я пододвинул к тебе свой бифштекс. Наконец, вслед за ним последовало и мое тело, когда я навис над твоей стороной... ты чувствовал себя все более и более скверно, вот только не понимал, почему собственно.

Повторив этот эксперимент с кем-нибудь из своих знакомых, вы прежде всего приобретете видение того, как можно «построить» границу вдоль своего «участка».

Если вы иногда будете проводить такие эксперименты, то, вероятно, довольно часто ваши собеседники будут переставлять свой стул назад, чтобы отодвинуться от вас подальше: в конце концов, чтобы снова оказаться в их зоне, вы будете вынуждены практически лечь на стол.

Действия противоборствующие выглядят совсем иначе: сначала ваш собеседник, зачастую еще бессознательно, начинает отодвигать обратно предметы, располагаемые вами в его зоне. Вы снова сдвигаете их к нему, а он упорно отодвигает их назад. Это может продолжаться раз, другой, третий, до тех пор пока ваш собеседник не осознает, что происходит. Тогда он вступит «на тропу войны»,

например, агрессивно заявив: «Оставьте же это наконец!», или подчеркнуто резко швырнет эти предметы на вашу сторону¹.

Еще более рискованными являются попытки изучения причин и динамики конфликта, но уже с использованием насилия. Исследователь может применить стимулирующие или подавляющие меры (независимые переменные), которые ведут к каким-либо результатам. Например, если провести воздействие на группу испытуемых, то можно обнаружить ответное усиление или ослабление агрессии, фиксируя различные его проявления (крики, стук, угрозы и т.д.).

Так, Харрас и ее коллеги в 70-х гг. разработали остроумный эксперимент. Испытуемые, которым случалось оказаться в магазинах, супермаркетах, ресторанах, аэропортах и прочих общественных местах, подвергались прямому и сильному подстрекательству к агрессии. С этой целью в исследовании с учетом разнообразия физических условий применялось несколько отличающихся друг от друга процедур. В одном из вариантов помощники и помощницы экспериментатора намеренно налетали на людей сзади. Реакция испытуемых на этот неожиданный и обидный поступок классифицировалась затем по категориям вежливой, безразличной, несколько агрессивной (краткий протест либо взгляд) и очень агрессивной (долгие сердитые выговоры или ответный толчок). В нескольких других исследованиях ассистенты экспериментатора влезали перед человеком, ждущим своей очереди, в магазинах, ресторанах и банках. В некоторых случаях ассистенты говорили «извините», в других же не говорили вообще ничего. Затем записывались вербальные (словесные) и невербальные реакции испытуемых на эту провокацию. Вербальные реакции классифицировались как вежливые, безразличные, несколько агрессивные (краткие замечания типа «здесь я стою») и очень агрессивные (угрозы или брань). Невербальные реакции классифицировались как дружелюбные (улыбка), безразличные взгляды, Враждебные или угрожающие жесты, толчки и выпихивание. Эти процедуры применялись для изучения действия различных факторов, в том числе фрустрации, наличия агрессивного примера и статуса фрустрирующего².

Любопытно было бы попытаться применить этот метод в российских магазинах в конце 80-х гг. ... Разумеется, при обеспечении необходимой безопасности для экспериментаторов.

¹ Биркенбил В. Язык интонации, мимики и жестов. СПб., 1997. С. 141.

² См.: Барон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997. С. 70.

§ 2. Исследование документов

Можно предположить, что влияние различных (шумовых, световых и др.) раздражителей на агрессивность поведения не обязательно исследовать методом эксперимента. Психофизиологи дают множество сведений об этом как в своих статьях и книгах, так и в официальных отчетах. Исследователь также может узнать о конфликтующих странах, институтах, группах и отдельных людях в многочисленных источниках, которые социологи называют документами, психологи - архивными данными или документальной информацией, экономисты - статистикой и т.д. В любом случае имеются в виду средства различного закрепления на специальном материале информации о фактах, событиях и мыслительной деятельности человека. Информация фиксируется с помощью букв, цифр, стенографических и иных знаков, рисунков, фотографий, звукозаписей и т.д. В зависимости от технических средств фиксации информации различают следующие виды письменных документов: официальная документация государственных и общественных организаций, литература; пресса; личные документы (письма, дневники); фонетические (радио, магнитные записи, грампластинки). В последние десятилетия появились и продолжают появляться новые физические носители для хранения документации, например микрофильмы. Универсальным способом хранения и распространения становится представление информации в машиночитаемой форме на магнитных (магнитные ленты, дискеты и т.п.) и оптических (оптические диски) носителях для компьютера. Например, исходные данные переписей населения хранятся в машиночитаемой форме; исходные данные социологических исследований хранятся в банках данных на магнитных носителях; некоторые газеты распространяют тексты электронным способом. Все более популярным становится использование системы Интернет.

Анализ содержания документальных источников во многих случаях позволяет получить информацию, достаточную для углубленного анализа проблемы. Так, при формулировке проблемы и гипотез исследования конфликтолог обращается к анализу таких письменных документов, как научные публикации, отчеты по предшествующим исследованиям, различная статистическая и

ведомственная документация. Анализ документов дает первоначальную информацию¹.

Российский исследователь конфликтов в сфере девиантного поведения Я.И.Гишинский тщательно изучал необходимую ему статистику. Он пришел к выводу, что статистические данные, характеризующие состояние и динамику организованной и экономической преступности, весьма неполны. Это объясняется, во-первых, пробелами в уголовном законодательстве, не позволяющими учитывать непосредственно деятельность преступных организаций, во-вторых, очень глубокой латентностью совершаемых ими преступлений. Лишь дополнительные специальные исследования позволяют представить развитие организованной экономической преступности в стране и ее регионах (в частности, в Санкт-Петербурге).

Между тем при всей ограниченности информации об организованной преступности все же нельзя пренебрегать какими-либо источниками, включая официальные статистические данные.

В результате анализа он смог констатировать:

- * существующие показатели организованной и экономической преступности в современной российской уголовной статистике лишь в очень слабой степени, весьма косвенно отражают криминальную ситуацию;

- * тренд большинства показателей характеризует не столько реальную динамику преступлений, сколько активность (пассивность) правоохранительных органов, их политику и практику;

- * некоторые показатели (групповая преступность, преступления, совершенные с применением огнестрельного оружия) свидетельствуют о расширении масштабов организованной преступности².

Обычно при исследовании документов встречаются трудности, связанные с большим количеством и разнообразием источников. Поэтому применяется своеобразная методика их изучения, называемая контент-анализом (количественный анализ). Его суть укладывается в довольно простую схему: «Кто сказал, что, кому, как, с какой целью и с каким результатом?» При применении этой методики удается найти и подсчитать признаки документа (например, число упоминаний слова «борьба»), отражающие его сущностное содержание.

¹ Социология. М., 1996. С. 390-391.

² См.: Организованная преступность в России: Теория и реальность. СПб., 1996. № 9. С. 80-81.

Заметим, что контент-анализ - это методика с широким спектром применения. Однако он, возможно, более, чем любой другой метод, требует тщательной операционализации всех переменных и постоянного мониторинга процесса наблюдения. Благодаря ему можно получить высокоинформативные результаты, но которые должны интерпретироваться лишь в контексте всех материалов, а не только контент-анализа. Дело в том, что анализ документов дает ограниченный результат. Они подготовлены обычно с позиций тех или иных групп и учреждений, т.е. носят, как это ни кажется парадоксальным, субъективный характер. К тому же они достаточно фрагментарны и зачастую не коррелируют с задачами исследователей.

§ 3. Опросы

Конфликтологи по интересующим их проблемам часто используют ответы людей. Эти данные можно получить как от стороны, участвующей в конфликте, так и от его очевидцев. Важную вербальную информацию могут дать и специалисты в этой области (эксперты). В частности, для измерения психологии участников конфликта разработано большое количество тестов и опросников. Вопросы, обращенные к респондентам, как правило, опосредованы, поскольку многие из них стесняются рассказывать об участии в конкретном конфликте. Что касается вопросов о конфликтах, в которых респонденты не участвовали, то здесь они обычно более словоохотливы. Достоинства опросов очевидны: они не причиняют вреда ни интервьюерам, ни респондентам; относительно дешевы и не требуют больших затрат времени. Очевидны и недостатки: некоторые опрашиваемые стесняются, другие скрытны, сами же исследователи с трудом преодолевают свой субъективизм, особенно при интерпретации ответов.

Для иллюстрации каждому из читателей достаточно провести простой опрос среди своих коллег с целью выяснения их готовности конфликтовать «грамотно»¹.

АНКЕТА КОНФЛИКТОЛОГА (ШКАЛА ТАКТИКИ)

¹ См.: Чумиков А.Н. Управление конфликтами. М., 1995. С. 49-52.

1. Согласны ли вы с тем, что компромисс - самый лучший способ урегулирования конфликтов?

а) Да, согласен, б) Нет, не согласен, в) Затрудняюсь ответить.

2. Чем больше толковых законов, тем меньше нежелательных конфликтов, не так ли?

а) Да, именно так. б) Нет, не так. в) Затрудняюсь ответить.

3. Уменьшается ли число конфликтов при хорошей организации общества или отдельного коллектива?

а) Да. б) Нет. в) Затрудняюсь ответить.

4. Когда вас станет сильно раздражать какой-либо политический или экономический противник, попытаетесь ли вы договориться с ним «полюбовно»?

а) Да, конечно, б) Вовсе нет. в) Затрудняюсь ответить.

5. Если вы абсолютно уверены в том, что правы, а соперник не прав, постараетесь ли вы убедить его в этом?

а) Да. б) Нет. в) Затрудняюсь ответить.

6. Стоит ли выдвигать на руководящие должности «штатных критиков»? а) Да, стоит, б) Нет, не стоит, в) Затрудняюсь ответить.

7. При обращении с партнерами следует ли говорить им всю правду, чтобы не было конфликтов?

а) Да, следует, б) Нет, не следует, в) Затрудняюсь ответить.

8. Четыре фирмы - *A*, *B*, *C* и *D*- долго конкурировали между собой. Когда конкуренция приблизилась к своему пику, каждая из фирм решила снять возникшие проблемы «окончательно и бесповоротно». При этом использовались следующие методы: Фирма *A* выбрала путь материального «удушения» соперников; фирма *B* занялась поиском компромата на конкурентов; фирма *C* выразила готовность пойти на уступки и провести переговоры по данному вопросу; фирма *D* решила вообще не предпринимать никаких действий. Какая из них поступила наиболее разумно:

а) Фирма *A*. б) Фирма *B*. в) Фирма *C*. г) Фирма *D*. г) Затрудняюсь ответить.

ОБРАБОТКА РЕЗУЛЬТАТОВ

Чтобы определить набранную вами сумму баллов, воспользуйтесь следующим «ценником»:

За каждый ответ «да» - 0 очков; за каждый ответ «нет» - 1 очко; за выбор любой из конкурирующих фирм - 1 очко; за каждый ответ «затрудняюсь ответить» - 2 очка.

Итак, если вы набрали менее 5 очков, вам предстоит нелегкая жизнь. Даже если вам везло раньше, в будущем возможны срывы и серьезные проигрыши. Так что хорошенько задумайтесь над своими действиями и по меньшей мере не форсируйте принятие решений.

Показатель от 5 до 10 очков более или менее нормален. Вы, конечно, допускаете ошибки, но они уравниваются вполне разумными шагами. К тому же у вас есть неплохие задатки конструктивного мышления. Чуть больше анализа, знаний - и успех будет вам сопутствовать постоянно.

Того, кто набрал более 10 очков, остается только поздравить. Вы прекрасный тактик и аналитик. А если что-то не получается, то дело, скорее всего, не в ваших промахах, а в обстоятельствах.

При проведении значительных исследований, например в области трудовых отношений, применяются другие, более сложные, виды опросов.

Так, в проведенном проф. А.К. Зайцевым опросе были исследованы участники 20 забастовок на предприятиях центрального региона России (Калуга, Тула, Воронеж), которые проходили с октября 1996 по октябрь 1997 г. Этот период времени был характерен тем, что здесь практически каждый месяц трудящиеся прекращали работу.

Данное исследование отразило мнения экспертов-участников забастовок из самых разных отраслей профессиональной деятельности, таких как образовательные и медицинские учреждения, предприятия тяжелой промышленности, а также угледобывающей отрасли.

В ходе исследования были опрошены эксперты как организаторы (участники) забастовки, так и их оппоненты (представители среднего и высшего уровней управления). Большинство опрошенных в возрасте от 35 до 55 лет имели высшее образование. Около 15% респондентов, в основном рабочие, имели среднее специальное образование. В исследовании был представлен широкий социально-профессиональный спектр: 20% опрошенных - представители профсоюзных комитетов, общественных работников, социологов; 17,5% - начальники отделов предприятий и учреждений; 15% - представители высшего управленческого звена; 12% - работники образования и др.

Для получения данных исследователи использовали *метод диагностического интервью*, который позволил получить качественную информацию об изучаемом социальном явлении -

забастовочном процессе. Однако исследователи столкнулись с рядом организационно-психологических проблем, затрудняющих их работу. В ряде случаев боязнь увольнения, нежелание идти на контакт из-за «звонков сверху» привели к тому, что из исследования выпал блок информации об одном из видов профессиональной деятельности.

На основании полученной информации исследователи попытались выявить стратегии конфликтующих сторон и наиболее типичные причины отсутствия таких стратегий на стадии созревания конфликта.

Выяснилось, что на начальной стадии забастовщики вели себя непоследовательно: они привлекали внимание общественности, устраивали митинги, пикеты, угрожали «полноценной» забастовкой, выражали недоверие местной администрации, приостанавливали добычу и отгрузку угля и т.д. Вместе с тем до начала открытых действий лишь пятая часть инициаторов забастовки реально оценила собственные силы и возможности, а также силы и возможности оппонентов, и лишь треть забастовщиков изначально ориентировались на учет интересов противоположной стороны.

Таким образом, забастовщики, демонстрируя на этапе формирования конфликта стратегию «проталкивания» внутренне не были готовы к противоборству и твердой защите своих интересов. В целом такая позиция говорит об отсутствии у инициаторов забастовки определенной стратегии.

Одновременно явное большинство респондентов из администрации с уверенностью утверждало, что с самого начала конфликтного взаимодействия у них была твердая стратегия поведения. На стадии формирования эта сторона конфликта имела определенные, четко сформулированные для себя цели: разъяснить забастовщикам причины сложившейся ситуации, варианты и сроки выхода из нее; убедить бастующих не прекращать работ); обратить внимание на недостаточное финансирование бюджетной отрасли и другие «объективные» обстоятельства; добиться улучшения материального положения работников; обеспечить работникам соответствующий уровень оплаты труда: погасить задолженность по зарплате и т.п. В описании средств, с помощью которых администрация пыталась добиться своих целей, преобладали объяснения перспектив развития предприятия и его возможностей, убеждения не прибегать к забастовке, переадресовка ответственности на вышестоящие организации и государственные органы. На вопросы об учете собственных сил и возможностей в предзабастовочной ситуации, а также их оппонентов (забастовщиков) подавляющая часть представителей администрации (75%) отказалась отвечать. На основе полученных данных авторы сделали вывод: на стадии формирования основной стратегией поведения администрации была стратегия приспособления в сочетании со стратегией «уклонения».

§ 4. Наблюдение

В применении Шкалы тактики (§ 3) есть один недостаток, проистекающий из возможного нежелания респондента отвечать на вопросы. Кроме того, список «нарушений» может оказаться неполным. Поэтому наиболее распространенным и довольно простым является метод наблюдения. Каждый из нас, чаще всего бессистемно, пользуется этим методом в повседневной жизни, поскольку он позволяет оценить многие личностные характеристики как знакомых, так и незнакомых нам людей.

Профессиональными наблюдателями являются журналисты, комментаторы, врачи, учителя, представители многих других специальностей. Наблюдение обычно производится в естественных условиях, чем и отличается этот метод от других.

Конфликтолог в зависимости от целей исследования и складывающейся ситуации может наблюдать, являясь либо участником события (включенное наблюдение), либо сторонним наблюдателем (обычное наблюдение).

Примером включенного наблюдения можно считать исследования Е.М. Шепелева (1998), заместителя главы администрации г. Ростова-на-Дону. Программы его наблюдения состояли не в регистрации частоты тех или иных проявлений социальной напряженности в городе, а в экспертном анализе наблюдаемой целостной ситуации. Наблюдатель легко входил в исследовательскую ситуацию, поскольку ему не нужно было осваивать новую роль. Конечно, в этом случае наблюдался «внутренний» конфликт самого исследователя, который выражался в необходимости собирать необходимый материал и одновременно выполнять чисто служебные, административные обязанности. Этот конфликт, впрочем, не помешал исследователю оценить причины напряженности в городе, опубликовать собранные данные и защитить кандидатскую диссертацию¹.

Профессиональное «обычное наблюдение» провел известный московский социолог А.Г. Здравомыслов во время своих служебных командировок в Осетию в середине 90-х гг. Объектом исследования были последствия осетино-ингушского конфликта, произошедшего осенью 1992 г. Метод, избранный А.Г. Здравомысловым, был

¹ См.: Шепелев Е.М. Современный городской социум. Источники социальной напряженности. Ростов н/Д., 1998.

нестандартизирован, что позволило определить общие направления в наблюдении, согласно которым результаты фиксируются как непосредственно на месте («в поле»), так и позднее по памяти. В сочетании с наблюдением использовались и другие методы: сбор и анализ документов, интервью. Собранный и обобщенный материал был оформлен в виде научного доклада и представлен руководству Осетии, Ингушетии, а также во Временный государственный комитет по ликвидации последствий конфликта¹.

Достоинства метода наблюдения состоят не только в его относительной простоте, но и в том, что он дает возможность исследователю вникнуть в детали конфликта, «прочувствовать» его многообразие. Недостаток его также очевиден: личность исследователя неизбежно сказывается на качестве наблюдения, да и в отличие от качественного количественный характер выводов может быть поставлен под сомнение.

Многие исследователи (В.А. Ядов, Ф.И. Шереги, М.К. Горшков и др.) рекомендуют применять его лишь в сочетании с другими методами.

§ 5. Некоторые обобщения

Представленная читателю краткая информация необходима для выбора конкретного метода исследования конфликтов. Она может быть полезной лишь при определенных условиях.

1. Исследовательский процесс должен рассматриваться как единое целое, а не как применение одного или нескольких методов. Каждый конфликт требует интегрированного объяснения во избежание многих рабочих проблем, т.е. любой конфликт требует комплексного исследования.

2. Любое исследование начинается с изучения литературы по социальным наукам, имеющим общее отношение к конфликтам, а также немногочисленных пока учебников по конфликтологии.

3. Творческое сравнение информации о конфликтах, полученной из теоретических источников, с реально наблюдаемым конфликтом позволяет выдвинуть предварительные гипотезы, которые должны быть подтверждены, если наши объяснения верны.

¹ См.: Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт. Перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998.

4. При выборе методов исследования следует считаться с имеющимися материальными ресурсами. Это особенно важно при проведении опросов и организации эксперимента.

5. Самое главное в исследовании - разработка программы, центральной задачей которой является гарантия того, что любая наблюдаемая взаимосвязь есть результат процессов, описанных нами, а не каких-либо других процессов. В программу обычно включаются:

- а) цель и задачи исследования; б) основные и второстепенные гипотезы; в) решение о том, как собирать данные и какими методами;
- г) организация сбора и обработки полученных данных.

Вооружившись методологией и методикой исследования, конфликтолог может успешно проводить эмпирические исследования. Изданы десятки книг по организации и проведению подобного рода исследований, которые облегчат задачи анализа тем, связанных с конфликтами. Начинающему исследователю многое покажется трудным и непреодолимым. Но на практике все обстоит проще.

С этим я столкнулся во время общения со студентами Московского Высшего института управления. Тогда многие проблемы решались в ходе самой работы и в процессе обсуждения прочитанных мной лекций по теоретической и практической конфликтологии.

Особенно важно отметить, что совокупность данных исследований, а также знаний, полученных из литературы, называемой нами конфликтологической, не есть нечто неизменяемое, постоянное. Они изменяются, уточняются, расширяются. Главное иметь основу как для понимания того, что уже сделано в этой области, так и для выработки собственных оценок. Но прежде всего необходим некий минимум теоретических знаний.

Природа конфликтов

Глава 3

§ 1. Понятие конфликта

В научной литературе, впрочем, как и в публицистике, конфликт трактуется неоднозначно. Существует множество определений этого термина. Наиболее распространенный подход состоит в определении конфликта через противоречие как более общее понятие и прежде всего - через социальное противоречие.

Развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, развертывания и разрешения объективных противоречий. Признавая это на словах, господствовавшая в течение десятилетий марксистская теория, По существу, не относила это к советскому обществу. Известно, что один из идеалов социализма состоял в изживании классовых конфликтов. Именно поэтому еще в конце 30-х гг. у ряда авторов появилась идея «бесконфликтности» развития социалистического общества, отсутствия в нем антагонистических противоречий. Наиболее полно эта идея была представлена в тезисе о полном соответствии производственных отношений характеру производительных сил при социализме.

Позднее было признано, что это соответствие проявляется не всегда, а лишь тогда, когда противоречия объединяются неким единством противоположных друг другу сторон, т.е. соответствие было представлено на раннем этапе развития противоречий, когда противоположности еще объединены в рамках единства. В то же время большинство тогдашних социальных философов, занятых поисками основного противоречия социализма, считали таковым противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Иногда - между производством и потреблением, старым и новым и т.п.

Так или иначе, проблема противоречий в нашей литературе разрабатывалась, чего нельзя сказать о теории конфликтов; ей, по существу, не уделялось никакого внимания. Между тем противоречия и конфликт, с одной стороны, не могут рассматриваться как синонимы, а с другой - противопоставляться друг другу. Противоречия,

противоположности, различия - это необходимые, но недостаточные условия конфликта. Противоположности и противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями. Таким образом, *конфликт - это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон.*

Иными словами, конфликт - это процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции. Термин «конфликт», кажется, может быть распространен на многие явления, вплоть до борьбы с неодушевленными предметами (в борьбе за существование, например). Но в социальном конфликте все стороны представлены людьми, группами людей. Под *социальным конфликтом* обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны. Социальный конфликт включает в себя активность индивида или групп, неумышленно блокирующих функционирование или наносящих ущерб другим людям (группам). Заметим, что в конфликтологии используются и такие термины, как «споры», «дебаты», «торги», «соперничество», «контролируемые сражения», «косвенное» и «прямое» насилие. У многих исследователей конфликт ассоциируется с масштабными, историческими изменениями.

Некоторые рассматривают, например, «конфликт общества с природой или конфликт человека с самим собой. В этих случаях слово «конфликт» для подобных ситуаций не всегда подходит, поскольку оно неадекватно общепринятому представлению.

Итак, для социального конфликта всегда необходимы по меньшей мере две противодействующие стороны. Их поступки обычно направлены на достижение взаимоисключающих интересов, что ведет к столкновению сторон. Именно поэтому всем конфликтам свойственно сильное напряжение, которое побуждает людей так или иначе менять поведение, приспосабливаться либо «ограждать» от данной ситуации.

В отечественной научной литературе наиболее полное определение социального конфликта дал, на наш взгляд, Е.М. Бабосов:

«Конфликт социальный (от лат. *conflictus* - столкновение) есть предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов»¹.

«Конфликт социальный складывается и разрешается в конкретной социальной ситуации в связи с возникновением требующей разрешения социальной проблемы. Он имеет вполне определенные причины, своих социальных носителей (классы, нации, социальные группы и т.д.), обладает определенными функциями, длительностью и степенью остроты»².

Правда, это определение, схватывая основную суть дела, не отражает всех черт конфликта, в частности его психологизма. Эта особенность прослеживается и в работе Ю.Г. Запрудского «Социальный конфликт»:

«Социальный конфликт - это явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных субъектов, прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству»³.

Здесь все верно, но слишком масштабно. Не оказалось места для бытовых, семейных, трудовых - словом, конфликтов более «низкого уровня», а их не следует игнорировать.

Приведем еще одно определение, принадлежащее В.И. Сафьянову:

¹ Бабосов Е.М. Основы конфликтологии. Минск, 1997. С. 55.

² Социологический словарь. Минск, 1991. С. 80.

³ Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. Ростов/Д, 1992. С.54

«Конфликт в общении» - это насильственное межличностное противоборство, связанное с сознательным ущемлением нравственного достоинства и потребностей партнера»¹.

Конфликт, считает он, имеет место только тогда, когда ущемляется достоинство (как правило, насильственно) хотя бы одного из субъектов общения. В данном случае конфликт отличается от противоречия, от борьбы противоположностей степенью ущемления нравственного достоинства. Здесь, как видим, подчеркнут прежде всего личностный, психологический аспект.

Сегодня, как уже отмечалось, при изучении различных сфер общественной жизни исследователи широко применяют так называемый конфликтологический подход. Например, в политическом исследовании фокусируется внимание на соревновании между людьми и группами за ценности, имеющие политическую значимость. В международной политике конфликтологический подход, с нашей точки зрения, является основным. Этот подход можно использовать и в юриспруденции, когда преступление рассматривается как результат конфликта между людьми, прослеживается механизм его возникновения; конфликт продолжается и в судебном процессе (обвиняемый и его защитник, с одной стороны, обвинитель - с другой). Ниже эти проблемы будут рассмотрены подробно.

В завершение надо упомянуть и о явлениях, близких к конфликту, таких, как соревнование, состязание, конкуренция. В принципе, в указанных случаях имеет место противоборство сторон. Однако оно, как правило, не является обостренным до степени враждебности, и, даже если вражда возникает (например, при конкуренции), она не сопровождается обоюдными действиями, препятствующими законному поведению другой стороны. Каждый действует «на своем поле», стремясь достичь успеха и тем уязвить противника. Нередко конкуренты используют незаконные пути и методы. Но при этом действия сторон в целом позитивны - они стремятся к собственному максимальному успеху, и подавление противника для них не самоцель. Это, конечно, не исключает возникновения конфликта и в ходе «мирных» действий. Таким образом, конфликт и соревнование не идентичны, но соревнование может перерасти в конфликт. Это касается и конкуренции, в которой соперники могут перейти к прямому давлению друг на друга.

¹ Сафьянов В.И. Этика общения. Проблемы разрешения конфликта М., 1997. С.101, 104

Особый случай представляют собой игры, в том числе спортивные. Некоторые из них и задуманы как конфликты (например, борьба, бокс). Однако очевидно, что, по существу, речь идет об имитации конфликта. Кончается игра - кончаются «конфликтные» взаимоотношения. Неприязнь между игроками разных команд, остающаяся после состязания, - скорее исключение, чем правило; в спорте она отнюдь не поощряется.

§ 2. *Границы конфликта*

Чтобы точнее уяснить природу конфликта, необходимо определить его границы, т.е. его внешние пределы в пространстве и во времени. Начнем с бытового примера. Иван Иванович, полагая, что его сосед по садовому участку несправедливо отнял у него часть огорода, решил «проучить» обидчика и собрать с его участка часть урожая помидоров. О своем замысле он рассказал жене, которая вовремя отговорила его от задуманных действий. Был ли здесь конфликт, начался ли он или уже завершился? Каковы его пространственные границы и кто его участники? Эти вопросы, не столь уж важные в случае ссоры между соседями, перерастают в крупные политические и правовые проблемы, когда речь идет о межгосударственных или межнациональных отношениях.

Можно выделить три аспекта определения границ конфликта: пространственный, временной и внутрисистемный.

Пространственные границы конфликта обычно определяются территорией, на которой происходит конфликт. Четкое определение пространственных границ конфликта важно главным образом в международных отношениях, что тесно связано и с проблемой участников конфликта. В нашей недавней истории подобная задача возникала неоднократно в ходе межнациональных конфликтов в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Северном Кавказе и других регионах, где следовало бы четко определить территориальные границы зоны конфликта для осуществления превентивных мер.

Временные границы - это продолжительность конфликта, его начало и конец. От того, считать ли конфликт начавшимся, продолжающимся или уже закончившимся, зависит, в частности, юридическая оценка действий его участников в той или иной момент

времени. Это особенно, важно для правильной оценки роли вновь присоединившихся к конфликту лиц.

Начало конфликта, с нашей точки зрения, определяется объективными (внешними) актами поведения, направленными против другого участника (конфликтующей стороны), при условии, что последний осознает эти акты как направленные против него и им противодействует. Эта несколько усложненная формула означает, что конфликт будет признан начавшимся, если:

1) первый участник сознательно и активно действует в ущерб другому участнику (т.е. своему противнику); при этом под действиями мы понимаем как физические действия, так и передачу информации (устное слово, печать, телевидение и т.д.);

2) второй участник (противник) осознает, что указанные действия направлены против его интересов;

3) второй участник предпринимает ответные активные действия, направленные против первого участника.

Сказанное означает, что, если действует только один участник или участниками производятся лишь мыслительные операции (планирование поведения, обдумывание образа действий противника, прогнозирование хода будущего конфликта и т.п.), говорить о наличии конфликта неправомерно.

В самом деле, ситуацию, в которой действует (пусть даже агрессивно) лишь одна сторона, а вторая ведет себя пассивно, назвать конфликтной еще нельзя. Возможно, предполагаемый противник признает эти действия правильными; может быть, он опасается противодействовать первому участнику и подчиняется ему или же им руководят какие-то иные соображения. Как бы то ни было, он не предпринимает никаких действий против первого субъекта, но в таком случае нет противоборства сторон, т.е. конфликта.

Мысленные действия, никак не выраженные внешне, не являются элементом начавшегося конфликта, под которым понимается фактическое, а не воображаемое противоборство сторон.

Сказанному, однако, не противоречит предложенное некоторыми специалистами выделение латентной (скрытой) стадии развития конфликта, а точнее, стадии, предшествующей открытому конфликту, которая включает планирование будущих операций и подготовку к ним. Выделение этой стадии существенно для анализа крупных конфликтов международного значения (например, планирование войны). Утвердив в 1940 г. план «Барбаросса», предусматривающий

нападение на СССР, Гитлер еще не развязал военного конфликта между СССР и Германией, но вступил в его латентную стадию; началом открытого конфликта стало, как известно, 22 июня 1941 г.

Разумеется, конфликт как противоборство сторон в международных отношениях не исчерпывается военными действиями. Так, конфликты дипломатический, торговый, пограничный, политический разрешаются ненасильственными средствами. Однако при всех условиях речь идет о противоборстве сторон, т.е. взаимных действиях (хотя бы и словесных). Таким образом, конфликт всегда начинается как двустороннее (или многостороннее) поведение. Ему, как правило, предшествуют действия одной из сторон, что позволяет в большинстве случаев определить зачинщика конфликта.

Так, нетрудно было определить зачинщика в конфликте Ирака с Кувейтом в 1991 г. Агрессивная роль Ирака, предпринявшего неспровоцированное нападение на соседнюю страну, получила отрицательную оценку со стороны Организации Объединенных Наций и всего мирового сообщества.

Труднее определить, кто являлся зачинщиком многочисленных межнациональных конфликтов, происходивших в 90-е гг. XX в. на территории России и других государств СНГ, а также Югославии. Неясность исходных шагов, запутанность ответных действий, взаимные обвинения, необъективность информации - все это затягивает развитие конфликта, препятствует его быстрому и безболезненному прекращению, мешает выявлению подлинных виновников.

Завершение конфликта также не однозначно. Конфликт может быть исчерпан (например, примирением сторон), но может прекратиться выходом из конфликта одной из сторон либо ее уничтожением (во время войны или при совершении преступления). Наконец, возможно пресечение развития и прекращение конфликта в результате вмешательства третьих лиц. Этим способом в ряде случаев заканчиваются так называемые криминальные конфликты. Практика международных отношений все более часто использует третьи силы для пресечения межнациональных конфликтов (ввод войск ООН, дипломатическое посредничество и др.). Эти методы, как известно, используются во многих странах, в том числе в нашей стране и государствах СНГ

Таким образом, окончанием конфликта нужно считать прекращение действий всех противоборствующих сторон, независимо от причины, по которой они имели место.

Рассмотрим *внутрисистемный аспект* развития конфликта и определения его границ. Всякий конфликт происходит в определенной системе, будь то семья, группа сослуживцев, государство, международное сообщество и т.д. Эти внутрисистемные связи сложны и многообразны. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть глубоким, обширным или частным, ограниченным. В межгосударственных конфликтах велика опасность разрастания, распространения обостренных взаимоотношений не только в территориальном, но и в социальном, национальном, политическом аспектах; такой конфликт способен затронуть самые широкие слои общества.

Определение внутрисистемных границ конфликта тесно связано с четким выделением конфликтующих сторон из всего круга его участников. Как мы увидим далее, кроме непосредственно противоборствующих сторон участниками конфликта могут быть и такие фигуры, как подстрекатели, пособники, организаторы конфликта (сами в нем непосредственного замешанные), а также третейские судьи, советники, сторонники и противники тех или иных лиц, конфликтующих между собой. Все эти лица (или организации) - элементы системы. Границы конфликта в системе зависят, таким образом, от того, насколько широк круг в него вовлеченных участников. Знание внутрисистемных границ конфликта нужно для воздействия на происходящие процессы, в частности, для предотвращения разрушения системы в целом (если это, разумеется, необходимо).

§ 3. *Функции конфликта*

Ясно, что конфликт служит способом выявления и разрешения противоречий. Если противоположные силы, их интересы вызывают напряжение, переходящее в открытое противоборство, то, естественно, этому противоборству рано или поздно должен прийти конец. Конфликт с его последующим разрешением и является одним из путей выхода из противоречия.

При таком подходе возникает проблема оценки роли конфликта. Преобладающая, можно сказать, обыденная оценка любых конфликтов

однозначно отрицательна. В самом деле, мы достаточно натерпелись не только от бытовых ссор и неурядиц, служебных неприятностей, но и - в последнее время - от серьезных межнациональных, территориальных, общественно-политических и прочих противостояний и противоборств. Поэтому конфликт оценивается общественным мнением в основном как явление нежелательное. В целом, пожалуй, он таковым и является - по меньшей мере, для одной из сторон. Так, из-за конфликтов на производстве, по мнению многих исследователей, теряется до 15% рабочего времени. Есть и другая точка зрения, согласно которой конфликт - не только неизбежное, но и полезное социальное явление.

Авторы, признающие конфликт нежелательным, считают его разрушителем (или нарушителем) нормально функционирующей социальной системы. По их мнению, в своей изначальной основе конфликт не присущ системе и обычно исчерпывается тогда, когда появятся (или активизируются) те силы в системе, которые вернут ее в положение баланса и стабильности. Но отсюда следует, что уже в самом конфликте заложен стимул к появлению институтов для поддержания системы в устойчивом состоянии. Это и законодательная деятельность, и принятые процедуры для решения различных споров, и политические собрания, где партийные конфликты решаются в «войне слов», т.е. в дебатах и дискуссиях, и рынок, где соперничающие интересы между покупателями и продавцами решаются посредством сделок, и т.д. Отсюда вытекает, что даже те специалисты, которые считают конфликт явлением отрицательным, усматривают в нем некоторые позитивные черты.

Другая научная традиция вообще рассматривает конфликт не как отклоняющееся от нормы и преходящее явление, но как постоянный и даже необходимый компонент социальных отношений. Эта традиция восходит к Аристотелю, Гоббсу, Гегелю, Марксу, Веберу. В соответствии с этой точкой зрения, факт любого дефицита в обществе сам по себе достаточен, чтобы вызвать конфликт; каждый человек в любой группе пытается увеличить свою долю дефицитных ресурсов и, если необходимо, за счет других. А если среди искателей территорий и ресурсов мы обнаружим еще и борьбу за лидерство, власть и престиж, то конфликт просто неизбежен. И здесь не будет аналогии с конфликтом за обладание материальными благами, где стороны могут сделать так, что доля каждого будет возрастать. «Для реального мира, - писал Р. Дарендорф, - необходимо пересечение различных взглядов,

конфликтов, изменений. Именно конфликт и изменения дают людям свободу; без них свобода невозможна»¹.

По мнению Л. Козера, конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства. Поэтому внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер².

Общий тезис о том, что конфликт - в общем-то нормальное состояние общества, высказывается и отечественными авторами.

Из сопоставления приведенных точек зрения видно, что они относятся к несколько разным вещам. В действительности конфликт полезен тем, что так или иначе разрешает противоречие. Но какой ценой? Путем разрушения или серьезного повреждения системы, а то и посредством уничтожения одной из сторон?

Лучше, если объективно существующее противоречие, не доводя до конфликта, устранить мирными, цивилизованными средствами. Поэтому о полезности конфликтов, с нашей точки зрения, можно говорить лишь в *конкретных случаях* и притом *достаточно условно*.

Разрешение противоречий - объективная функция социального конфликта. Значит ли это, что она совпадает с целями участников? Нет, не значит или во всяком случае не всегда. Если целью одной из сторон конфликта может быть действительное устранение противоречия (причем именно в ее пользу), то целью другой стороны вполне может быть сохранение статус-кво, уклонение от конфликта либо разрешение противоречия без противоборства сторон. В конфликте могут быть заинтересованы даже не сами противоборствующие стороны, а третья сторона, провоцирующая конфликт. Поэтому функции конфликта, с позиций его участников, могут быть гораздо более многообразны.

В завершение этой темы рассмотрим один пример из недавнего прошлого. В августе 1992 г. профсоюз российских авиадиспетчеров потребовал от Правительства РФ повышения вдвое заработной платы для работников этой службы. Надо заметить, что с июля зарплата авиадиспетчеров была более чем в 10 раз выше минимума заработной платы государственного служащего. Правительство, учитывая это, отказалось удовлетворить требования

¹ Darendorf R. The Modern Social Conflict. L., 1958. P. 87.

² См.: Coser L.A. The Function of Social Conflict. Sociological Theory. L., 1957. P 199.

авиадиспетчеров. Профсоюз пригрозил забастовкой. Московский городской суд признал забастовку незаконной и в свою очередь пригрозил гражданским иском и уголовной ответственностью зачинщикам. Конфликт на этом был тогда приостановлен. Примерно такая же ситуация сложилась и в 1997 г.

Какие функции выполнял этот конфликт? По мнению авиадиспетчеров, он вынуждал Правительство пойти на повышение заработной платы. Для Правительства назревший конфликт не был нужен, но противостояние профсоюзу позволяло ему не только сохранить экономический статус-кво, но и поддерживать свой престиж. Суд отстаивал требования закона. Нетрудно видеть, что цели и функции конфликта стороны представляли по-разному. В общем социальном плане данный конфликт можно оценить однозначно: это выражение экономического неблагополучия, когда государство не может гарантировать адекватного материального обеспечения своим служащим. Конфликт с профсоюзом авиадиспетчеров был неудавшейся попыткой разрешить противоречие между дефицитом экономических ресурсов государства и насущными жизненными потребностями одной из групп населения.

На межличностном уровне функции конфликта также противоречивы. Проблема в том, что в большинстве случаев функции конфликта связывают с его негативными последствиями, так как они ведут в основном к нарушению определенных форм общения, норм, эталонов поведения и т.п. Менее изучена позитивная функция межличностных конфликтов. Конструктивные же функции этого типа конфликтов заключаются в следующем:

1) межличностный конфликт может способствовать мобилизации усилий группы и индивида по преодолению возникающих в ходе совместной деятельности критических ситуаций;

2) «развивающая» функция конфликта выражается в расширении сферы познания личности или группы, в активном усвоении социального опыта, в динамичном обмене ценностями, эталонами и т.д.;

3) конфликт может способствовать формированию антиконформистского поведения и мышления личности;

4) разрешение такого рода конфликтов ведет к укреплению групповой сплоченности.

В целом конфликт выполняет сигнальную, информационную, дифференцирующую и другие функции¹. Что касается его негативного восприятия на уровне здравого смысла, то это объясняется тем, что конфликт легче и приятнее осуждать. В результате обыденные

¹ Более подробно см.: Основы конфликтологии. М., 1997. С. 92-101.

дискуссии о том, полезны или вредны функции конфликта, скорее основаны на чувствах и умозрительности, чем на доказательности.

§ 4. Основания типологии конфликтов

Известно, что проблема типологии возникает во всех науках, имеющих дело с множеством разнородных объектов. Эта проблема в социальных науках довольно сложна, во-первых, из-за практической невозможности проведения «чистых» экспериментов (как это делается в естественных науках), во-вторых, из-за трудностей методологического характера. Расплывчатость и разнообразие критериев, применяемых при конструировании типологии конфликтов (классификация, систематика, таксономия), настолько заметны, а их идеологические ориентации так трудно устранимы, что возникает вопрос о самой возможности решения поставленной задачи.

Однако проблема остается, и попытки построения типологии конфликтов стали постоянным занятием многих социальных исследователей. Оценивая их труды, можно прийти лишь к одному бесспорному утверждению - произошел отказ от поиска единой типологии как полного и однозначного отображения любого конфликта, что предполагает признание множества типологий.

Как бы то ни было, противоречия и конфликты вечны и постоянны, их субъекты в чем-то тоже постоянны, а потому существует необходимость хотя бы частичного решения проблемы. В этой связи рассмотрим возможные подходы к ее решению.

Типологизировать конфликты можно с помощью, например, системного подхода. Согласно этому подходу, действия системы и ее компонентов, направленные на достижение цели с применением определенных средств, есть не что иное, как осуществление функций системы и ее элементов. При этом функции последних производны от функции системы, они направлены на достижение системных целей. Однако, «работая» на главную цель, компоненты выполняют и свои специфические функции, необходимые для достижения своей специфической (не системной, а частной, частичной) цели. На этом часто основан внутрисистемный конфликт.

Любая общественная система не является раз и навсегда данной, неизменной. Она не абсолютна, ей присущи внутренние противоречия, она проходит этапы своего зарождения и становления, развития и

расцвета, упадка и гибели. Время является неременной характеристикой системы.

Система постоянно испытывает на себе внутренние возмущения, являющиеся результатом ее внутренней противоречивости. Компонент и система, часть и целое; прерывное и непрерывное, структура и функция; внутреннее и внешнее; организация и дезорганизация; разнообразие и однообразие - таков далеко не полный перечень противоречивых сторон и отношений, присущих системам и порождающих конфликты. Каждая из этих характеристик способна служить базой для выделения конфликтов определенного типа.

Изучение структур и механизмов, обеспечивающих устойчивость социальных систем, предпринятое представителями структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис и др.), привело к созданию различных типологий структур и функций систем, так или иначе связанных с конфликтами. По Парсонсу, например, можно выделить четыре обязательных требования к системе: адаптация к внешним объектам, целеполагание, поддержание бесконфликтного отношения между элементами системы (интеграция) и, наконец, поддержание институциональных нормативных предписаний («ценностного» образца). Это, по сути, предпосылки или условия бесконфликтного существования в обществе.

В отличие от Парсонса Р. Мертон сосредоточил внимание на дисфункциональных явлениях, возникающих вследствие противоречий и напряжений в социальной структуре. В работе «Социальная структура и аномия» он выделяет пять типов приспособления индивидов в обществе (конформизм, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж). Отклонение от каждого из этих типов означает неизбежность конфликта - либо с властью, либо с так называемой репрезентативной группой.

Новейшие версии структурно-функционального анализа (Р. Александер и др.) модифицировали эти основные положения, однако основные идеи данной концепции сохранились (статичное, внеисторическое рассмотрение общества, абстрактный категориальный аппарат, «некорректное поведение» индивида в описании саморегулируемых систем и т.д.).

Вообще, надо заметить, что классификация противоречий в рамках системного подхода по критерию этапности и последовательности их разрешения достаточно уязвима. Как известно,

в диалектике принято следующее описание последовательности развития:

возникновение и созревание внутренних противоречий между элементами, частями подсистем, т.е. становление системы, дестабилизация и разрушение системы через борьбу и отрицание одной противоположности другой и переход к новой системе. Современные исследователи признают возможность такого развития, но не считают его единственно возможным. Напротив, получила широкое распространение точка зрения, согласно которой изменения происходят не через разрушение системы, а через рост ее упорядоченности и усложнения. Рост же противоречий в системе рассматривается не как источник развития, а как причина типичного антисистемного действия.

Деление конфликтов на *внутри-* и *внесистемные* имеет несомненное познавательное и практическое значение. Особенно важна трактовка внутрисистемных социальных противоречий конфликтов. В соответствии с марксистской позицией, смена общественных систем объясняется, в частности, непримиримыми противоречиями между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Такое упрощенное понимание подверглось в современной социологии основательной критике. Л. Козер, например, считал, что общества можно разделить на «ригидные» (закрытые) и плюралистические (открытые). В ригидных большие группы (враждебные классы) разрешают свои интересы через революционное насилие, в плюралистических же существует возможность решения конфликта через разнообразные социальные институты.

В этом плане представляют интерес воззрения Э. Гидденса. По его мнению, каждый отдельный тип общества характеризуется плюрализмом форм господства и эксплуатации, которые не могут быть сведены к единому классовому принципу. Наряду с классовой эксплуатацией существуют другие виды эксплуататорских отношений: а) эксплуататорские отношения между государствами, во многом формирующиеся военным господством; б) эксплуататорские отношения между этническими группами, совпадающие или же не совпадающие по форме с эксплуататорскими отношениями первого типа; в) эксплуататорские отношения между мужчинами и женщинами (эксплуатация по половому признаку). Очевидно, что ни один из этих

видов эксплуатации не может быть сведен к исключительно классовому уровню.

Внутрисистемные противоречия, таким образом, могут лежать в основании типологии конфликтов, но их отнюдь не следует ограничивать только классовыми противоречиями.

§ 5. Типология конфликтов по сферам

Наиболее простой и легко объяснимой является типология, основанная на выделении сфер проявления конфликта. По этому критерию можно обнаружить экономические, политические, в том числе межнациональные, бытовые, культурные и социальные (в узком смысле слова) конфликты.

Стоит обратить внимание на *экономические конфликты*, суть и степень распространенности которых при переходе общества к рыночной экономике заметно изменяются. Ведь в обществе, где господствует государственная собственность, а рынка как такового нет, основа для экономических конфликтов весьма ограничена. Отнюдь не беспочвенными являются утверждения, что в тоталитарных обществах нет безработицы, забастовок, «борьбы классов». Мы не обсуждаем здесь вопрос о том, какой ценой это достигается, важно отметить другое: в экономической сфере СССР конфликты общенационального масштаба в течение многих лет практически не встречались или были весьма локальными и кратковременными. Это, разумеется, не относится к теневой экономике, всегда находившейся в состоянии скрытой войны с государством.

При переходе к рынку наблюдается другая картина. По сути дела, сам рынок есть поле постоянных конфликтов не только в виде конкурентной борьбы или вытеснения противника, но, прежде всего - в форме торговых сделок, которые всегда сопряжены с диалогом, а то и с различными действиями (включая угрозы, шантаж, насилие), имеющими целью принудить партнера к выгодному соглашению. Наряду с этим в рыночной экономике возникают и другие острые конфликтные ситуации: забастовки, локауты, кризисы в денежном обращении и т.д. Рынок вообще предполагает постоянное возникновение трудовых конфликтов, которые регулируются специально разработанными правилами. Хотя трудовые конфликты существуют при любом общественном строе, все же они наиболее

характерны именно для рыночной экономики, которая базируется на купле-продаже любого товара, включая рабочую силу.

Особенностью крупномасштабных экономических конфликтов является вовлечение в их сферу широких слоев населения. Скажем, забастовка авиадиспетчеров затрагивает интересы не только авиационных компаний, но и тысяч пассажиров. Забастовки врачей затрагивают интересы тысяч и тысяч больных. Поэтому институционализация трудовых конфликтов, включая запрет некоторых видов забастовок, является важным средством стабилизации общественной жизни.

Конфликты в политической сфере - явление обычное. Их особенность состоит в том, что они могут перерасти в крупномасштабные общественные события: восстания, массовые беспорядки, в конце концов - в гражданскую войну. Для многих современных политических конфликтов также характерен межэтнический аспект, который может приобрести самостоятельное значение.

Конфликты, проистекающие из противоречий интересов в сфере труда, здравоохранения, социального обеспечения, образования, тесно связаны с двумя названными выше видами конфликтов - экономическим и политическим. Эти конфликты не столь непосредственно зависят от природы общественного строя, и масштабность их не так велика. То же можно сказать и о бытовых конфликтах между людьми по месту их работы или жительства.

§ 6. *Иные типологии конфликтов*

Возможны и другие виды классификации конфликтов: по количеству участников, по степени урегулированности, по мотивам и т.д. (приложение 1).

По сути дела, основаниями для типологизации конфликта могут быть любые его характеристики. Таково, например, деление конфликтов по длительности (долгосрочные, краткосрочные), по ресурсам (материальные, духовные, социальные), по степени ограниченности в пространстве и времени, по субъектам и т.д.

Американский конфликтолог Р. Даль классифицирует социальные конфликты и их последствия следующим образом (табл. I)¹.

Таблица 1

Конфликты	Пары антагонистов	Уровень антагонизма	
		низкий	высокий
Кумулятивные (усиливающиеся)	Постоянные биполярные (двусторонние)	Умеренная биполярность	Поляризация
	Мультиполярные (многосторонние)	Умеренная мультиполярность	Глубокая сегментация
Перекрещивающиеся	Меняющиеся	Умеренные перекрещивающи еся конфликты	Умеренная сегментация

Понятно, что в рамках какого-либо типа конфликта возможна дальнейшая классификация. Приведем одну из них, относящуюся к *межнациональным конфликтам*.

К о н ф л и к т ы н е у п р а в л я е м ы х э м о ц и й. Речь идет о конфликтах-бунтах или погромах. Для подобных конфликтов характерна неопределенность целей организаторов беспорядков, случайность конкретных событий. Часто внешние признаки таких событий скрывают за собой не проясненные до конца истинные причины. Это подтверждает анализ драматических ферганских событий 1989 г., когда погромам подверглись ни в чем не замешанные турки-месхетинцы, а также события в бывшей Югославии, во многом не поддающиеся рациональному толкованию.

К о н ф л и к т ы и д е о л о г и ч е с к и х д о к т р и н. Они связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни. Национальные требования формируются не стихийно, а разрабатываются идеологами-теоретиками. Сторонники определенной идеи готовы пожертвовать за нее самой жизнью, поэтому таким конфликтам свойствен длительный

¹ См.: Конфликты и консенсус. 1993. № 3-4. С. 134.

и ожесточенный характер. К такого рода конфликтам относятся споры по поводу принадлежности территорий, по поводу их государственного или административного статуса, возвращения ранее депортированных народов и т.д.

К о н ф л и к т ы п о л и т и ч е с к и х и н с т и т у т о в. Это в основном споры о границах, о взаимоотношениях органов власти, о юрисдикции, о роли политических партий и движений и др. «Войны законов» и «парады суверенитетов» относятся к числу конфликтов именно этого типа. Наконец, можно выделить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), и в то же время конфликты, протекание которых не урегулировано никакими механизмами. Если в конфликтах институционализированных существуют и действуют общие для сторон правила, согласно которым и разрешается проблема, то во втором типе конфликтов возможность достижения согласия сторон минимальна или вообще отсутствует, и борьба осуществляется без правил. Между этими крайними полюсами существует большое разнообразие видов противостояния, которые регулируются хотя бы частично (подробнее об этом в последующих главах).

К какому виду конфликтов относится война? Вероятно, ко второму, но с известной оговоркой: человеческое общество в течение многих столетий вырабатывало и пыталось реализовать целый ряд правил ведения военных действий. В международном праве существуют «законы и обычаи войны», почти между всеми государствами заключены конвенции по этим вопросам, но это, конечно, отнюдь не означает, что эти правила и нормы всегда и везде соблюдаются.

В заключение подчеркну, что типология конфликтов может базироваться практически на любой их характеристике. Смысл поиска всякой типологии в том, чтобы с учетом особенностей конкретного конфликта найти адекватный способ его разрешения.

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение всех разновидностей конфликтов. Остановимся лишь на важнейших и наиболее значительных из них, определяющих крутые повороты социального развития, - конфликтах больших социальных групп (гл. 7).

Возможные трудности классификации конфликтных процессов и явлений в значительной мере связаны с тем, что внешне наблюдаемое противоборство субъектов зачастую не дает адекватного

представления о его подлинных причинах. В таких случаях исследователи используют понятия «скрытого» и «явного» конфликта. При этом они исходят из того, что конфликт в реальности может основываться на противоречиях более глубоких (скрытый конфликт), чем те, которые служат предметом противоборства во внешнем плане (явный конфликт).

Достаточно часто за внешне наблюдаемым когнитивным конфликтом скрыт его реальный предмет - то или иное столкновение интересов. Внешне конфликт выглядит как научная полемика, но его подлинной основой является борьба за значимый социальный статус (например, обоюдное стремление занять одну и ту же должность в институте). В таких случаях стороны рационально или интуитивно выбирают «язык» когнитивного конфликта, чтобы скрыть свои истинные намерения (язык, которым пользуются, к примеру, дипломаты).

Аналогичным образом пустяковый скандал за семейным столом может скрывать более глубокие разногласия. Психиатрам и психотерапевтам, занимающимся семейной проблематикой, хорошо известно, что основной причиной мелких семейных ссор в семье, возникающих по разным поводам, нередко является сексуальная несовместимость супругов. Давно сложившаяся антипатия может постоянно прорываться наружу в виде разнообразных «объектных» столкновений, ссор из-за денег, немытой посуды и т.п. Конфликт может иметь несколько причин, скрытых друг в друге как матрешки.

Событие или обстоятельство, являющееся толчком к началу конфликта, обычно называют поводом. Известно, что поводом к войнам нередко оказываются частные междоусобицы, хотя истинные причины межгосударственного столкновения, как правило, гораздо глубже. Подобные частные конфликты вероятнее всего утихнут, чем разрастутся в крупномасштабную войну, если нет «скрытого» конфликта.

Повод не только возникает случайно, но и активно ищется, а иногда и придумывается кем-либо из оппонентов. В этих случаях мы имеем дело с провокацией конфликта. Обычно провокация строится по следующей схеме: сторона, желающая развязать конфликт и через борьбу реализовать свои интересы, выискивает, выстраивает или придумывает такую относительно частную ситуацию в отношениях с другой стороной, которую легко можно интерпретировать как проявление враждебности оппонента. Тогда в глазах посторонних

заранее спланированная агрессия становится вполне оправданным актом возмущения.

§ 7. Предмет и объект конфликта

Всякий конфликт связан с теми или иными внешними и внутренними обстоятельствами, круг которых всегда достаточно широк, переменчив и не может быть перечислен с исчерпывающей полнотой. Однако есть нечто основное, позволяющее обывателям или журналистам безошибочно идентифицировать тот или иной конфликт или отнести его к определенной категории. Упорядочивая множество характеристик конфликта, обычно выделяют две из них, которые дают возможность более четко определить его существо и направленность: это предмет конфликта и его объект.

Под *предметом конфликта* понимается *объективно существующая или мыслимая (воображаемая) проблема, служащая причиной раздора между сторонами*. Каждая из сторон заинтересована в разрешении этой проблемы в свою пользу. Предмет конфликта - это и есть то основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство. Это могут быть властные отношения, желание обладать теми или иными ценностями, стремление к первенству или совместимости (в когнитивном конфликте это называют предметом дискуссии).

Поиск путей разрешения конфликта, как правило, начинается с определения его предмета, и сделать это зачастую отнюдь не легко. Многие конфликты имеют столь запутанную и сложную предысторию, что специалист вынужден как археолог вскрывать один слой за другим. Напластование проблем может сделать сам предмет конфликта абсолютно диффузным, не имеющим четких границ, перетекающим. Конфликт может иметь основной предмет, рассыпающийся на частные предметы, множественные «болевые точки». Примерами конфликта с множеством причин, частных предметов служат семейные неурядицы или межнациональные конфликты.

Предмет конфликта может быть не только искомой целью посредника или арбитра, но и пунктом обсуждения сторон-участниц.

В таком случае переговоры ведутся по поводу предмета того самого конфликта интересов, который побудил стороны к переговорам. Можно, однако, заметить, что на переговорах стороны

действуют иначе, чем в конфликте. Переговоры, если они ведутся по правилам, сродни научной дискуссии, а иногда и рыночному торгу.

По мнению некоторых исследователей, «на самом деле во всех конфликтах речь идет о двух вещах или даже об одной: о ресурсах и о контроле над ними. Власть, с этой точки зрения, - это вариант контроля над ресурсами, а собственность - и есть сам ресурс. Можно ресурсы разделить на материальные и духовные, а последние, в свою очередь, дифференцировать на составляющие» (В.А. Ядов). Эта точка зрения, правда, не в столь категоричной форме, поддерживается многими специалистами. Высказывая сходные мысли, нередко используют понятие *объекта конфликта, под которым подразумевают конкретную материальную или духовную ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся обе стороны конфликта*. Объектом конфликта, по сути дела, может выступать любой элемент материального мира и социальной реальности, способный служить предметом личных, групповых, общественных, государственных притязаний. Чтобы стать объектом конфликта, этот элемент должен находиться на пересечении интересов различных социальных субъектов, которые стремятся к единоличному контролю над ним. Примеров таких ситуаций можно найти множество: от ссоры малышей из-за красивой игрушки до напряженности в отношениях двух государств из-за неурегулированности вопроса о принадлежности той или иной территории.

Объект конфликта в конкретной системе отношений - это всегда некий дефицитный ресурс. Одна должность директора, на которую претендуют два заместителя. Один Черноморский флот и военный порт и две державы, претендующие на них... Действительно, компенсация дефицита ресурсов во многих случаях может решить спорную проблему. Однако дефицит ресурсов не всегда является объектом конфликта. Им может быть конфликт ценностей либо спор по поводу принадлежности к той или иной группе. Иногда конфликт может и не иметь видимого объекта (ложный конфликт).

Причины конфликтов

Глава 4

§ 1. Причинность в обществе

Причинность в социальной среде характеризуется значительной сложностью и запутанностью. Каждое социальное действие влечет за собой массу разнообразных и притом противоречивых событий. Конфликт может быть, в конечном счете, обусловлен совершенно безобидными действиями индивидов или групп, находящихся в достаточно отдаленной связи с противоборствующими сторонами. Но если мы хотим разобраться в подлинных причинах конфликта, необходимо тщательно проанализировать всю цепочку взаимосвязей между событиями и людьми.

Мотив часто рассматривают как *внутреннюю, субъективную причину того или иного поступка*. Понятно, что, не имея никакого побудительного мотива, невозможно совершить определенное действие; оно окажется бессмысленным, ненужным, необъяснимым.

Мотив имеется не только в действиях зачинщика, но и в поступках каждого участника конфликта. Другое дело, что мотивы поведения разных субъектов могут быть неодинаковыми, несовпадающими, а часто и противоположными. Но это и понятно: если конфликт есть противоборство, то и психологические его причины складываются из противоречий, взаимоисключающих целей и мотивов поведения. Раскрыв мотивацию конфликтующих сторон, мы 'в значительной мере начинаем понимать смысл их противостояния.

Анализируя причины поведения сторон в различных конфликтах, нетрудно заметить, что они обычно сводятся к стремлению удовлетворить свои интересы. Корысть, месть, ненависть, недоброжелательство, обида, неудовлетворенность принятым решением, стремление обеспечить себя материально сегодня или в будущем - вот лишь небольшая часть мотивов бытовых конфликтов, встречающихся, например, в судебной практике. Иной, и не менее

разнообразной, является, например, мотивация групповых конфликтов: экономические трудности, политические симпатии и антипатии, стремление к лидерству, национальная гордость и многое другое. Столь же многообразны мотивы поведения государств на международной арене. Поистине, мотивы конфликтов способны отразить всю сложность современной жизни.

Однако мотивы поведения индивидов и социальных общностей не являются глубинными причинами конфликтов: ведь сами эти мотивы требуют объяснения. Человек, реагируя на изменения внешней ситуации, изменяется сам; в свою очередь, психологические факторы воздействуют на ход экономических и политических процессов. Общественное осознание реализуется и преломляется через чувства, потребности, мотивы, разум, интересы, а отсюда - различные мнения, позиции, поступки, действия конкретных людей. При этом именно в разнообразных формах индивидуального выражения общественного сознания, фиксируемого на эмпирическом уровне и обобщаемого в качестве позиции в поведении групп и общностей, противоречия духовной сферы и противоречия бытия проявляются в наиболее открытом и остром виде.

В целом, масштабная конфликтная ситуация свидетельствует о протекании в обществе социально-дезорганизационных процессов, о кратковременной или длительной, более или менее глубокой, иногда необратимой дезинтеграции важнейших общественных структур, обеспечивающих стабильность данного общества или общности.

Сама по себе дезорганизация - это совокупность социальных процессов, приводящих к тому, что отклоняющиеся от нормы и негативно оцениваемые действия в рамках определенной общности превышают допустимый предел, серьезно угрожая установленному течению процессов коллективной жизни. Дезорганизация, в частности, заключается в распаде институтов, не выполняющих своих задач, в ослаблении механизмов формального и неформального контроля, в неустойчивости критериев оценок, появлении образцов поведения, противоречащих нормам, признанным допустимыми.

Состояние дезорганизации характеризуется усилением многих негативных явлений: 1) распространением алкоголизма и наркомании во все возрастающих размерах, угрожающих нормальному функционированию общности; 2) распространением тех форм сексуального поведения, которые признаны нежелательными; 3) повышением уровня преступности всех видов; 4) ростом нервных

заболеваний, психических расстройств. Симптомами дезорганизации являются и массовые политические волнения. В динамике социально-статистические показатели этих явлений могут рассматриваться в качестве индикаторов конфликтной ситуации в обществе.

Таким образом, в конечном счете, конфликты в современном обществе представляют собой порождение и проявление объективно существующих социальных противоречий.

Само исследование социальных противоречий предполагает изучение сложного и подвижного взаимодействия противоположных сторон, перехода их друг в друга, взаимопроникновения противоположностей; анализ противоречий в их исторической связи и необходимости, раскрытие многообразия действительных и возможных форм, в которых противоречия возникают, созревают и разрешаются.

Противоречия общества являются специфическим отражением его сущности, его решающей движущей силой. Каждое противоречие специфическим образом проявляется в контексте всей системы противоречий и требует адекватного разрешения. Так, например, ключ к разрешению определенных противоречий в области экономики может лежать не в экономической, а в политической или идеологической сферах, и наоборот.

Возникновение конфликта неразрывно связано с появлением и развитием противоречий. Назревание и развертывание конфликта отражает кульминационный этап борьбы реальных противоположностей. Разрешение же конфликта ведет к разрушению данного противоречивого единства с одновременным возникновением его нового качества.

Многие авторы, анализируя объективные социальные противоречия, увязывают их с проблемой неравенства возможностей людей в разных сферах жизни. Именно поэтому притязания считаются мощным источником конфликтов. Неравенство этих возможностей, - определяемое конкретными условиями - принадлежностью к тому или иному социальному слою, республике, региону, организации, движению и т.п. («идентификация»), - всегда обнаруживается в рамках конфликтных ситуаций (В.А. Ядов). Продолжая эту мысль, другой автор (Н.Н. Козлова) полагает, что «за любым конфликтом и его разрешением - «битва ценностей». Наконец, немаловажное значение имеют и субъективные противоречия. Конфликты происходят «не только оттого, что люди хотят есть или не обеспечены материально

необходимым, но прежде всего, и в первую очередь, оттого, что ситуация не соответствует их духовным устремлениям» (В.Б. Власова). Как видим, различные мнения ученых касаются разных аспектов проявления социальных противоречий.

§ 2. Типы противоречий

Для более подробного изучения конфликтов представляется уместным использование типологии противоречий. Существуют достаточно подробные научные разработки, касающиеся этой проблемы. Согласно воззрениям отечественных философов, противоречия, обладая всеобщим характером, проявляются в зависимости от условий взаимодействия противоположных сторон по-разному. Поэтому существует классификация противоречий, среди которых различают внутренние и внешние, первичные и вторичные и т.д.

Известно также деление противоречий на антагонистические и неантагонистические, структурные и неструктурные, структурные и функциональные. Типология может исходить и из значения противоречий: основные и неосновные и др. Противоречия существенно различаются по времени: характерные для целой исторической эпохи или даже еще более длительные (например, между производительными силами и производственными отношениями) и кратковременные, преходящие.

Перечислим некоторые современные противоречия.

1. *Противоречие между рынком и государством.* Конфликтный процесс является во многом результатом действия видимых и скрытых сил, свойственных рыночной экономике. Таким образом, может показаться, что ни конкретные люди, ни государство не несут ответственности за действия, следствием которых может стать обнищание, миграция населения. Триумф рыночной экономики как на национальном, так и на международном уровне приводит зачастую к тому, что многие не уделяют должного внимания проблеме социального и правового равенства, рассматривая неравенство как следствие неэффективности национальной экономики, т.е. как естественное последствие действия рыночных механизмов.

Подобная тенденция освобождения рынка от государственного вмешательства проявилась давно. Безжалостная конкуренция, обострение классовой борьбы и две мировые войны первой половины

XX в. привели к разделению мира на так называемые государства всеобщего благоденствия, образовавшиеся из наиболее индустриально развитых стран, и на государства, ставшие их своеобразными придатками.

И хотя нет четко выраженной силы, управляющей всей мировой экономикой, существуют и применяются специальные меры против тех, кто ставит под вопрос «здравый рационализм» рыночной экономики. Программы Мирового Банка и Международного валютного фонда оказали сильное влияние на установление открытой системы рыночной экономики в более чем 50 странах мира, в том числе и в России. Следование данным программам вынудило правительства этих стран отменить меры, направленные на поддержание жизненного уровня людей, что привело к развалу системы социального обеспечения, росту безработицы.

2. Противоречие между обогащением и обнищанием населения почти во всех странах мира, включая Россию. По некоторым данным, различия в доходах разных групп населения особенно увеличились в 90-е гг.: богатые стали намного богаче, число бедных заметно увеличилось. Такая ситуация характерна для многих «старых» высокоразвитых стран мира, т.е. имеются основания полагать, что в современном обществе значительно усилилась социальная поляризация.

Растущая разница в доходах населения особенно, заметна в развивающихся странах. Развитие национального хозяйства в условиях рыночной экономики и невмешательства государства в экономику, как замечено, неизбежно приводит к еще большему неравенству. Согласно некоторым теориям, высокие жизненные стандарты отдельных групп постепенно «просочатся» в менее обеспеченные слои населения; однако подобные утверждения скорее всего так и останутся теоретическими.

Но все-таки наиболее заметны различия между высокоразвитыми странами (старыми и новыми) и развивающимися.

3. Противоречие между принципами рациональной экономической и политической организации и бесконечно растущими потребностями отдельных групп людей. «Рациональная» система, несмотря на ее экономическую эффективность, не способна наполнить смыслом жизнь человека. Вследствие этого люди все чаще стараются

подчеркнуть свои этнические, религиозные и национальные особенности.

Это объясняет причину, по которой многие современные социальные конфликты не связаны непосредственно с глобальными интересами. Защита местных и групповых интересов от влияния процесса глобализации часто основана на охране культурных и иных ценностей, связанных с самобытностью отдельных групп.

4. *Противоречие между глобальным и местным.* Часто то, что является разумным и рациональным на глобальном уровне, может иметь разрушительные последствия для местных общин. Если основной целью Интеграции и экономического роста является повышение благосостояния людей, было бы логично предоставить местным общинам голос, способный влиять на принимаемые решения, непосредственно затрагивающие их интересы. Рыночные механизмы не способны это сделать по определению, а государственные органы, даже демократических стран, чаще всего преследуют общенациональные интересы в ущерб местным.

5. *Противоречие между экологией и экономическим ростом.* Этот тип противоречий в наше время стал одним из основных. Длительный экономический рост, свойственный западным странам, неизбежно ухудшил окружающую среду. Рыночные силы не могут предотвратить ее загрязнение, поскольку бизнесмены, плановики, экономисты и другие специалисты, принимая то или иное решение, не учитывают его комплексное долгосрочное воздействие на экологию. Государственными границами невозможно препятствовать ни уничтожению лесов, ни загрязнению воды и воздуха, ни истощению полезных ископаемых. Именно поэтому регулирование проблемы на национальном уровне малоэффективно, а необходимое международное вмешательство только лишь обсуждается¹.

Различия в типах противоречий имеют важное значение для понимания природы конфликтов, поскольку в большинстве случаев развитие конфликтов в определенной мере отражает общее объективное противоречие, лежащее в их основе. Так, сомнительно, что удастся устранить столкновения, проистекающие из объективных противоречий между новыми и старыми элементами социальной

¹ Более подробно см.: International Social Science Journal. UNESCO. P., 1998. S. 156.

структуры. Сохранение отживших институтов (системы управления, правовых норм и т.д.) неизбежно ведет к конфликтам, связанным с попытками освободиться от старых догм и устаревших организаций. Глубина и острота конфликта также связана с глубиной породившего его противоречия, хотя от этого правила могут быть и отступления.

§ 3. *Объективные и субъективные противоречия*

Возникновение конфликта обычно обусловлено теми или иными объективными причинами, способствовавшими столкновению интересов социальных субъектов. Например, конфликт между двумя мужчинами, любящими одну женщину, или столкновение транспортных служащих и фермеров из-за строительства автомагистрали на принадлежащей им территории основаны на противоречиях, закономерно вытекающих из объективно сложившейся ситуации, в которой столкнулись реальные потребности каждой из сторон.

Однако в общественной жизни существует немало противоречий и, следовательно, конфликтов, которые порождаются не объективными причинами, а их субъективными факторами, не имеющими прямого отношения к их действительным мотивам и потребностям.

Особенно часты подобные «субъективные» *противоречия между отдельными индивидуумами*, вынужденными к постоянному общению в семье, в служебных или иных делах. Эти противоречия могут быть достаточно мелкими, с точки зрения других людей - ничтожными, но в силу особенностей характера они становятся неодолимыми препятствиями для нормальных взаимоотношений. Мелкие душевные раны, постоянно наносимые по самым «чувствительным» местам, явно становятся конфликтогенными. Отмечается, что такими чувствительными сторонами характера или поведения могут быть вполне нормальные, естественные качества, которые, однако, отсутствуют у другого человека: пунктуальность, бережливость, точность, терпение и т.п.

Чье-то неудовольствие может, например, вызывать манера другого человека одеваться или иностранный акцент. Истоки многих национальных предубеждений находятся в различиях в образе жизни или манере общения. Часто труднообъяснимыми оказываются столкновения между людьми с общими интересами, но имеющими

различия в темпераментах, скорости реакций. Причиной конфликта, наконец, может послужить просто чья-то раздражительность, дурное расположение духа, оборачивающееся пустыми придирками даже к человеку, который искренне уважаем и любим. Эта причина, конечно, сама может побуждаться чем-то, лежащим за пределами данной системы отношений, какими-либо проблемами, неприятностями, конфликтами, произошедшими у человека в других ситуациях.

Традиционное бытовое мнение о конфликте состоит в том, что конфликт всегда представляет собой некоторое логически объяснимое противоречие между людьми, рационально отстаивающими свои интересы. Именно на нем базируются многочисленные «игровые» модели конфликтов, в которых оппоненты представлены в качестве игроков, стремящихся иметь минимум потерь.

Правда, этому, на первый взгляд убедительному, пониманию противоречат многие факты, наблюдаемые специалистами. В семейной ссоре муж старается максимально сгладить противоречия, уступает жене, но она рассматривает это как «заискивание», которое, по ее мнению, свидетельствует о какой-то скрытой провинности супруга, и конфликт разгорается с новой силой. На межгосударственных переговорах одна из сторон оскорблена тем, что ей не было предоставлено первое слово, и переговоры срываются. Можно привести много примеров, подтверждающих сложность причин конфликта, состоящую в данном случае в том, что те не всегда поддаются строгой логической реконструкции и часто содержат труднообъяснимую иррациональную составляющую, которая придает конфликту индивидуальное своеобразие и не позволяет разрешить его простыми средствами.

Особенно это заметно в межнациональных конфликтах, которые в силу иррациональности, непродуманности действий людей, преобладания деструктивных эмоций приобретают неуправляемый характер и по мере своего расширения и обострения превращаются в катастрофу.

Неопределенность поведения человека в общении, как известно из психотерапевтической практики, может породить у окружающих невротические реакции, которые ведут к конфликтам, кажущимся посторонним совершенно абсурдными, беспричинными.

Иррациональный элемент может служить и подлинной причиной межличностного конфликта, если в нем участвуют душевнобольные или психопатические личности. А такие случаи нередки. Мы не

касаемся здесь внутренних конфликтов личности, поскольку это скорее предмет психиатрического анализа, Но нельзя забывать о том, что в толпе, особенно возбужденной националистическими или религиозными чувствами, нередко присутствуют нездоровые люди, способные сильно обострить конфликт. Вот почему конфликтология, будучи комплексной дисциплиной, должна учитывать и этот немаловажный аспект.

Разумеется, то, что мы назвали «объективными» и «субъективными» противоречиями, а также «иррациональными» элементами, не имеет в реальной жизни четких границ, такое весьма условное разделение нужно лишь для того, чтобы показать спектр возможных вариаций причин конфликтного поведения. Во всех случаях мы так или иначе имеем дело с интересами людей, которые могут быть более или менее существенными, стабильными либо изменчивыми, явными или скрытыми. Нередко абсурдность и иррациональность поступков сторон является лишь кажущейся в силу того, что конфликт был основан на ошибочном представлении одного или всех участников конфликта о действиях друг друга.

§ 4. Концепция депривации

Для объяснения причин крупных общественных коллизий можно успешно использовать так называемую концепцию депривации. Речь идет о *состоянии, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями людей и возможностями их удовлетворения.* Очевидно, что с течением времени депривация может усиливаться, уменьшаться либо оставаться неизменной. Усиление депривации зависит от того, в каком соотношении находятся ожидания, с одной стороны, и возможности их удовлетворения - с другой. Рост депривации может происходить, во-первых, при уменьшении средств для удовлетворения уже сформировавшихся запросов, что наблюдается, в частности, в условиях экономического кризиса. Ожидания многих в таких условиях определяются скромной формулой сохранения статус-кво: «Лишь бы хуже не стало». Во-вторых, возможна ситуация, когда ожидания, запросы растут значительно быстрее, чем возможности их удовлетворения. Тогда также наблюдается усиление депривации, а следовательно, и повышение вероятности возникновения конфликта.

Сохранение стабильного уровня депривации или даже снижение его (что возможно опять-таки либо при уменьшении уровня притязаний, либо при более быстром, нежели рост ожиданий, росте удовлетворения запросов) ведет, согласно этой концепции, к созданию психологических условий, способствующих стабилизации морально-психологической атмосферы в обществе, ослаблению напряженности. И, наоборот, усиление депривации порождает агрессивные реакции на *фрустрацию* (блокирование целенаправленного поведения другого). Реакция на фрустрацию воплощается обычно в выступлениях, направленных против источников разочарования, подлинных или придуманных виновников бедственного положения; она может реализоваться в поисках «козлов отпущения», которыми в одних случаях становятся национальные меньшинства, в других - лица, получающие «несправедливо много» за свой труд (в зависимости от ситуации это могут быть торговцы, частные предприниматели, «вообще начальники», ученые и т.д.), в третьих - органы власти и управления, функционеры и лидеры правящей партии. Иными словами, усиление депривации способствует росту социальной напряженности, возникновению открытых социальных, политических и этнических конфликтов.

Польский исследователь Е. Вятр особо выделяет случай *условной депривации*, отмечая, что она встречается в группах, чьи запросы особенно сильно возросли по сравнению с возможностями их удовлетворения. Именно тогда появляется отчетливая тенденция к агрессивному поведению, направленному против политической системы или общественной группы, которую считают виновницей депривации¹. При этом он ссылается на ставшую классической работу А. де Токвиля «Старый порядок и революция», в которой французский ученый XIX в., пожалуй, первым обратил внимание на этот механизм, показав на примере Французской революции 1789 г., что революция может вспыхнуть не тогда, когда массы живут хуже в абсолютном смысле, а тогда, когда их положение несколько улучшилось, вызвав, однако, значительно более интенсивный рост ожиданий.

¹ См.: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

§ 5. Конфликт интересов

Концепция депривации, по сути, вскрывает общий механизм реализации и взаимодействия потребностей и интересов в обществе. Столкновение интересов личности, группы, общества с объективными возможностями в социальной жизни, в конкретных условиях взаимодействия с другими социальными субъектами - это, как правило, столкновение одних интересов с другими, им препятствующими.

В отличие от когнитивного (познавательного) конфликта, противоборство, основанное на столкновении интересов различных социальных субъектов, мы - вслед за многими исследователями - назовем конфликтом интересов.

В отношениях между собой все социальные субъекты обычно очерчивают сферу своих интересов, соотнося их с представлениями о том, каковы должны быть интересы другого и каковы они на самом деле. Не следует думать, что в общении интерес - это абсолютное и неизменное выражение намерения одного лица безотносительно к ситуации. Интерес при взаимодействии всегда включает некое представление о допустимых и возможных интересах другого. Представления о себе, соотнесенные с представлениями о другом и выраженные так или иначе в поведении субъекта, формируют то, что иногда обозначается как «самоопределение» в общении. Например, в ситуации межгосударственного общения это может быть определение границ собственной территории, которое явно связано с представлениями о том, каковы должны быть границы соседа.

Объяснение природы общественных конфликтов имеет давнюю традицию, отдающую приоритет анализу противоборства интересов. В глобальном масштабе такое противоборство проявляется в борьбе государств за изменение критериев и оснований распределения ресурсов, приобретения территорий и т.п. Зачастую интерес прямо не ассоциируется с материальными благами, он может вытекать из религиозных, культурных, профессиональных устремлений. Объективный и детальный анализ противоречий, столкновений интересов (особенно классовых, групповых и национальных) может существенно прояснить картину конфликтов в стране, регионе, да и в малой социальной группе.

Анализ самых разнообразных конфликтов свидетельствует о том, что какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения

противоборствующих сторон, в конечном счете они отражают их интересы, которые в случае конфликта оказываются несовместимыми или противоположными. Гитлеровская Германия стремилась к захвату чужих земель, европейские страны - к независимости и суверенитету. Вор похищает чужое имущество, собственник его защищает. Супруги ссорятся по поводу денег: каждый стремится самостоятельно использовать семейные средства, и каждый по-своему прав, отстаивая свои интересы.

При анализе интересов некоторые исследователи обращают внимание на смежные социальные и психологические явления, в том числе генетически предшествующие интересу. Такова, например, категория *потребности*, трактуемая обычно как состояние нехватки чего-либо, что организм (личность, группа, общество) стремится восполнить. Потребность предшествует интересу, который представляет собой осознанную потребность (а подчас и осознанный путь ее удовлетворения).

При характеристике взаимоотношений может быть использовано и понятие *позиции*, определяемой как комплекс фактических прав, обязанностей и возможностей субъекта в конкретной ситуации общения.

Если в когнитивном конфликте цель каждого субъекта - переубедить оппонента, доказать свою правоту или, в конце концов, выявить недостатки собственной точки зрения, то в конфликте интересов каждый стремится захватить или отвоевать некую «зону», соответствующую его самоопределению, ущемив, ограничив интересы другого, изменив его позицию. Конкретно это может выражаться в стремлении захватить и отобрать у другого какой-либо материальный объект, расширить свои права за счет ограничения чужих или, например, подчинить другого своему влиянию. Для характеристики поведения в ситуации конфликта интересов может быть использовано понятие авторитарного способа личностного включения, разработанное А.У. Харашем. «Авторитарное включение в сферу чужой жизнедеятельности и чужого сознания, - пишет автор, - это с необходимостью выключение (вытеснение) из этой жизнедеятельности (и соответственно сознания) каких-то содержаний, которые являются ее собственными составляющими».

Когнитивный конфликт в конечном счете может привести лишь к опровержению одной из точек зрения, к логическому тупику или выработке общего верного решения. Конфликт интересов, напротив,

чреват серьезным ущербом или даже гибелью одной или обеих сторон, т.е. вытеснением центральных, жизненно важных «составляющих» той или иной противоборствующей стороны.

Именно этот тип конфликтов будет основным предметом нашего дальнейшего рассмотрения. В реальной жизни почти все возникающие коллизии и все без исключения конфликты с использованием силы представляют собой результат столкновения интересов. Тут читатель вправе задать недоуменный вопрос: разве идейные разногласия и споры не ведут к жарким схваткам, к дракам в парламенте, к унижению политических оппонентов? Разумеется, это так, ответим ему, когнитивный конфликт в чистом виде можно найти, пожалуй, лишь в «Диалогах» Платона или разглядывая роденовского «Мыслителя». На самом деле оценка любого социального явления, в том числе и конфликта, амбивалентна, двойственна, в нем присутствуют некая неоднозначность, противоречивость.

§ 6. Конфликт ценностей

Многие свойства конфликта интересов, его амбивалетность, в частности, характерны и для конфликта ценностей, которые представляют собой обобщенные представления людей относительно целей и норм своего поведения. В ценностях воплощаются исторический опыт и культура отдельных групп (этносов, классов и т.д.), т.е. они служат своеобразным ориентиром, с которым люди соотносят свои действия.

Экономические, культурные и политические перемены связаны между собой и в известной мере предсказуемы. Так, при индустриализации наблюдается непрекращающийся сдвиг от традиционных к рационально-правовым ценностям. Современные стремления людей к получению образования, развитию науки и техники, достижению относительной самостоятельности в поступках и т.д. отмечают многие исследователи.

Две основные школы (марксистская и веберовская) заметно различаются в оценке конфликта ценностей. Если сторонники марксистской школы утверждают, что экономические интересы определяют политические и культурные ценности, то приверженцы веберовской версии считают, что культурные ценности

имеют приоритет. Несмотря на разницу в подходах обе они сходятся в том, что связи интересов и ценностей не только неоспоримы, но и тесно коррелируются.

Изучение ценностей в 43 странах мира (1990-1991) показало: модернизация ведет к появлению синдрома индустриализации, вызывает профессиональную специализацию, бюрократизацию, централизацию, подъем образовательного уровня и такую конфигурацию верований и ценностных ориентации, которые тесно связаны с высоким уровнем экономического развития. Однако в высокоразвитых индустриальных обществах, кажется, проявляется второй синдром, выражающийся в том, что экономический рост теряет свою центральную роль. В то же время возникает синдром культурных и институциональных изменений, связанных с переносом внимания на качество жизни в целом и на демократичность политических институтов в частности¹.

Таким образом, ценности, являясь относительно общими, стабильными характеристиками людей, меняются от воздействия экономических, социальных и других факторов и направляют своих носителей к определенным целям. Люди, следовательно, в своей деятельности стремятся к удовлетворению своих потребностей, реализации своих интересов, руководствуясь ценностными представлениями о том, что для них приоритетно, а что нет.

Связь конфликта ценностей с потребностями и интересами в значительной мере опосредована. С учетом значимости сознания отдельные конфликты ценностей бывают унаследованными памятью о прошлых обидах и столкновениях. Бывает и так, что люди одной группы (поселенческой, например), имеющие сходные интересы, резко расходятся в религиозных воззрениях.

Относительной самостоятельностью обладают внутренние психологические конфликты. Если З. Фрейд все больше склонялся к оценке такого рода конфликтов в качестве поля битвы между вытесненными и вытесняющими силами, то современные исследователи находят, что в число внутренних конфликтов должны быть включены противоречивые отношения не только к другим людям, но и к самому себе, противоречивые качества и противоречивые множества ценностей.

¹ См.: Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 10.

Поскольку конфликты часто касаются убеждений, веры или моральных ценностей, их признание предполагает, что мы развили свою собственную систему ценностей. Просто заимствованные убеждения, не являющиеся частью нашего Я, едва ли обладают достаточной силой, чтобы вызывать конфликты или служить ведущим критерием при принятии решений. Такие убеждения, если на них оказывается воздействие, легко заменяются другими. Если мы просто заимствовали возвращенные в нашем окружении ценности, то конфликты по очень важным для нас вопросам не возникают.

Если, например, сын никогда не сомневался в мудрости своего ограниченного отца, то возникнет едва заметный конфликт, когда отец захочет, чтобы сын выбрал профессию, отличающуюся от той, которую он сам предпочитает. Женатый мужчина, который любит другую женщину, находится в реальном конфликте; и если он не смог разобраться в своих взглядах на смысл брака, то просто выберет путь наименьшего сопротивления, вместо того чтобы признать существование конфликта и принять однозначное решение¹.

Спецификой обладают и другие уровни конфликта ценностей: между индивидами, малыми, большими группами. Геополитики находят резкие различия не только между ценностями отдельных стран, но и целых цивилизаций. Христианская цивилизация, например, издавна в качестве канонов признает десять моральных заповедей («не убий», «не прелюбодействуй», «чти отца своего» и т.д.). Однако в развитых странах Запада традиционные формы религии (протестантизм, католицизм) находятся в упадке: уровень посещения церковей снижается, обесценивается и роль традиционной морали. Люди в меньшей степени, по сравнению с прошедшими десятилетиями, склонны поддерживать требования относительно абортов, самоубийств, гомосексуализма, разводов.

В то же время исламский фундаментализм с его ценностями находится на видимом подъеме, особенно в тех странах, где экономика либо слабо развита, либо основана исключительно на продаже нефти.

Конфликты ценностей в России и других странах в так называемый переходный период (проведение кардинальных экономических и политических реформ) также обладают определенными специфическими чертами. При всем разнообразии процессов в этих странах самым крупным считается конфликт между традиционализмом и модернизмом. Этот конфликт развивался

¹ См.: Хорни К. Наши внутренние конфликты. СПб., 1997. С. 18-19.

постепенно, он по многим причинам предшествовал политическим событиям начала 90-х гг. XX в.

Эмпирические исследования в восточноевропейских странах изобилуют выводами о кризисе модернизма и трудностях в обновлении традиций, но в России и на территории бывшей Югославии эти процессы воспринимаются особенно остро. Здесь возникло организованное сопротивление переменам, в котором приняли участие и правящие политические и культурные группы, опираясь на массовую поддержку обнищавшего населения. Другие слои в какой-то мере сохранили модернизаторский потенциал, а в рядах образованной молодежи действуют даже постмодернистские тенденции. Однако трудно определить, насколько они самобытны, а в какой степени являются заимствованием и подражанием западным стандартам. Этот конгломерат ценностей сказывается на позициях политических партий. Исследования выявляют значительные ценностные наложения, смешивание и комбинирование на первый взгляд несовместимых систем (Д. Пантич).

Другими важнейшими видами конфликтов ценностей являются: конфликт между свободой и равенством, справедливостью и неравенством, между коллективизмом и индивидуализмом, ксенофобией (вражда и неприязнь к иностранцам) и открытостью к миру, демократией и авторитарностью, стремлением к общественной собственности и ориентацией к частной собственности¹.

Наиболее профессиональные исследователи (Н.И. Лапин, М.Н. Горшков и др.), ведущие мониторинг ценностных ориентации

¹ См.: Социологические исследования. 1997. № 3 С. 24-36.

российского населения с 1989 г., сделали вывод: ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно посередине пути к модернистской системе ценностей или одолели больше половины этого пути¹. Сами конфликты ценностей заметно ускоряют или замедляют общественные изменения.

В развитых западных странах наблюдается постепенное исчезновение тех систем ценностей, которые сложились в условиях дефицита, и явное распространение среди все расширяющихся сегментов общества таких ценностей, в основе которых лежат обеспеченность и стабильность (Р. Инглхарт). Это обусловливается беспрецедентно высоким уровнем реального благосостояния, которым характеризуется положение народа в передовых индустриальных странах, в отличие от условий существования более ранних обществ. В развитых индустриальных странах большинство людей считают достаток само собой разумеющимся и воспринимают его как должное. И именно потому, что они относятся к своему материальному благополучию как к должному, они не осознают степени влияния этой данности на их мировоззрение.

В новой системе ценностей из тех, которые издавна играли ключевую роль в становлении индустриального общества, т.е. экономические достижения, рост и рациональность, в какой-то степени потеряли свое влияние. На уровне общества в целом наблюдается радикальное замещение приоритетов раннего этапа индустриализации, усиливается тенденция к переносу упора с экономического роста на озабоченность его отрицательным влиянием на окружающую среду. На уровне индивидуума максимизация экономических успехов постепенно лишается приоритета: для возрастающей части населения куда более значащими становятся самовыражение и стремление к осмысленному труду. Изменяются и мотивации в труде: максимизация доходов как главный приоритет все очевиднее уступает место степени удовлетворенности самим процессом труда¹.

¹ См.: Динамика ценностных ориентации населения России: 1990-1994 гг. М., 1995. С. 19.

¹ См.: Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 17

Участники конфликта

Глава 5

§ 1. Уровни научного рассмотрения

Естественно, участниками конфликта являются представители самых разных статусов, ролей и групп. Самое простое выражение конфликта - противоборство двух физических лиц. В основе его лежит определенное противоречие между этими индивидуумами. Так называемый *межличностный конфликт* может включать и нескольких человек, и разрастаться до групповых масштабов, но суть его от размеров не всегда меняется. Когда двое слесарей повздорили между собой по поводу того, чья очередь идти за водкой, к каждому из них присоединились подвыпившие приятели, и все это закончилось массовой потасовкой, конфликт остался межличностным. Дело в том, что в основе его лежали личные, а не общественные противоречия, хотя межгрупповые расхождения можно обнаружить и здесь.

В межличностном конфликте всегда участвуют конкретные лица. Временные группы, возникающие при этом, представляют собой, в общем, случайные образования, которые распадаются, как только закончится конфликт. Поэтому сколько бы ни было участников межличностного конфликта, уровень его научного рассмотрения в основном должен оставаться *психологическим*.

Такого рода конфликты относятся к ситуациям, в которых у индивида возникает желание участвовать в двух или более видах деятельности. В Европе мужчина не может быть женат на двух женщинах одновременно, если даже они очень привлекательны. При конкурсном отборе, при поступлении в университет, например, экзаменатор иногда сталкивается с необходимостью выбора между приемом сына приятеля и приемом способного, но незнакомого молодого человека (внутренний конфликт).

Психологический конфликт, как мы заметили, может возникать на разных уровнях. На поведенческом уровне человек стремится и достигнуть своей цели и, одновременно, избегает нарушить правила, санкционированные обществом или группой. На словесном (вербальном) уровне человек желает высказать все, что он думает о своем сотруднике, но боится обидеть последнего. На эмоциональном

уровне женщина может испытывать влечение к женатому мужчине, но страх и опасение огласки заставляют ее быть сдержанной. Следовательно, мотивы человека, иногда несовместимые, играют важную роль в конкретном поведении сторон.

К тому же индивид в обществе находится под воздействием групп и их требованием выполнять различные, иногда противоречивые роли. Некоторые исследователи (З. Фрейд и др.) утверждают, что сама цивилизация представляет собой результат столкновений биологических влечений и социальных требований. Концепция конфликта, разрабатываемая психоаналитиками, включает в себя учение о психических неврозах.

Неуравновешенный человек при определенных условиях приходит в ярость, которая достигает максимума, когда он сталкивается с конфликтующими влечениями и осознает невозможность достижения противоречащих целей. Вот почему внезапное осознание конфликта может ввергнуть его в состояние острой паники.

Ярость к самому себе экстернализируется тремя главными способами. Там, где не запрещается проявление враждебных чувств, гнев легко выплескивается наружу. Он обращен против других и проявляется либо как общая раздражительность, либо как специфическое раздражение, направленное на те реальные недостатки в других, которые невротик ненавидит в самом себе¹.

Современные сторонники психоанализа (Э. Фромм, К. Юнг, К. Хорни и др.) считают, что постулат Фрейда о конфликте между инстинктами и социальными ограничениями может быть дополнен культурологическими объяснениями. Так, Хорни концентрирует внимание на заботе каждого человека о своей безопасности. В нашей беспокойной обстановке человек гиперболизирует опасности, что приводит к неврозам и конфликтному поведению. Конфликты двух людей (сторон) также могут быть объяснены чувством их незащищенности от общества.

При анализе *группового, классового или иного конфликта*, где действуют общественные группы, слои, классы и в основе конфликта лежат групповые противоречия, преобладает *социологический уровень*. Конечно, конкретные личности, например, лидеры, руководители, здесь тоже играют важную роль. Более того, эпизодом группового

¹ См.: Хорни К. Указ. соч. С. 113.

конфликта может быть стычка двух или нескольких человек. Но все же основными участниками будут массовые образования, и позиции здесь отстаиваются не индивидуальные, а групповые. Л. Козер отмечал, что групповые конфликты не в меньшей степени, чем личностные, отличаются нетерпимостью и стремлением к абсолютной личной вовлеченности всех своих членов в противоборство. Это усиливает конфликтность групп и повышает социальную напряженность.

Конфликт внутри общества приводит к приспособлению существующих институтов к системным изменениям, зависящим от уровня гибкости социальной структуры. Гибкие системы допускают прогрессивные преобразования в своих структурах как следствия внутренних групповых конфликтов. Негибкие общественные структуры, отказывающиеся осуществлять такие приспособления и допускающие накопление неразрешенных скрытых конфликтов, максимизируют шансы насильственных вспышек, направленных против структур согласия и ведущих к изменению социальных систем.

Социология XIX и XX вв. уделяла много внимания социальному конфликту (гл. 1). В целом конфликт рассматривали в качестве исключительного явления, хотя отдельные теоретики не без влияния учения Маркса и Зиммеля (Козер, Дарендорф, Глюкман, Гатлунг и др.) противостояли указанному подходу.

Отечественные авторы (М.Н. Руткевич, В.А. Ядов и др.) отмечают, что при групповых конфликтах не всегда наблюдается четкая идентификация групп. Это верное наблюдение подтверждается хаотическим поведением населения в ряде межнациональных конфликтов (Таджикистан, Северный Кавказ, Грузия и др.), где подчас было трудно определить пристрастия участников и цели их поступков.

Расширяя системные границы конфликта, российские авторы начинают уделять довольно значительное внимание противоборству социальных слоев, классов, общественных систем, государств. Ранее считалось, что с ликвидацией так называемых эксплуататорских классов конфликты между классами (равно как и между социальными слоями) в нашей стране невозможны. В общем это, как ни парадоксально, соответствовало действительности. Появившиеся в последнее время попытки вычленив задним числом для общества, называвшегося социалистическим, какие-либо другие классы (бюрократия, номенклатура, партийные функционеры и др.) просто переводят вопрос в другую плоскость, а именно: были ли в нашем обществе конфликты между какими-либо социальными группами.

Ответ будет положительным: несомненно, были, и весьма глубокие, что подтверждается репрессивной политикой государства, особенно в сталинские времена, против людей различной социальной, национальной, религиозной принадлежности. Можно сказать даже больше: существовал глубокий конфликт между государством и обществом, между партией и народными массами, который в большинстве своих проявлений не носил открытого характера. Но этот конфликт не являлся классовым в том смысле, как он трактовался марксизмом.

В 90-х гг. не только различия между классами, но и открытые конфликты между ними становятся заметными. В этой связи достаточно напомнить о забастовках шахтеров Кузбасса, населения Приморья и т.д.

На высоком государственном уровне правомерны *политологический и геополитический подходы к анализу конфликтов*. Заметим, что сама конфликтология сформировалась как научное направление во многом на базе исследования международных конфликтов; в современной зарубежной науке им и теперь придается важное значение.

Политологический подход дополняет и углубляет социологический анализ. Он акцентирует внимание на определенном социальном положении субъектов конфликта (личность, группа), т.е. на их месте в системе социальных отношений, что имеет не только экономическое, но и политическое значение. Чаще всего социальные субъекты находятся в зависимости друг от друга, приобретающей заметный властный характер. Политическая или экономическая власть обеспечивает реализацию интересов субъекта, имеющего перевес сил. Именно поэтому существует напряжение (склонное либо к возрастанию, либо к понижению), вызванное неравенством в отношении степени реализации интересов. А это ведет к политическим и иным изменениям в обществе.

Субъекты конфликта в составе класса представляют собой совокупность социально связанных между собой индивидов, численность которых настолько велика, что не дает им возможности непосредственного взаимодействия. Их контакты становятся опосредованными и политизированными. Кроме того, признаком упомянутых субъектов интереса является их формализация (институционализация). Субъектами группового интереса могут выступать не только классы и социальные слои, но и территориальные

общности, крупные социально-демографические и социально-профессиональные группы. При этом большое значение приобретает соотношение (включая равновесие) социальных сил. Когда сильный класс (группа) обладает властью при относительном совпадении интереса с другими классами (группами), складывающаяся социальная структура стабильна. Правда, она чревата окостенением и, в конце концов, загниванием, поскольку властвующий класс, как правило, препятствует изменениям, затрагивающим его интересы.

Считается, что слабо структурированные группы и открытые плюралистические общества, допуская развязывание конфликтов между множеством состоящих на разных фронтах, приобретают иммунитет против тех типов конфликтов, которые создают опасность для основополагающего согласия. Они минимизируют опасность разногласий, затрагивающих центральные общесоциальные ценности. Однако в жестко структурированных группах общества велика возможность того, что возникший конфликт, несмотря на усилия к его подавлению, распространяется, ставя под вопрос основные слагаемые согласия. Например, если основные группы населения в обществе постоянно исключаются из участия в общественных делах, приносящих выгоды, они будут стремиться отрицать саму основу общества, и если система власти ослаблена, они попробуют изменить социальный порядок путем революции. Вместе с тем даже если ни одна из групп населения не считает себя абсолютно исключенной из социальной деятельности, приносящей выгоду, они тем не менее могут быть вовлечены в борьбу за увеличение доли доходов, власти, престижа.

В каждом обществе есть некоторые элементы межгруппового напряжения и потенциального конфликта. Анализ социальных изменений привлекают внимание к тем элементам, которые их обеспечивают. Элементы, которые уклоняются и сопротивляются балансу власти и интересов, могут считаться предвестником возникновения из существующих структур новых или альтернативных групп по интересам. Конфликты в таком случае, оказывая давление на рычаги возникновения инноваций, предотвращают окостенение социальных систем, улучшают способности групп реагировать на новые обстоятельства. Столкновение ценностей и интересов и соответствующее им напряжение может быть «управляемым», поскольку оно проявляется, как правило, в узаконенных интересах

групп и требованиях новых групп своей доли общественного богатства (власть, доходы, статус).

Таким образом, социальные изменения могут быть проанализированы только в связи со специфическими (определенными) структурами. Вот поэтому необходимо различать изменения, которые происходят внутри определенных структур, и изменения, которые приводят к разрушению старых и появлению новых структур.

§ 2 Противоборствующие стороны

Основные субъекты конфликта - противоборствующие стороны. В широком смысле отнюдь не все вовлеченные в конфликт являются непосредственными его участниками. Ведь есть еще пособники, пассивные свидетели и очевидцы, посредники и другие интересные фигуры. Словом, противоборствующими сторонами, участниками конфликта можно назвать лишь тех, кто совершает активные (наступательные или оборонительные) действия друг против друга. Напомним, что в конфликте присутствуют обычно две противоборствующие стороны (в межличностном конфликте - два человека), но в принципе может быть три и больше - каждая со своими целями и задачами.

Так, в трудовых конфликтах участвуют рабочие и работодатели. Но на макроуровне интересы рабочих могут защищать трудовые коллективы, профсоюзы и политические партии. За работодателями могут стоять различные организации предпринимателей и государственные организации. На микроуровне мозаика конфликта не менее сложна, поскольку на предприятиях в случаях острого конфликта (забастовки) стороны обычно ищут поддержку у максимально большего количества союзников. Каждая сторона может быть вовлечена к тому же одновременно и в другие конфликты, обрастающие еще большим числом участников. И все же именно противоборствующие стороны - основной стержень конфликта. Если одна из них по той или иной причине прекращает свою деятельность - конфликт исчезает (или изменяется состав его участников). Поэтому в дальнейшем мы более подробно рассмотрим интересы и цели противоборствующих сторон, причины и механизмы их поведения, а также результаты их противоборства.

В конкретном межличностном конфликте стороны представляют индивиды и поэтому каждый из них незаменим. Но заменимы ли эти индивиды в групповом конфликте? По сути дела, в такого рода конфликте незаменимость относится не столько к личности, сколько к группе, так же как в межгосударственном - не к должностному лицу или органу, представляющему государство, а именно к последнему.

Некоторые авторы (Ф. Бородкин, Н. Коряк) считают полезным ранжировать противодействующие стороны следующим образом: самый низкий ранг - индивид, далее идут группа, коллектив, национальное образование, социальный слой, общество, государство. Такой подход представляется малопродуктивным. Конфликт двух личностей (например, М. Горбачева и Б. Ельцина) может быть по своему значению и драматической напряженности подчас гораздо существеннее, чем серия межгрупповых конфликтов, тем более когда он сопряжен с идейными разногласиями. Дело не в «ранге» субъекта, а в механизме конфликта, его направленности, целях противоборствующих сторон и многих других обстоятельствах.

Следует также добавить, что противоборствующие стороны могут быть и неравнозначными, т.е. относиться к разным уровням. Так, индивид может конфликтовать не с другим лицом, а с группой или государством. Само государство нередко конфликтует не с равным себе партнером, а с общественной организацией, политической партией, группой экстремистов и т.п. Такие конфликты, если они протекают в неинституционализированных формах, обычно очень остры, жестоки и нередко заканчиваются гибелью слабой стороны.

В латентной фазе не всегда удается определить противоборствующие стороны. Но, когда конфликт принимает открытую форму, участники противоборства могут быть выявлены со всей определенностью.

Проясним сказанное на примере процедуры уголовного разбирательства. Пока преступник не задержан, конфликт между ним и органами правосудия носит латентный характер. Сам виновный, конечно, знает о своем участии в качестве стороны конфликта, но органы следствия, дознания, суд и прокуратура могут не знать, кто именно совершил преступление. Процессуальная деятельность по раскрытию преступления и наказанию виновного переходит из латентной фазы в открытую, когда подозреваемый задержан. Тем самым конфликт приобретает явную форму.

Разумеется, к важнейшим характеристикам противоборствующих сторон, подчас совершенно однозначно определяющим исход конфликта, относятся их физические, социальные, материальные и интеллектуальные возможности, навыки и умения. Их социальные различия связаны не только с разным рангом или уровнем в том смысле, как это употреблялось выше, но с широтой социальных связей, масштабами общественной или групповой поддержки. Интеллект и опыт ведения борьбы незаменимы во всех видах конфликтов - от дипломатического «торга» до вооруженного столкновения. Именно эти качества позволяют формировать верную и выгодную стратегию противоборства и предвидеть поступки оппонента. Для прямых физических столкновений, вооруженных конфликтов особенно важны деструктивные потенциалы противников. В межличностных конфликтах - это физическая сила, угрозы, наличие оружия, в межгосударственных столкновениях, в войнах - это численность вооруженных сил, характер вооружения и эффективность военно-промышленного комплекса. Характерно, что сильный «деструктивный потенциал», с одной стороны, кажется гарантом собственной безопасности, с другой - провоцирует усиление потенциала других участников социального взаимодействия. Это особенно заметно на межгосударственном уровне, где «гонки» вооружений или разоружения неизбежно приводят к определенному дисбалансу сил.

Одна или обе противоборствующие стороны могут на некоторое время выходить из конфликта (например, объявлять перемирие). Однако факты свидетельствуют о том, что в большинстве конфликтов основная роль противоборствующей стороны остается практически неизменной в течение всего конфликта.

§ 3. Подстрекатели, пособники, организаторы

В отличие от роли противоборствующих сторон конфликта, роли подстрекателей, пособников, организаторов, а также посредников и судей являются главным образом эпизодическими.

Используемая здесь терминология является в основе юридической, но она достаточно полно характеризует не только криминальные, но и другие конфликты, в том числе и международные. *Подстрекатель* - это *лицо, организация или государство, подталкивающие другого участника к конфликту*. Сам подстрекатель может затем в этом конфликте и не участвовать; его задача ограничивается тем, чтобы спровоцировать, развязать конфликт между другими лицами (группами). Древний принцип «разделяй и властвуй», по сути дела, олицетворяет такую практику разделения общества (группы) на конфликтующие группы, каждая из которых заинтересована в поддержке власти.

Пособник - *лицо, содействующее конфликту советами, технической помощью и другими способами*. В международной политике пособничество агрессору, развязывающему вооруженный конфликт, расценивается как серьезное преступление против мира. Известно, что именно такую оценку история дала фактам пособничества нацистской Германии со стороны Англии и Франции накануне Второй мировой войны («мюнхенский сговор»).

При групповых конфликтах, особенно когда в них участвует неопределенный круг лиц, толпа, многие присутствующие люди фактически выступают как пособники основных участников - противоборствующих сторон. Кто-то выкрикивает лозунги, другие угрожающе размахивают палками и бросают камни, подают различные советы, возбуждают окружающих. Дифференцировать активных участников, пособников и пассивных наблюдателей происходящего в большинстве случаев трудно. Однако такая задача всегда возникает перед органами правосудия, когда рассматриваются дела о массовых беспорядках, драках или групповом хулиганстве.

Обычно в обширных массовых и продолжительных конфликтах возможны перегруппировки участников, временные коалиции между ними, сговор или внутренние разногласия, что крайне запутывает и усложняет общую картину.

Организатор - *лицо (группа), планирующее конфликт, намечающее его развитие, предусматривающее различные пути*.

обеспечения и охраны участников и др. Организатором может быть одна из противоборствующих сторон («теневой»), но может быть и самостоятельная фигура. Классический пример последнего - Яго из шекспировского «Отелло», который сам не участвует в трагическом конфликте Отелло и Дездемоны, но тщательно организует его.

§ 4. Посредники

В определенном смысле посредников можно считать участниками конфликта, особенно посредников, которые пытаются не просто разобраться в причинах и обстоятельствах происходящего (что делают и судьи), но предотвратить, остановить, разрешить конфликт.

В практической конфликтологии проблема посредничества имеет важное значение. Наиболее эффективна регламентированная процедура, при которой *посредник - строго нейтральное лицо, помогающее конфликтующим, сторонам в достижении согласия с помощью переговоров.* Специфической чертой посредничества является то, что стороны обычно сами формулируют текст соглашения. Посредник не наделен полномочиями принимать какие бы то ни было решения, а лишь помогает достичь соглашения, которое и определяет дальнейшие действия сторон.

В связи с развитием в последние годы множества региональных конфликтов, в основном межнационального характера, все чаще прибегают к посредничеству так называемых миротворческих сил, в том числе войск Организации Объединенных Наций, которые в большинстве случаев непосредственно включаются в конфликт. В Конго, Сомали, на территории бывшей Югославии среди таких посредников были убитые и раненые. Следует подчеркнуть, что посредники, как и судьи, не являются противоборствующими сторонами конфликта, их цели диаметрально противоположны: не развивать, а остановить конфликт, разрешить противоречие - по возможности, ненасильственным путем.

Посреднику необходимо обладать рядом качеств; он должен быть мудрым, творческим человеком, уметь вести дело к компромиссу, примирению, быть морально авторитетным для всех участвующих в конфликте сторон, объективным и знающим человеком.

По сравнению с традиционными формами решения конфликтов (прямые переговоры, тайные встречи сторон и т.д.) посредничество

обладает рядом преимуществ. Посредника выбирают сами противоборствующие стороны, поэтому ему легче, чем самим сторонам, контролировать и управлять переговорами, создавать благожелательную моральную атмосферу.

§ 5. Ролевое поведение

Все участники конфликта ведут себя по-разному в зависимости от роли, которую они выполняют в той или иной ситуации. Ролевое поведение любого участника конфликта, в общем, вполне определено, поскольку связано не только с его собственным желанием или планом, но и с планами соперника, вынуждающими участников к конкретным действиям. Вместе с тем, говоря о ролевом поведении, следует отметить такое немаловажное обстоятельство, как возможная имитация ролей участниками конфликта. Иногда субъект как бы «входит в роль» непримиримой конфликтующей стороны, хотя конфликта как такового либо еще нет, либо он уже угасает. В этом случае сказываются амбиции субъекта, его эмоциональные и характерологические особенности, групповые, партийные и иные интересы. Упорное удержание роли конфликтующей стороны характерно для межнациональных конфликтов, где такая позиция сильно затягивает примирение сторон, препятствует разрешению конфликтной ситуации. Конфликт в этом случае поддерживается искусственно, хотя реальной почвы для него может уже и не быть.

Входят в «роль» конфликтующей стороны и многочисленные сутяжники и склочники, обивающие пороги разных учреждений с действительными или вымышленными претензиями, для удовлетворения которых подчас вовсе не требовалось вступать в конфликтные взаимоотношения. Преодоление подобных «ролевых» отношений во многих случаях требует немалых и длительных усилий.

Динамика и механизмы конфликта

Глава 6

§ 7. Конфликтная ситуация

Что же обычно предшествует конфликту? Очевидно, что здесь можно выделить две группы явлений: объективная жизненная ситуация, в которой находятся противоборствующие стороны, и сами эти стороны - люди, имеющие определенные интересы и ценности. Собственно, это структура противоречия, не перешедшего в конфликт.

Жизненные ситуации, в которых оказываются люди, чрезвычайно разнообразны. Обстоятельства жизни отдельного человека или целой социальной группы могут быть скоротечными, преходящими или, напротив, длительными, застойными. Они могут характеризоваться определенной духовной атмосферой и тем или иным уровнем материальных благ. Они связаны с территориальным размещением субъектов, различными социальными иерархиями и многими другими факторами.

Под *конфликтной ситуацией* следует понимать такое стечение обстоятельств, которое объективно создает почву для реального противоборства между социальными субъектами. Приведем пример. В научном учреждении намечается сокращение штатов. Многие сотрудники, особенно пенсионного возраста, могут подпасть под «сокращение». Пока конкретно вопрос о ликвидации тех или иных должностей не решен, и потому говорить о возникновении самого конфликта преждевременно. Однако конфликтная ситуация налицо, потому что предмет возможных разногласий уже существует, в коллективе явно возникла напряженность, которая может вызвать последующие действия участников.

Анализируя различные конфликтные ситуации в трудовых коллективах, Ф.М.Бородкин и Н.М.Коряк так суммировали некоторые типичные причины, создающие почву для конфликтов в организациях: а) неопределенность технологических связей между структурными подразделениями организации; б) наличие многочисленных начальников, отдающих различные распоряжения; в) большое количество подчиненных у одного начальника, что создает хаотичность в управлении; г) перекладывание ответственности друг на друга, что порождает состояние общей безответственности; д)

невысокие личные и деловые качества ряда сотрудников¹. Естественно, что при этих условиях конфликтная ситуация в коллективе может сложиться достаточно легко. К этому можно было бы добавить ряд внешних для учреждения факторов, создающих в нем напряженность, например, реорганизацию системы управления, указания вышестоящих органов о сокращении штатов, трудности с выплатой заработной платы и т.д.

Весьма сложны и разнообразны конфликтные ситуации в межнациональных делах. Приведем в качестве примера ситуацию в Приднестровье, где возник конфликт между правительством Молдовы и русскоязычным населением региона.

Начало противостояния сторон в этом регионе относилось к лету - осени 1989 г., когда Верховный Совет Молдавской ССР приступил к обсуждению закона о языках, причем утвердил молдавский язык в качестве единственного государственного языка на всей территории республики. В ответ на многих предприятиях Приднестровья были созданы советы трудовых коллективов, которые потребовали проведения референдума по этому вопросу. Требование было отвергнуто правительством республики. Таким было начало приднестровского конфликта, стадии развития которого мы рассмотрим ниже. А здесь разберем ситуацию, предшествовавшую этим событиям.

Надо начать с того, что территория Приднестровья, примыкающая на протяжении 200 км к р.Днестр, до 1940 г. не входила в состав Румынии. В 1924 г. здесь была создана Молдавская АССР в составе УССР. В 1940 г. после присоединения Бессарабии к СССР Левобережье Днестра вошло во вновь образованную Молдавскую ССР. Большая часть населения этой территории не является румынами или молдаванами (их вместе-39%), зато украинцев - 28%, русских-24%, болгар, гагаузов и других национальностей - 9%. Конфликтная ситуация в Приднестровье и вокруг него не сложилась бы, если бы молдавским руководством проводилась политика равного отношения к лицам всех национальностей. Можно сказать, что малейший признак дискриминации по отношению к любой из национальностей, проживающих в Приднестровье, был способен вызвать неугасающий пожар. И таких моментов оказалось несколько: обсуждение проекта закона о государственном языке, неравное отношение к лицам немолдавской национальности при подборе кадров и получении образования, введение нового трехцветного флага Молдовы, обсуждение вопроса о присоединении Молдовы к Румынии и некоторые другие действия. Все это превратило возможность конфликта в трагическую реальность.

¹ См.: *Бородкин Ф.М., Коряк Н.М.* Внимание: конфликт! Новосибирск, 1983. С. 55-57, 72-80.

Конфликтная ситуация может сложиться объективно помимо воли и желания потенциальных противоборствующих сторон (пример: сокращение штатов в учреждении), а может быть вызвана или создана одной из сторон или обеими. При этом крайне важно отметить, что каждая ситуация имеет объективное содержание (оно определяется происходящими в действительности событиями) и субъективное значение (оно зависит от того, какую интерпретацию этим событиям дает каждая сторона), в соответствии с которым субъект начинает действовать в конфликте.

Субъективное отражение конфликтной ситуации не обязательно соответствует действительному положению дел. В литературе справедливо отмечается, что осознание конфликта всегда несет в себе элементы субъективизма и уже поэтому является в определенной мере искаженным.

В Приднестровье действия молдавских лидеров интерпретировались населением как дискриминационные по отношению к лицам «некоренных» национальностей. Как показывает анализ всех событий в Приднестровье, основная часть населения оценивала возникшую ситуацию адекватно. Однако нельзя исключать того, что действия молдавского правительства приднестровцы напрямую идентифицировали с лозунгами и воззваниями наиболее экстремистских движений в Молдове, в таком случае их опасения относительно дискриминационных намерений правительства не имели достаточных оснований.

Искажения в восприятии ситуации могут быть весьма значительными. Бывает, причиной конфликта служит простое непонимание другого субъекта. В этой связи специалисты выделяют понятия «частично понятого» и «ложного» конфликтов (Л.А. Петровская).

В «ч а с т и ч н о п о н я т о м» конфликте оценка сторонами ситуации существенно расходится с реальным положением дел (например, значительно преувеличиваются или, напротив, значительно преуменьшаются масштабы возникшей проблемы). Иными словами, конфликтная ситуация отражается неполно или частично. В межнациональных конфликтах это наблюдается довольно часто.

В «л о ж н о м» конфликте объективная конфликтная ситуация полностью отсутствует, между субъектами нет никакого видимого противоречия, но тем не менее стороны ощущают конфликтность взаимоотношений и вступают в противоборство.

В некоторых конфликтах одна из двух сторон интерпретирует ситуацию искаженно или ошибочно, тогда как другая - вполне адекватно. Восприняв ситуацию как конфликтную, первый субъект начинает действовать; другой субъект, став адресатом конфликтных действий, для оценки ситуации в качестве конфликтной имеет уже больше оснований. Впрочем и он будет не вполне объективен, если не осознает случайность возникшей проблемы. Ложное восприятие часто связано с интерпретацией чьих-то непреднамеренных действий как умышленных, т.е. соответствующих определенным интересам другого. Для разрешения этой проблемы обычно достаточно объясниться, выяснить, что действия, начавшие конфликт, были неосторожными, ненамеренными. Но очень часто эти возможности игнорируются, и стороны предпочитают во всех действиях друг друга видеть злой умысел, способствуя разрастанию и углублению конфликта. Так, нередко в неумелых действиях властей усматриваются чьи-то козни и намеренное нагнетание обстановки, в то время как в действительности дело просто в неорганизованности и отсутствии профессионализма.

Рассматривая неадекватное или ложное восприятие конфликтной ситуации как причину конфликта, важно подчеркнуть, что если в генезисе когнитивного конфликта оно обусловлено искаженным толкованием собственно содержания излагаемой точки зрения, то в генезисе конфликта интересов - прежде всего ошибками в оценке мотивов оппонента.

Ложное восприятие возникает в результате неправильного истолкования слов и поступков других. Это восприятие вызывается различными причинами: двусмысленностью сообщения, возможными искажениями первоначального смысла. Замечено, что в определенных обстоятельствах вполне безобидный вопрос или комплимент воспринимаются как оскорбление. Различия в интерпретации чужих поступков во многом определяются различиями культур, норм общения.

Интересно, что восприятие субъектом ситуации как конфликтной не всегда обуславливается какими-либо действиями другой стороны. Для подобной оценки ситуации порой достаточно наличия у другой стороны значительного «деструктивного потенциала». Из этого факта делается нередко ошибочный вывод об агрессивных намерениях другой стороны, и субъект, полагая, что защищает себя, развязывает конфликт. События в этом случае разворачиваются по типу «самоисполняющегося пророчества»: исходя из посылки о враждебных

намерениях другого, субъект сам ведет себя агрессивно, чем вызывает действительную враждебность другого и, таким образом, подтверждает первоначальную посылку.

Конфликт, возникший по ошибке, в дальнейшем может развиваться так, будто он имеет реальный предмет. Действительная конфликтная ситуация возникает уже в ходе конфликта. Такая последовательность характерна для криминальных конфликтов. В этой связи некоторые юристы (А.М. Яковлев) характеризуют преступное поведение как неадекватную реакцию на сложившуюся ситуацию. Сама неадекватность оценки ситуации объясняется различными личностными факторами - ограниченностью кругозора, стрессом, неумением предвидеть последствия, состоянием алкогольного или наркотического опьянения и др. Имеет значение и фактор времени: не во всем сразу можно объективно разобраться.

Итак, в межличностном конфликте большое значение имеет характер восприятия конфликтной ситуации сторонами. Человек реагирует на сложившуюся ситуацию сообразно своему характеру и взглядам. Разные люди (разные группы) оценивают одну и ту же ситуацию и реагируют на нее по-разному, порой прямо противоположно. Понятно, что проявление определенных свойств личности в конкретной ситуации способно вызвать конфликт (или уберечь от него).

Невозможность мирно разрешить ситуацию и нежелание вступать по этому поводу в конфликт могут привести к так называемому психологическому замещению (переносу) целей неудовлетворенных потребностей. Нередко такое замещение выражается в пьянстве и других формах социально осуждаемого поведения, которое, в свою очередь, может вызвать конфликт. Характерным примером является бытовое хулиганство, которое часто представляет собой перенос конфликта, сложившегося в семье или соседском окружении, в совершенно иную ситуацию (избиение постороннего прохожего на улице, дебош в общественном месте и т.п.). Такой перенос наблюдается и в поведении разъяренной толпы, ищущей себе жертву.

Таким же образом обстоит дело и в случаях замещения неудовлетворенной потребности в самоутверждении. Не имея возможности доказать свои «преимущества» на работе и избегая там конфликта, субъект затевает этот конфликт дома, в семье, что дает ему определенную «разрядку» и в какой-то степени удовлетворяет

самолюбие. Так конфликтная ситуация, сложившаяся в одних условиях и в одном месте, разрешается - с конфликтом или без него - при совершенно иных обстоятельствах.

Замечено, что оценка ситуации в качестве конфликтной сама дает основания и обязывает действовать всех тех, кто может и должен предотвратить конфликт. Это наиболее подходящий момент для своевременного пресечения возникающего конфликта с его зачастую непредсказуемыми последствиями.

Итак, конфликтная ситуация отличается от обычной, повседневной жизненной ситуации несколькими особенностями. Некоторые из них мы уже рассмотрели выше. Теперь коснемся более подробно той социально-психологической атмосферы, которая обычно сопутствует конфликтной ситуации и самому конфликту. Условно назовем ее социальной напряженностью.

§ 2. Социальная напряженность

П о н я т и е

По сути дела, социальная напряженность представляет собой некое состояние общественного сознания и поведения, специфическая ситуация восприятия и оценки действительности. Обычно это состояние свойственно конфликту и сопутствует ему. Масштабы социальной напряженности, как правило, сопоставимы с масштабами конфликта и обусловлены ими. Можно вести речь о напряженности межличностной, межгрупповой, межнациональной или о глобальной напряженности в обществе.

В Словаре русского языка читаем: «Напряженность - беспокойное, чреватое опасностью или ссорой состояние каких-либо отношений»¹.

Термин «социальная напряженность» входит в категориальный аппарат социологии права, психологии, социальной философии, истории и политических наук и может рассматриваться как междисциплинарное понятие.

¹ Словарь русского языка / Под ред. С.О. Ожегова. М., 1990. С.388.

Итак, *социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды и продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени.* Обычное состояние людей может резко измениться из-за воздействия неподконтрольных человеку сил природы: изменения климата, истощения ресурсов, землетрясения и т.д.

Что касается социальной напряженности, то она, как и любое другое общественное явление, имеет общие предпосылки и локальные причины, действующие при конкретном сочетании обстоятельств, места и времени.

Наиболее общие предпосылки напряженности - это устойчивая и длительное время неразрешаемая ситуация рассогласования между потребностями, интересами, социальными ожиданиями всей массы или значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения, приводящая к накоплению недовольства, росту агрессивности отдельных групп и индивидов, нарастанию психологической усталости и раздражительности. Другими словами, речь идет об отражении конфликтной ситуации в сознании населения.

Можно утверждать, что социальная напряженность возникает в обществе по меньшей мере в двух случаях. В о – п е р в ы х, когда большинство людей вначале смутно приходит к осознанию того, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных или каких-либо иных жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой или даже становится невозможным. И в о – в т о р ы х, когда какая-то, поначалу сравнительно небольшая часть людей, не имеющая возможности удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы при существующих общественных условиях, вступает в борьбу против действительных (мнимых) препятствий или реального (надуманного) ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения недовольности, страха, пессимизма и т.д. В обоих случаях социальная напряженность возникает в «патовой ситуации», когда назревший кризис своевременно не выявлен, а противостояние никак не разрешается. Таким образом, социальная напряженность - это одновременно и составляющая, и индикатор социального кризиса и сопутствующих ему всевозможных конфликтов.

Влияние объективных обстоятельств на возникновение социальной напряженности мало изучено. Можно вспомнить в связи с

этим трагические события в Армении в декабре 1988 г. Начальная стадия тогдашней катастрофы была прямо связана со стихийным бедствием - землетрясением. В Ленинакане первый удар силой 10 баллов был самым разрушительным. Через несколько минут удар повторился. Началась паника, пик которой пришелся на третий, менее сильный толчок: людей охватили чувства отчаяния, страха смерти. В течение первых двух дней люди действовали спонтанно, хаотично и лишь затем приступили к более или менее планомерному восстановлению города и организованному возвращению жителей. Однако и сейчас, через несколько лет социальная напряженность в регионе все еще сохраняется, хотя ее уровень значительно снизился. Больше всего страдают люди из так называемых социально незащищенных групп. Потеряв родных и близких, они чувствуют себя брошенными, ненужными, они беспомощны и пассивны. Другие группы населения жалуются на недостаточную и несвоевременную помощь, равнодушие приезжих, нехватку информации. Подозрительное отношение к властям, мнительность, настороженность населения района отмечались многими наблюдателями.

Упомянем также о социальной напряженности, вызванной просчетами, проступками, а иногда и преступлениями, совершаемыми руководством на различных уровнях. Может ли, например, «средний» человек спокойно воспринимать информацию об ошибках при размещении АЭС в густонаселенных районах? Даже менее значительные просчеты при благих намерениях властей («антиалкогольный указ», необоснованное введение чрезвычайного положения и др.) могут надолго возбудить население. Что касается намеренных действий, то тут ситуация кажется еще более опасной. Преступления советского режима в отношении больших групп населения («раскулачивание», насильственное переселение народов, репрессии), несомненно, породили в обществе острую напряженность, которая достигла своей кульминации к середине 90-х гг.

Вместе с тем социальная напряженность является необходимой, хотя и непостоянной составляющей существования любого сообщества. На микроуровне человек, переживая это явление как стресс, вырабатывает к нему «иммунитет», что становится необходимой частью его общественной культуры. Напряженность в тех или иных формах и аспектах сопутствует людям всю жизнь.

На макроуровне социальная напряженность как бы встраивается в цивилизационные процессы, она пронизывает все мировое

сообщество. По мнению А.С. Ахиезера, мы имеем дело с дуальной оппозицией, могущей принимать форму бесконечного разнообразия полюсов. Речь идет лишь о том, что надлежит и воспроизводить лишь ее позитивные характеристики, охраняя общество от деструкции.

Этот автор выдвинул интересную идею, что существует так называемая конструктивная напряженность, выполняющая функцию преодоления социокультурных противоречий. Вектор этой напряженности направлен против дезорганизации, энтропийных процессов¹. Действительно, социальная напряженность при некоторых обстоятельствах может мобилизовать массы, усилить позитивные процессы (например, экологическое движение).

Согласно исследованиям (в том числе эмпирическим), проводившимся в РАН (В.О. Рукавишников), социальная напряженность проявляется прежде всего на социально-психологическом и поведенческом уровнях и характеризуется следующими особенностями:

- * распространением настроений неудовлетворенности существующей ситуацией в той или иной жизненно важной сфере общественной жизни (в начале 90-х гг. социальная напряженность проявлялась в недовольстве стремительным ростом цен, инфляцией, оскудением потребительского рынка, отсутствием личной безопасности, загрязнением окружающей среды);

- * утратой доверия к властям, падением авторитета власти и власти авторитета, пессимистическими настроениями, циркуляцией всевозможных слухов. В обществе в целом, как и в отдельной территориальной общности, возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения;

- * на поведенческом уровне социальная напряженность выливается в стихийные массовые действия (ажиотажный спрос, скупка товаров и продуктов питания «на черный день» и т.д.), в разного рода конфликты, митинги, демонстрации, забастовки и иные формы гражданского неповиновения и протеста, в вынужденную и добровольную миграцию в другие регионы и за границу;

- * на региональном уровне социальная напряженность нередко связана с ростом активности различных общественно-политических формирований в борьбе за влияние в массах и за власть, с деятельностью разного рода экстремистских групп, в том числе

¹ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. III. С. 145-146.

националистического толка, с активизацией преступных элементов и т.д.

Показатели

На основании этих характеристик можно построить систему показателей, позволяющую осуществлять измерение степени (уровня) напряженности в обществе или конкретной территориальной или профессиональной общности. В таких системах, как правило, используются прямые и косвенные индикаторы (показатели, учитываемые официальной статистикой, и показатели-переменные, значения которых могут быть получены только в ходе социологического мониторинга общественных настроений и оценок).

В систему показателей непременно входят показатели, характеризующие сферу субъективного: мнения людей относительно тех или иных событий, действий, их оценки степени удовлетворения своих жизненно важных потребностей, ожиданий решения проблем, затрагивающих их интересы, уровень доверия к правительству и руководителям более низких рангов; оценки соблюдения прав человека, состояния охраны общественного порядка и личной безопасности, экологической ситуации, состояния межнациональных отношений, возможности возникновения конфликта, вероятного поведения в предполагаемых ситуациях, альтернатив развития событий в ближайшем будущем и т.д. Обязательно должны учитываться показатели состояния сферы общественного бытия, условий жизни людей: данные о Наличии, частоте и масштабах самих конфликтов, о митингах, демонстрациях и других массовых социально активных действиях, миграционных и эмиграционных потоках, динамике цен, товарооборота и покупательной способности различных категорий населения, структуре и динамике преступности, данные медицинской статистики и др¹.

Существует порог, за которым социальная напряженность приобретает взрывоопасный характер, т.е. становится своеобразной «гремучей смесью», способной взорваться при наличии соответствующих социальных детонаторов. Именно поэтому важно

¹ См.: Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в теорию конфликта. М., 1994. С. 95-112.

тщательно отслеживать развитие социальной напряженности. Средства обнаружения и измерения должны быть простыми и надежными.

Заметим, что состояние неудовлетворенности и беспокойства, сохраняющиеся в течение достаточно длительного периода времени, как правило, служат питательной почвой для возникновения и развития разного рода общественных движений. Анализируя их лозунги, методы и программные заявления, можно установить причины (подлинные или мнимые) их появления и, следовательно, факторы, влияющие на уровень напряженности.

Социальная напряженность порождает напряженность эмоциональную. На индивидуально-личностном уровне она проявляется во фрустрации, недовольстве, постоянной раздражительности, поисках контактов в неформальных кругах; на групповом - в агрессивности, в действиях, направленных на преодоление сложившейся ситуации. В таких случаях конфликты способствуют либо росту напряженности, либо (при разрешении конфликтов) ее снятию.

С т а д и и

Стадии социальной напряженности как процесса отличаются одна от другой своими пространственно-временными параметрами и формами выражения. Обычно выделяют три стадии.

П е р в а я *с т а д и я* характеризуется скрытым, не имеющим явных внешних признаков нарастанием недовольства. Ей присуща неорганизованная, главным образом вербальная, форма выражения неудовлетворенности, рост обеспокоенности в связи с множасьими нарушениями привычного хода жизни, без сколько-нибудь ясного осознания массами причин и масштабов происходящих изменений. По сути дела, речь идет о предконфликтной ситуации.

В т о р а я *с т а д и я* - обострение напряженности. Ее отличительной чертой является отчетливое осознание большинством населения ненормальности существующего положения и наличия в обществе социальной напряженности. Здесь налицо явная конфликтная ситуация. На этой стадии в отдельных регионах и населенных пунктах возникают очаги резкого обострения напряженности, вспыхивают конфликты.

Т р е тья *с т а д и я* обычно характеризуется снижением социальной напряженности, постепенным исчезновением признаков,

характерных для этого состояния общественной жизни. Заметим, однако, что конфликты, возникшие на предшествующей стадии, могут и продолжаться (не вызывая, впрочем, широкого общественного резонанса).

Социальная напряженность - своего рода пролог конфликтной ситуации - возникает, когда конфликты еще не проявляются в предельно обнаженном виде, когда отсутствует отчетливо осознаваемое противостояние по линии мы - они, и исчезает лишь тогда, когда кризис разрешен или конфликт исчерпан. Как явствует из сказанного выше, проявляясь на социально-психологическом и поведенческом уровне, она тесно связана с динамикой общественного мнения и общественных настроений.

Таким образом, социальная напряженность - это понятие, обозначающее не только эмоциональное состояние людей, но и состояние всей общественной жизни, характеризующееся обострением внутренних противоречий (в ряде случаев, объективных и субъективных, под действием внешних обстоятельств, скажем, стихийных бедствий, катастроф и т.д.). Социальная напряженность возникает в результате совокупного действия причин.

Анализ такого рода «глубинных» причин напряженности сложен. Здесь анализ общественного мнения - наиболее распространенный метод зондажа. Исследования (В.Н. Иванов, В.О. Рукавишников), проведенные в ряде российских городов, показывают, что в последнее время важным фактором напряженности стал процесс социального расслоения. Всем заметно нарастающее различие в положении людей, занятых в государственном и частном секторах экономики. Потенциальный конфликт зрел не только между разными группами, но и внутри госсектора (чувство неприязни к «директорату»). И, наконец, общеизвестна такая область социальной напряженности, как межнациональные отношения. Неприязнь к лицам некоренной национальности испытывает значительная часть жителей, причем доля молодых особенно высока.

Понятно, что напряженность между различными группами населения не обязательно перерастет в открытый конфликт. Многое зависит от умения политического руководства выстроить такую стратегию развития социальных отношений, которая снимет или смягчит эту напряженность между группами.

Мы уже отмечали выше, что характерная особенность социальной напряженности - ее изменчивость не только во времени, но

и в пространстве, дифференциация регионов и населенных пунктов по степени интенсивности проявления социальной напряженности, по локализации очагов (зон) резкого ее усиления, связанного с действием конкретных местных причин и субъективных факторов. Зачастую влияние последних затеняет влияние и само существование более общих причин, подлинная роль и значение которых могут быть выявлены лишь в ходе глубокого теоретического анализа.

Нейтрализовать их действие, в отличие от действия локальных и субъективных факторов, чрезвычайно трудно. Поэтому в конкретном ситуационном исследовании важно различать общие и локальные факторы, причины, предпосылки, выявлять конкретные общественные силы, позиции различных социальных групп, оценивать общественное мнение, указывать на действия и события, способствующие эскалации напряженности, с тем чтобы найти возможные пути и методы ее устранения, а следовательно, купирования конфликтной ситуации. При этом заметим различия в подходах представителей различных общественных дисциплин.

Так, в отличие от социологов, психологи трактуют напряженность как проявление на эмоциональном уровне состояния психического беспокойства, как выход психической энергии, неизрасходованной на достижение какой-либо цели, на удовлетворение потребности.

§ 3. Психология участников конфликта

Конфликты как на уровне малых и больших групп, так и на уровне личности имеют сложнейшую природу и объяснить их можно лишь с учетом взаимодействия объективных и субъективных причин.

В любом обществе личностный или групповой конфликты порождаются не только внешними (экономическими, социальными, культурными и др.) причинами, но и психологическими особенностями личностей и групп. И многие исследователи склонны рассматривать внешние и внутренние (психологические) детерминанты конфликта в качестве паритетных, равнозначных.

Внутренняя детерминанта играет особенно важную роль во внутриличностных конфликтах, поскольку они, проецируясь межличностными и межгрупповыми конфликтами, сами производят их.

Заметим, что в психологии термин «конфликт» имеет более узкое, специальное значение. В качестве примера российский исследователь акад. А.В. Брушлинский ссылается на существование посттравматического стресса, который человек испытывает по прошествии длительного времени после травмы и который сказывается на поведении личности и ее состоянии. В частности, посттравматическому стрессу подвержены ликвидаторы Чернобыльской аварии, первыми приступившие к устранению ее последствий. И сейчас, много времени спустя, в их памяти вновь и вновь возникают картины пережитого, они вновь и вновь испытывают острые переживания, физическую боль, душевную муку Чернобыльский синдром сродни вьетнамскому синдрому, которым страдают многие участвовавшие в войне во Вьетнаме американцы¹. В России за последнее время появились афганский и чеченский синдромы.

Типология

Считается, что самое главное для психологов в анализе конфликтных ситуаций и определении практических мер по их регулированию - это раскрытие типологических психических особенностей поведения личностей и групп, которые вызывают повышенную конфликтогенность. Среди такого рода особенностей следует прежде всего назвать завышенный уровень притязаний, самооценки, недисциплинированность, высокую доминантность, сверхвысокую чувствительность к замечаниям в свой адрес, потребность в почтении и восхищении со стороны окружающих, обидчивость и т.д.

На этом основании исследователи (в частности, А.Л. Журавлев) выделяют два полярных психологических типа личности в социальных взаимодействиях:

1) *агрессивная личность* - личность эмоционально неустойчивая, беспокойная, стремящаяся компенсировать это демонстративной решительностью, тягой к риску. Личности такого типа свойственно неумение учитывать все нюансы ситуации, принимать во внимание точку зрения окружающих; стиль их общения обычно отличается грубостью, бесцеремонностью; они исполнены чувством собственной значимости, амбициозны, безмерно честолюбивы. Легкость возникновения агрессивных реакций обуславливает непредсказуемость их поведения;

¹ См.: Социальные конфликты. Сборник. 1994. № 7. С. 147.

2) *жертва конфликта*. Личности такого типа провоцируют возникновение напряженности в отношениях между людьми, т.е. обладают таким комплексом психологических качеств, которые порождают у окружающих агрессивное к ним отношение.

Определяются и промежуточные типы личностей, играющие позитивную роль в преодолении конфликтных ситуаций.

Возможна и другая типология. Исходя из модели поведения, в обобщенном виде выделяются три основных психологических типа участников конфликта.¹

1. *Деструктивный тип*. Это психологический тип субъекта, склонного к развязыванию конфликта и усилению его вплоть до физического уничтожения или полного подавления противника. В быту это эгоист, зачинщик ссор и скандалов, в учреждении - клязник, в толпе - инициатор беспорядков и разрушительных действий. Многие конфликтные ситуации могли бы разрешаться мирным путем, если бы не подогревались такого рода личностями. Особенно наглядно это видно на примерах межнациональных конфликтов, происходящих в последнее время в разных регионах мира. Известны подобные субъекты, действующие и на международной арене (С. Хусейн, Бен Ладен и др.).

С определенными оговорками к субъектам деструктивного типа можно отнести личности, общественные и государственные образования авторитарного склада, поскольку в своих действиях они стремятся доминировать над другими, подчинять их своим интересам. Эти субъекты могут выполнять в конечном итоге и социально позитивные задачи, но, движимые идеей превосходства, склонны нарушать и разрушать чужие ценности, препятствовать чужому волеизъявлению, что зачастую служит причиной раздоров и войн.

Конфликтное поведение обусловлено, в частности, недостатком самоконтроля. Люди, склонные к конфликтам, как правило, импульсивны, жестоки, грубы (причем больше в физическом плане, чем в словесном), склонны к риску и острым ощущениям, недальновидны. И хотя интенсивные психологические исследования в данной области ведутся уже много лет, ряд важных проблем, например выяснение причины устойчивой склонности к конфликтности, до сих пор не решены.

¹ См.: Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Указ. соч. С. 122-125.

Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что склонность к конфликтному, а иногда и к преступному поведению является имманентной характеристикой. Она варьируется у различных людей, но особенно устойчива у людей, уже совершивших преступления.

Существует довольно прочная связь между склонностью взрослого человека к совершению преступлений и такими факторами, как беспризорность в детстве, склонность к совершению преступлений у родителей, низкий коэффициент интеллекта.

Поскольку степень самоконтроля не поддается точному измерению, то различные теории взаимосвязи между преступным прошлым человека и его склонностью к совершению преступлений в будущем, разработанные в криминологии, являются, по своей сути, собранием прототипных объяснений.

В соответствии с такого рода объяснениями совершение преступления оказывает чисто поведенческое воздействие на человека. После совершения первого преступления человеку стоит большого труда удержаться от совершения следующих. Предшествующий преступный опыт может существенно ослабить приверженность человека к общепризнанным стандартам законопослушного поведения¹.

2. *Конструктивный тип.* В отличие от личности деструктивного типа, которая заботится прежде всего о собственных интересах и во имя их реализации готова идти на конфликт, личность конструктивного типа стремится избежать конфликта, найти решение, приемлемое для обеих сторон. Человек конструктивного склада подыскивает посредника и предпринимает действия, направленные на снятие напряженности. Субъекты конструктивного типа охотно вступают в переговоры, стремятся прояснить предмет разногласий и нащупать пути их урегулирования.

3. *Конформный тип.* Личности этого типа в конфликте склонны скорее уступить, подчиниться, чем продолжать борьбу.

В большинстве случаев конформная модель поведения объективно способствует и содействует чужим агрессивным проявлениям. Но иногда она играет позитивную роль, в частности, когда противоречия между субъектами не носят принципиального характера и возникли из-за пустяка. В этом случае компромиссная линия поведения - лучший способ остановить конфликт.

¹ См.: Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. № 11. С. 40.

Конформную модель поведения не следует путать с позицией, ориентирующейся на так называемое ненасильственное сопротивление агрессии или диктатуре. Знаменитая толстовская идея «непротивления злу насилием» или доктрина Ганди подразумевают, что кроме прямого сопротивления насилию существует и путь неподчинения, неповиновения. В ситуации диктатуры или колониального захвата это означает неучастие в действиях и мероприятиях властей, бойкот любых их распоряжений. Как известно, именно эта модель поведения, будучи принятой разными слоями населения, способствовала падению английского колониального режима в Индии. В любом случае такое ненасилие является особой формой конфликтного поведения.

Для специалиста, изучающего отклоняющееся поведение (девиацию), интересны социально-психологические типы, обнаруженные Р. Мертоном. В его системе (в интерпретации Д. Смелсера) конформизм предполагает согласие с целями общества и законными средствами их достижения. П е р в а я м о д е л ь - олицетворение конформизма: поведение молодых людей, которые получают хорошее образование, находят престижную работу и успешно продвигаются вверх по служебной лестнице; они ставят перед собой цель (скажем, финансовый успех) и достигают ее законными средствами. Следует учитывать, что конформизм у Мертона представляет собой единственный тип недевиантного поведения.

В т о р а я м о д е л ь поведения - инновационная, она предполагает согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицает социально одобряемые способы их достижения, «Инноватор» будет использовать новые, но зачастую незаконные средства обогащения - рэкет, шантаж или совершает «преступления белых воротничков» (вроде растраты чужих денег).

Т р е т ь я м о д е л ь поведения, названная ритуализмом, предполагает отрицание ценностей данной культуры и одновременно согласие использовать социально одобряемые средства. Бюрократ, фанатически преданный своему делу, настаивает, чтобы каждый бланк был тщательно заполнен, дважды проверен и подшит в четырех

экземплярах. В конце концов он сам становится жертвой жестокой бюрократической системы, утрачивает смысл и цель деятельности.

Ч е т в е р т а я м о д е л ь поведения, названная бегством от действительности (ретреатизм), наблюдается в случае, когда человек одновременно отвергает и цели, и социально одобряемые средства их достижения. Наиболее яркими представителями ретреатизма становятся маргиналы: бродяги, пропойцы, наркоманы и т.п.

Наконец, бунт, п я т а я м о д е л ь поведения - бегство от действительности, отрицание и культурных целей, и социально одобряемых средств их достижения. Но она приводит к замене старых целей и средств новыми: формируется новая идеология, возможно и революционная.

Концепция Мертона важна прежде всего потому, что она рассматривает конформизм и девиацию как две стороны одной медали. Мертон подчеркивает, что девиация не является продуктом абсолютно негативного отношения к общепринятым стандартам, как полагают многие. Вор не отвергает социально одобряемую цель достижения материального благополучия. Он может восторженно относиться к этой цели, как и молодой человек, успешно продвигающийся вверх по служебной лестнице. Бюрократ, олицетворяющий ритуализм, не отказывается от общепринятых правил работы, но исполняет их слишком буквально, чем доводит ее до абсурда. Однако в поведении и конформиста, и бюрократа наблюдаются отдельные элементы девиантного поведения¹.

В психологии накоплено достаточно фактов о воздействии экстремальных физических условий (радиация, длительное одиночество, низкие и высокие температуры, землетрясение и т.д.) на поведение людей. В меньшей степени изучено влияние экономических и социальных факторов, особенно в современной кризисной ситуации.

Отчуждение личности, ее фрустрация, были предметом исследования многих известных психологов (З. Фрейд) и социологов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон). Что касается российских исследователей, то интересным представляется мнение А.Л. Журавлева, Е.В. Журавлевой и В.А. Хащенко, которые обнаружили

¹ См.: Смелзер Д. Социология. М., 1994. С. 217-218.

некоторое сходство в воздействии на психику человека физических и социально неблагоприятных факторов.

Авторы считают, что закономерными *следствиями экстремальных условий* являются следующие:

- * возрастание межличностной напряженности и конфликтности; неоптимальные формы поведения в целом и неконструктивные приемы разрешения возникающих конфликтов в частности;

- * неадекватные восприятия и оценки других людей (партнеров по деятельности и общению);

- * неадекватное представление о себе и своих возможностях;

- * низкая толерантность по отношению к окружающим людям и др. (Хашченко).

Как правило, в конфликте индивид избирает одну из моделей поведения.

В первом случае - это поведение в рамках «объединяющей» тенденции, предполагающее выбор из двух альтернативных способов поведения: сотрудничество - избегание. В основе данной стратегии поведения лежит «прямолинейно агрессивный» тип отношения к людям, характеризующийся спонтанностью, упорством в достижении цели, обостренным чувством справедливости, сочетающимся с убежденностью в собственной правоте, неприятием критики. При низких значениях данной характеристики личность старается избегать разрешения межличностного конфликта в ущерб своим интересам, а при высоких - стремится к полному удовлетворению интереса всех участников конфликта. Данный тип описывается формулой «либо все, либо ничего», что вообще характерно для личности «максималиста».

Во втором случае - это поведение в рамках «разъединяющей» тенденции в межличностном взаимодействии, которая основывается на особенностях фрустрационной реакции личности: склонности брать на себя ответственность за создавшуюся ситуацию (благодаря наличию комплекса вины). Личности с повышенным чувством ответственности склонны приспособливаться к интересам других людей в ущерб своим, при низких, наоборот, склонны к конфликту интересов («победа любой ценой»).

Выделяются и другие модели поведения личности в конфликте.

Одна из них направлена на конформистские (сотрудничество - приспособление) формы межличностного взаимодействия в ситуации конфликта, свойственные социально адаптированной личности,

которая обладает адекватными способами эмоционального реагирования, проявляет внимание к интересам других лиц, чувствительность к их бедам.

Другие избирают способы поведения, характеризующиеся самодостаточностью (соперничество - избегание) и связанные с независимо доминирующим типовым отношением личности к окружающим. Выбор данной стратегии, как правило, определяется повышенной социальной дистантностью личности, ее эгоцентричностью, наличием чувства соперничества, низкой эмоциональностью, безразличием к мнениям и интересам окружающих. Отметим и тот факт, что данной стратегии поведения, как правило, придерживаются низкостатусные члены группы.

Следовательно, общим психологическим основанием для формирования стратегий поведения личности в конфликте является фактор зависимости - независимости человека от социального окружения. В экстремальных условиях значение этого фактора в регуляции поведения существенно возрастает.

Исследователи сделали следующий вывод: влияние экстремальных условий жизнедеятельности группы на поведение личности в ситуации конфликта выражается в изменении основного способа его разрешения, в образовании новых по сравнению с обычными условиями психологических оснований, определяющих выбор той или иной стратегии поведения¹.

Напомним, что каждый человек взаимодействует с несколькими группами, ожидая от них определенной реакции. Эти реакции могут быть противоречивы, т.е. несовместимы и именно поэтому человек, как правило, остро переживает создавшуюся ситуацию.

Любой работник, например, сталкивается с противоречивыми требованиями со стороны семьи и со стороны администрации. Задерживаясь по необходимости на работе, он часто становится участником конфликта дома. В свою очередь администратор под давлением начальства иногда вынужден применять непопулярные

¹ См.: Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М., 1996. С. 46-47.

меры по отношению к подчиненным, среди которых могут оказаться и друзья (увольнение, выговор, принудительная командировка и т.д.).

При заключении межнационального брака также могут возникнуть определенные проблемы: против него могут выступить родители одного из супругов, жители дома, села и т.д. Супруги в этом случае вынуждены защищаться, оправдывая свой выбор и в то же время чувствуя вину перед своей национальной группой.

М а р г и н а л ы

Для исследования таких внутренних конфликтов социологи и психологи используют понятия «маргинальный человек» и «маргинальность». Они были введены в научный оборот американцем Р. Парком при исследовании межэтнических конфликтов. *Маргинальными считаются люди, которые находятся на границе между двумя или более социальными мирами, но не принимаются ни одним из них в качестве полноправного участника.* К признакам маргинального человека Парк относил следующие: серьезные сомнения в своей личной ценности, неопределенность связей с друзьями и постоянная боязнь быть отвергнутым, стремление избегать неопределенных ситуаций, риска унижения, болезненная застенчивость в присутствии других людей, одиночество и чрезмерная мечтательность, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любого рискованного предприятия, неспособность наслаждаться и уверенность в том, что окружающие несправедливо с ним обращаются¹.

Термин «*маргинальность*» (от лат. *marginalis* - находящийся на краю) означает *состояние групп людей или личностей, поставленных общественным развитием на грань двух культур, участвующих во взаимодействии этих культур, но не примыкающих полностью ни к одной из них.*

Замечено, что маргинальность возникает прежде всего при миграциях людей и мигранты - самые характерные маргиналы. Маргинальными считаются также люди, вступившие в межэтнические или межрасовые браки. Маргинальный тип личности нередко возникал

¹ См.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 475.

в бывших колониях - под воздействием европейских колонизаторов. Во всех случаях маргинальная культура обусловлена социальной стратификацией и социально-демографическими процессами.

Маргинальность сопряжена с дуальностью этнического самосознания. В личном плане она вызывает психическое напряжение и может привести к двойственности, даже разорванности личностного самосознания. В то же время маргинальный психический тип во многих случаях отличается творческими потенциями, люди этого типа часто становились лидерами национальных движений, видными деятелями культуры и т.д.

Разумеется, характеристика Парка применима только к ограниченному числу людей. Большинству детей иммигрантов обычно не свойственна маргинальность. Одни из них формируют свое сообщество и живут ради его ценностей. Другие разрешают свои конфликты, становясь специалистами в тех областях, где им удобно использовать свое необычное положение. По-видимому, неврозы и стрессы развиваются лишь у тех, кто пытается идентифицировать себя с высшими слоями и бунтует, когда их отвергают.

Не существует, следовательно, прямой зависимости между маргинальным статусом и личностными расстройствами. Но изучение немногих плохо приспособленных людей позволяет оценить глубину и остроту внутренних конфликтов, которые переживают люди, занимающие маргинальные позиции.

Разные люди по-разному справляются с такими ситуациями. Некоторые пытаются забыть свое беспокойство и перейти к другим делам. Но у тех, кто уже стал чужим самому себе, в результате таких кризисов могут формироваться невротические симптомы.

В тяжелых случаях критические по отношению к себе действия могут стать разрушительными. В периоды кризиса человек становится избирательно чувствителен к своим отрицательным качествам; аккумулируя такие сигналы, он может создать себе такую персонификацию, которая действительно его уничтожит. В своем исследовании («Самоубийство: социологический этюд») Э. Дюркгейм указал на «аномию» - отсутствие согласия относительно норм - как на одно из обстоятельств, при котором частота самоубийств возрастает.

В любом обществе есть немало людей, которые в той или иной мере проявляют невротические реакции. Невроз - это, по-видимому, продукт ряда нарушений в межличностных отношениях, а они могут происходить даже в очень стабильной обстановке. Но в изменяющемся

обществе люди, занимающие маргинальное положение, периодически оказываются в ситуациях, где вероятность конфликтов максимальна. Соответственно, увеличивается возможность отчуждения от самого себя.

Выше отмечалась высокая нервозность, свойственная многим маргиналам. Но Парк, а вслед за ним и Э. Стоунквист (книга «Маргинальный человек», 1937 г.) утверждали, что маргинальные люди обычно бывают более творческими, чем другие. Те, кто счастливо живет в единственной культуре, с меньшей вероятностью могут стать новаторами, слишком многое они воспринимают как само собой разумеющееся. Те же, кто участвует в двух или более социальных мирах, менее привязаны к частному способу определения ситуации и привыкли учитывать различные возможные решения. Свобода и индивидуальность человека, участвующего в жизни различных групп, тем больше, чем больше образов мира он может принять во внимание, чем меньше поработан он каким-то единственным образом жизни. В любой стране наибольшие достижения осуществляются обычно во время быстрых социальных изменений, и многие великие люди были маргиналами¹.

Итак, мы рассмотрели психологические и социально-психологические особенности участников конфликта. Из этого, однако, не следует, что конфликт - явление чисто психологическое. .

Мы лишь отметили существенные, с нашей точки зрения, психологические особенности субъектов как участников конфликта и прежде всего их социальные установки, внутренние нормативные регуляторы и модели поведения в конфликте. Уже по некоторым из этих характеристик можно составить достаточно четкое представление о том, как будут строиться взаимоотношения между субъектами. Однако для прогнозирования хода конфликта этого недостаточно. Любой конфликт имеет свою внутреннюю логику, особые пути развития.

§ 4. Развитие конфликта

Конфликту как таковому предшествует (точнее, может предшествовать) *латентная (скрытая) стадия*.

¹ См.: Шибутани Т. Указ. соч. С. 475-779.

На данной стадии возникает конфликтная ситуация, о которой уже подробно сказано выше.

В этой ситуации хотя бы одним из субъектов осознаются свои интересы. Эти интересы могут быть поняты ложно, но без их осознания дальнейшая борьба не имеет основания.

О с о з н а н и е

Объективные и субъективные обстоятельства осознаются препятствующими удовлетворению своих интересов (в когнитивном конфликте - выявление иных взглядов). Здесь нужно обратить внимание на то, что эти препятствия могут быть по меньшей мере тройного рода.

В о – п е р в ы х, они могут следовать из объективного положения дел, безотносительно к позиции лиц, которых мы могли бы рассматривать как потенциальных участников будущего конфликта. Например, химический завод регулярно нарушает требования к охране природной среды, загрязняя атмосферу и воду. Причина - отсутствие водоохраных сооружений, система которых для данного вида химического производства еще технически не разработана, промышленность ее не выпускает. У коллектива завода появляется желание как-то изменить ситуацию. Но конфликтовать ему не с кем, разве только с изобретателями, которых они обычно не знают. Здесь конфликтная ситуация, которая конфликта за собой непосредственно не влечет.

В о – в т о р ы х, возможный конфликт могут ограничивать личностные качества работников. Предположим, что коллектив завода мог бы создать очистные сооружения своими силами, но у него нет подобного желания.

В – т р е т ь и х, внешнее препятствие имеется, и оно персонифицировано, например в чиновнике министерства, не дающем согласия на дополнительные расходы для создания очистного сооружения. В данном случае выявленное и осознанное препятствие является важным условием дальнейшего развития конфликта. Важным, но не необходимым, потому что имеющееся препятствие иногда кажется несколько расплывчатым, неясным, туманным. Кто из чиновников конкретно виновен в задержке с дотацией? И надо ли конфликтовать именно с ним или с его начальником? Четкое

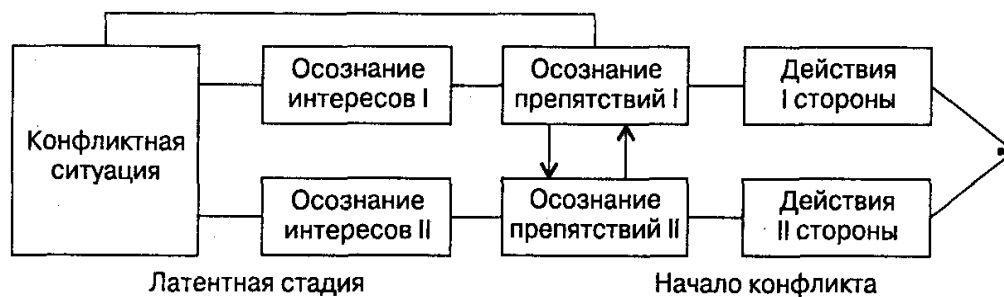
представление о противнике может подчас сложиться лишь в ходе конфликта, после «пробных» действий обеих сторон.

Следующий этап - осознание своих интересов и соответствующих препятствий, чинимых другой стороной. Разумеется, это может предшествовать или совпадать во времени с действиями первой стороны или данной стадии может и не быть вообще, хотя бы по той причине, что интересы сторон могут совпасть и препятствий в этом случае не будет. Так произойдет, если чиновник министерства согласится с руководством завода и поможет создать очистную систему. Но в противном случае стороны определятся с достаточной четкостью, хотя сам конфликт еще не начался.

Далее происходят конкретные действия одной из сторон в защиту своих интересов (например, официальное обращение дирекции завода в министерство).

Ответные действия другой стороны означают начало конфликта, поскольку не только четко определились позиции обеих сторон, но и начались практические действия друг против друга.

Названные этапы латентного развития конфликта не обязательно чередуются в указанной последовательности. Некоторые могут выпадать, другие - повторяться, последовательность их может быть иной. Ниже приведена логическая схема, которая изображает «идеальный» случай развития конфликта вовне.

Очевидно, при этом конфликт перерастает в открытую стадию, которая характеризуется следующими особенностями.

В о – п е р в ы х, наличие конфликта становится очевидным для каждого из участников. При этом могут вступать в действие те рефлексивные игры, о которых говорилось выше: каждая из сторон будет стремиться «обыграть» другую.

В о – в т о р ы х, действия становятся практическими, они приобретают внешнюю форму, включая использование средств массовой информации, действия по захвату спорного объекта, насилие, угрозы и т.д.

В – т р е т ь и х, о конфликте, вышедшем из латентной стадии, будут осведомлены третьи лица, посторонние, которые в той или иной степени в состоянии на него повлиять. Следует только заметить, что это влияние отнюдь не однозначно. Не нужно думать, что общественность, как правило, «гасит» конфликт; совсем напротив, она может ему содействовать, подогревая агрессивные настроения одной или обеих сторон, как это происходит, например, в межнациональных и семейных конфликтах.

В некоторых конфликтах заметна тенденция к переходу на новый уровень, например от личных отношений к конфликту между группами, организациями, и, наоборот, крупный социальный конфликт в сфере властных отношений «опускается» также и на «микроуровень», меняя образ жизни и поведение отдельных людей.

В и д ы

Объективно основные, внешние действия конфликтующих сторон можно разделить на два вида: наступательные и оборонительные.

Наступательными действиями являются нападение, повреждение собственности, изоляция, изгнание, пленение противника, захват спорного объекта и иные акты, направленные на ущемление интересов противоположной стороны. *Оборонительные действия* заключаются в удержании спорного объекта, самозащите, защите от уничтожения или повреждения материальных ценностей, различных превентивных поступках и т.п. Если оборонительные действия направлены на сохранение имеющегося на данный момент соотношения позиций, охрану тех своих интересов, которые реализовались до сих пор беспрепятственно, то наступательные - на изменение соотношения' позиций и на утверждение нереализованных интересов. Различие это, однако, в достаточной степени условно, поскольку в реальной борьбе наступление зачастую, если не всегда,

подразумевает сохранение и защиту уже достигнутых позиций. Недаром говорят, что «наступление - лучший вид обороны».

Исходя из логики наших рассуждений, следует сказать, что есть еще и третий возможный тип действий - отступление, сдача позиций, отказ (полный или частичный) от достижения своих интересов. Но отступление носит временный вынужденный характер, используется как уловка с тем, чтобы собрать силы для последующих наступательных или оборонительных действий. Но, разумеется, отступление не является непременным атрибутом конфликта.

Рассматривая наступательные и оборонительные действия в конфликте с точки зрения их конкретной направленности, можно выделить несколько основных разновидностей, характеризующих в определенной мере и различные типы противоборства.

1. *Действия, направленные на захват и/или удержание спорного объекта.* Поссорившись, один ребенок пытается выхватить игрушку у другого, тот крепко держит ее и не отдает; в конфликте из-за спорной территории одно из государств-соперников вводит на эту территорию свои войска, блокирует ее связь с другим государством, создает свою администрацию; влюбленный увозит чужую невесту со свадьбы, жених бросается в погоню; разведчик пытается выведать тайну у агента другой державы. Все это попытки захвата и удержания объекта, которые в разных жизненных ситуациях осуществляются по-разному, что зависит и от самого объекта, и от характеристик участников. В конфликте между группами и крупными социальными общностями для захвата и удержания объекта используются политические, военные, экономические и иные средства.

2. *Создание помех и причинение косвенного вреда.* Эти действия являются неотъемлемыми атрибутами «безобъектного» конфликта. Они блокируют чужую деятельность или наносят ущерб предметам чужой заинтересованности, хотя объект обоюдных стремлений может отсутствовать. Ребенок смотрит телевизор несмотря на настойчивые просьбы отца заняться делом, а рассерженный отец выключает телевизор. Заслон из полицейских преграждает путь демонстрации, опасаясь беспорядков. Государства организуют экономическую блокаду нарушителю международных норм. Человек бросает камень в чужую кошку, которая своими громкими криками мешает ему спать. К этому типу действий мы относим все случаи нарушения нравственных норм.

3. *Оскорбление словом и действием.* В межличностном общении - это бранные слова и выражения, оскорбительные жесты, негативные личностные оценки, в других случаях - определенные дискриминационные меры в отношении граждан другой страны, пропагандистские выпады в адрес того или иного режима или религиозного уклада. Эти действия характерны прежде всего для конфликтов, базирующихся на более глубоких противоречиях, связанных, например, с массовыми нарушениями прав личностей, групп, крупных социальных общностей.

4. *Подчинение и захват субъекта.* Эти действия используются в основном для существенного ограничения свободы других субъектов: колониального захвата, ограничения суверенитета нации или территориального образования и др.

5. *Нанесение прямого физического ущерба (насилие).* Эти действия всегда связаны с причинением боли и телесных повреждений людям;

ликвидацией групп и разрушением групповых структур; разрушением и разорением городов, территорий, государств.

Упомянутые действия характерны для наиболее глубоких противоречий, характеризующихся стремлением к существенному ограничению чьих-то прав. Понятно, что деление на существенное и несущественное всегда относительно, поэтому не является абсолютной и проведенная нами дифференциация. Любая классификация всегда относительна. Разумеется, в реальном противоборстве эти действия не только плавно меняют формы и свое значение, но находятся во взаимном подчинении и опосредовании. Например, для захвата спорного объекта субъект бывает вынужден «пленить» другую сторону или создать помехи ее деятельности, тем или иным способом отдалить ее от объекта; или, например, для того чтобы захватить и подчинить себе противника, часто необходимо применить насилие.

Перечисленные типы действий, тактика ведения конфликта включают множество более тонких и разнообразных приемов.

Определенную тактическую роль играет «временной» фактор и расстановка сил. Внезапное наступление застаёт противника врасплох и лишает инициативы, давая субъекту выигрыш во времени и способствуя перевесу сил в его пользу. Позитивные результаты, как известно, могут принести непрерывные атаки на одну и ту же цель:

измотанный противник предпочитает уступить. Само чередование конфликтных и неконфликтных (даже дружелюбных)

действий (метод «кнута и пряника») дезориентирует противника или делает его послушным. В качестве тактических средств применяются другие разнообразные хитрости, уловки и «ловушки».

«Живая ткань» конфликта включает в себя состояние и намерения сторон. Личность, вовлеченная в борьбу, может проявлять признаки злобы, ярости, спешки, эмоционального подъема. Государство, участвующее в вооруженном конфликте, может объявить срочную мобилизацию и начать массированную внутреннюю пропаганду. Каждая из названных реакций и шагов может стать причиной ответной реакции другой стороны.

В этой связи важно подчеркнуть, что сами различные тактические и иные промежуточные действия и реакции в противоборстве могут выступать и как самостоятельные факторы поведения и по своим последствиям выходить за рамки своего функционального назначения.

Угрозы

В конфликтах часто используется такое средство воздействия на противника, как угрозы. Американский конфликтолог М. Дейч характеризует угрозы как выражение намерения сделать что-то, что повредит интересам другой стороны. Более полной нам представляется точка зрения, согласно которой *угрозы не просто выражают подобное намерение, но преследуют цель принудить соперника действовать сообразно предъявленным требованиям.* Угрожая возможными неблагоприятными последствиями для другого, если этот другой не выполнит определенные условия, следуют формуле: если ты сделаешь (не сделаешь) *A*, то я сделаю *B*. Иными словами, угроза не есть прямое вступление в борьбу, а в определенном смысле своеобразный призыв к рассудку и чувствам противника, она же - свидетельство жесткости и бескомпромиссности. Угроза - это и шантаж, и запугивание, и предостережение. В международной практике, в частности в военных столкновениях, распространен *метод ультиматумов, содержащих требование к другой стороне, в случае невыполнения которого противника ожидают жесткие санкции, вплоть до полного уничтожения.*

Высказываемое в угрозе условие, как правило, касается предмета конфликта или его части. Например, если люди ссорятся из-за денег,

высказываемые ими угрозы могут строиться по формуле «Если не вернешь деньги, то...» Однако во время схватки, когда одна сторона нападает, а другая обороняется, угроза концентрируется на более частных моментах самой борьбы, выполняя тактическую и защитную роль: «Если не уберешь руку..», «Если ты ко мне приблизишься...» и т.д.

К угрозам прибегают как в борьбе, так и в процессе переговоров; нередко они выделяются в самостоятельный фактор конфликта. Переговоры особенно характерны для конфликтов между крупными социальными субъектами (организациями, сообществами, партиями, государствами и т.п.) и часто применяются в военных действиях. Угроза, ультиматум высказываются, например, при помощи парламентаров (делегатов, делегаций), которые уполномочены только передать сообщения или, передав его, получить ответ. Происходит это и за столом переговоров. В этих случаях условие может быть достаточно детализировано, включать перечень различных требований (как в случаях забастовок); учитывать фактор времени («если к такому-то времени не будет сделано то-то и то-то, то...») и т.п. В простых житейских ситуациях, в межличностных столкновениях условие зачастую не высказывается, а лишь подразумевается. Так, в ответ на чье-либо требование прекратить хулиганские действия угроза: «Я сейчас тебе прекращу!» - подразумевает возможность нападения на сделавшего замечание, если он не перестанет вмешиваться.

В угрозу обычно включается сообщение о возможном нанесении противнику ущерба. Человек грозит другому теми или иными неприятностями, отказом в сотрудничестве или физическим насилием. Достаточно широк набор возможных санкций и в арсенале крупных социальных субъектов. В отношениях между ними часто используются угрозы применения силы или разрыва прежних связей и отношений. Важно подчеркнуть, что предполагаемая угрозой санкция всегда затрагивает более существенные интересы противника, чем те, которыми вызван конфликт. В этом сам смысл угроз: они рассчитаны на то, что противник в создавшейся ситуации из двух зол выберет меньшее. Но поскольку угроза открыто обнаруживает враждебность, выходящую за рамки до сих пор существовавших отношений, она, по сути дела, является одним из мощных конфликтогенных факторов.

В определенном смысле угроза - тактическое средство. Тактика угроз вообще характерна для деструктивной модели поведения и

соответствующего типа личности. Угроза - привычный метод действий террористов.

Если одна или обе стороны конфликта, несмотря на угрозы или другие виды воздействия, не пошли на уступки или кто-то из них не попытался уклониться от столкновения, начинается противоборство.

Д л и т е л ь н о с т ь

Конечно, конфликт может завершиться очень быстро, едва начавшись, если, скажем, одна из сторон обладает значительным перевесом сил. Но известно множество случаев, когда конфликт приобретает затяжной характер. Кроме того, быстрое окончание конкретного столкновения не означает ликвидации конфликтной ситуации, и конфликт вскоре может разгореться с новой силой.

Как известно, особенно затяжной характер имеют конфликты на межнациональной и политической основе. Корни многих нынешних конфликтов уходят в такое далекое прошлое и в такие глубины массовой психологии, что их истинные первопричины практически никому не известны. К таким примерам относятся и случаи кровной мести, распространенные в некоторых странах. Для затяжных конфликтов вообще характерно чередование острых и относительно спокойных фаз, активного противостояния и периода своеобразной «ремиссии».

Затяжными являются и многие разновидности межличностных конфликтов, например семейные. Семейные ссоры часто повторяют одна другую, как бы осуществляются по одному сценарию. Угасая на время, они не ликвидируют истинной и частной скрытой причины разногласий.

В самой острой стадии конфликта стороны прибегают к наступательным и оборонительным действиям и различным другим средствам и методам, в зависимости от конкретных условий. Если стороны придерживаются определенной общей стратегии, тогда используемые ими средства подчинены сознательному контролю.

Противоборство, прерываемое на время переговоров, возобновляется, если переговоры зашли в тупик или достигнутое соглашение было нарушено одной из сторон. Из международной практики известны многочисленные случаи срыва переговоров или нарушения соглашения о прекращении огня. Иногда переговоры используются кем-то из противников в тактических целях как временная передышка.

Конфликт может развиваться в позитивном направлении и завершиться полным или хотя бы временным разрешением существующего противоречия. Но часто в нем преобладают тенденции иного свойства: борьба усиливается и обостряется, происходит нарастание (эскалация) конфликта.

Конфликт, как отмечает А.Г. Здравомыслов, развивается «по методу раскручивания спирали»: действия одной стороны, сопровождаются контрдействием другой, и это последнее контрдействие отнюдь не адекватно по масштабу своих последствий исходной точке конфликта¹. Трансформация отношения к действиям противоборствующей в конфликте стороны достаточно адекватно определяется понятием симметричного схизмогенеза, введенным американским антропологом Г.Бейтеоном. *Схизмогенез - это процесс изменения норм индивидуального поведения в результате «накопленного» взаимодействия между субъектами.* Так называемый дополнительный схизмогенез имеет место в тех случаях, когда субъекты используют разные взаимодополняющие модели поведения - например, настойчивость одного и уступчивость другого. В процессе общения все большая настойчивость может вести ко все большей уступчивости и наоборот - и так до распада системы отношений. Симметричный схизмогенез развивается в случаях, когда субъекты, взаимодействуя между собой, используют одинаковые поведенческие модели. На определенное поведение одного субъекта, например

¹ Более подробно см.: *Здравомыслов А.Г. Социология конфликта.* М., 1995.

хвастовство, другой отвечает аналогичным, т.е. тоже хвастовством, но более интенсивным и т.д. Результатом здесь также может быть разрушение существующих отношений.

Эскалация

Эскалация конфликта происходит, когда его участники следуют деструктивным моделям поведения. Иными словами, она характеризуется усилением разрушительного воздействия сторон друг на друга (помехи, давление, применение силы и пр.).

Вернемся к конфликту в Приднестровье. После проведения в приднестровских селах референдума, в ходе которого большинство поддержало автономию, преследования русскоязычного населения усилились. Летом 1990 г. в Кишиневе некоторые русскоязычные депутаты Верховного Совета Молдовы подверглись оскорблениям и избиениям. Тогда большинство депутатов-приднестровцев покинули Кишинев. 2 сентября 1990 г. была провозглашена Приднестровская Молдавская ССР в составе СССР, позднее преобразованной в Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР).

Верховный Совет Молдовы признал создание этой республики незаконным. В ответ в Тирасполе формируются отряды самообороны. В ноябре жители Дубоссар заняли на несколько часов помещения райсовета, суда и прокуратуры. Тогда последовала попытка ввести в город полицейские части Молдовы. Столкнувшись с сопротивлением жителей, полиция применила огнестрельное оружие, в результате чего были убиты трое и получили ранения 13 человек.

В ноябре 1990 г. в большинстве населенных пунктов Приднестровья состоялись выборы в Верховный Совет ПМР, а затем - выборы президента и референдум о независимости ПМР («за» - 97,7% участников). В Приднестровье стали создаваться вооруженные формирования, а в 1991 г. было принято решение о создании республиканской гвардии. В течение 1991 г. - первой половины 1992 г. большая часть приднестровских районных и городских прокуратур и отделов полиции была передана под юрисдикцию ПМР. С марта 1992 г. конфликт начал перерастать в войну. Каждая из сторон, участвовавших в перестрелке, обвиняла другую в нападении, с обеих сторон имелись убитые и раненые, случаи насилия и убийства мирных жителей. Обе стороны применяли автоматическое оружие, боевую технику, артиллерию, ракеты и др.

В марте 1992 г. руководство Молдовы предложило приднестровским руководителям в течение 48 часов прекратить боевые действия и сложить оружие. Тогда указом Президента ПМР в Приднестровье было введено особое положение. Огонь был прекращен, но затем неоднократно возобновлялся.

В свою очередь, Президент Молдовы ввел чрезвычайное положение на той же территории. В Бендеры вошли войска, локальные бои в городе и в соседних селах продолжались несколько дней.

Мы отразили здесь лишь небольшую часть событий в Приднестровье, свидетельствующих об эскалации конфликта на этой территории.

Приведенный пример свидетельствует, как действия одной стороны приводят к ответным действиям другой, но уже многократно усиленным и в свою очередь вызывающими новые агрессивные контрдействия. Эскалация конфликта обычно настолько запутывает ситуацию, что найти «правых» или «виноватых» в конфликте уже становится невозможным.

Из признания «симметричности» развития взаимодействия не следует, что стороны находятся в процессе борьбы в равном положении, преследуют сходные цели. Одна сторона может стремиться к изменению сложившегося соотношения и придерживаться главным образом наступательной стратегии; другая - пытаться сохранять прежнее положение и придерживаться целиком стратегии оборонительной. Вместе с тем очевидно, что интенсивные наступательные действия будут вызывать интенсивную защиту и наоборот. Так происходит не только в политических (в том числе военных), но и в межличностных конфликтах.

До сих пор мы рассуждали о внешне наблюдаемых признаках эскалации. Но намного важнее определить ее причины. Основная причина видимой интенсификации конфликта - смена предмета конфликта и, соответственно, формы взаимодействия.

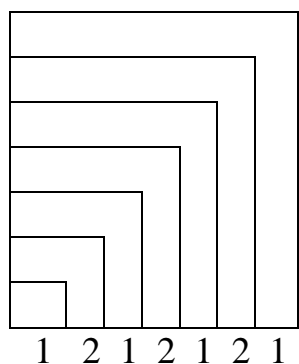
Вспомним стихи Высоцкого:

...Он мою защиту разрушает –
Старую индийскую - в момент.
Это смутно мне напоминает
Индо-пакистанский инцидент.

Только зря он шутит с нашим братом –
У меня есть мера, даже две:
Если он меня прикончит матом,
Я его - через бедро захватом
Или - ход конем - по голове!

Одна из типичных и распространенных причин усиления и углубления конфликта - изменение тактики поведения, т.е., например, переход в споре, обсуждении, дискуссии от аргументов к претензиям,

личным выпадам, даже физическому воздействию. Научный спор или политическая дискуссия, казалось бы, не имеют ничего общего с подобными методами. И действительно, эти и многие другие формы человеческого взаимодействия представляют собой лишь когнитивный конфликт, конфликт знаний, точек зрения, в котором - по самой сути этого конфликта - победить могут только логика и убедительная аргументация. И тем не менее многие люди, отказываясь от логики, действуют при помощи давления, оскорбления, с позиции силы. Все это происходит из-за того, что первоначальный предмет разногласий в значительной мере утрачивается, появляется новый, причем взаимоотношения сторон, складывающиеся в ходе конфликта, становятся самостоятельным его элементом.

Разрастание конфликта
1,2 – действия сторон

Почему чаще всего происходит именно так? Один из вариантов объяснения вытекает из анализа процесса теоретической дискуссии. Поскольку в ситуации делового обсуждения в излагаемых субъектом точках зрения объективизируются и его личностные (в том числе интеллектуальные) свойства, то другие, оценивая его взгляды и позиции, косвенным образом оценивают и эти свойства. Человек же обычно придает значительную личностную окраску плодам своего интеллекта. В итоге, критика результатов его интеллектуальной деятельности может быть воспринята как негативная оценка его способностей, его самого как личности, наконец, воспринимается как угроза самооценке личности, а попытки защитить самооценку ведут к смещению предмета конфликта уже в «личностный» план.

Характерным полуанекдотическим ответом на критику является знаменитая формула «сам дурак». Известно, что в самом факте критики может усматриваться посягательство на собственные интересы, стремление унижить, оскорбить. В тоталитарных и

теократических режимах серьезная критика всегда рассматривается как угроза безопасности государства и жестоко преследуется - отнюдь не при помощи логической аргументации. В парламентских дебатах, в межгосударственных отношениях изложение иной точки зрения нередко трактуется как попытка учредить свой диктат, стать хозяином положения.

Другое дело, что подобное отношение к критике может быть небезосновательным. Оно достаточно адекватно в тех случаях, когда стороны действительно руководствуются стремлениями не установить истину, а реализовать свои интересы. В таких ситуациях критика зачастую слабо аргументирована или заметно конъюнктурна. В таком случае когнитивный конфликт становится просто «ширмой», скрывающей истинную цель-власть, дефицитные ресурсы, приоритеты. Во многом именно поэтому религиозные споры зачастую оканчивались затяжными войнами, а дискуссии об устройстве советского общества в 20-30-е гг. - жесточайшими репрессиями. В настоящее время за взаимной критикой со стороны представительной и законодательной властей зачастую скрывается обычная борьба за власть, вызывающая сильные социальные потрясения.

Мы говорили о том, что характер действий в конфликте определенным образом связан с типом и уровнем противоречивых интересов. С этой характеристикой связана и интенсивность конфликтных действий, поскольку каждое последующее интенсивное деструктивное действие задевает все более важные интересы другой стороны. Поэтому эскалация конфликта интересов может быть охарактеризована как процесс роста иерархического ранга нарушаемых и защищаемых интересов, т.е. как процесс углубления противоречий.

Еще раз отметим, что в конфликте интересов может произойти смена самого предмета. Один из типичных примеров такого изменения называется его «утерей», когда первоначальный предмет конфликта в хаосе противоборства утрачивает основную роль. Ссора из-за границ садовых участков между соседями может перерасти во взаимную ненависть и причинение друг другу самых разнообразных личных неприятностей. Многочисленные конфликты в Закавказье и на Северном Кавказе, возникшие первоначально из-за территориальных претензий, привели к сильнейшей взаимной ненависти. Объект в некоторых конфликтах может в какой-то момент просто перестать

существовать, но остающиеся «незаживающие раны», последствия конфликта служат основанием для его новых яростных вспышек.

В описанных исходных случаях происходит генерализация конфликта; переход к более глубоким противоречиям способствует возникновению множества разных точек столкновения. Конфликт распространяется на более обширные территории, меняя свое ядро.

В ходе эскалации конфликта может происходить и своеобразное «укрупнение» противоборствующих субъектов за счет привлечения все большего числа участников. Трансформация межличностного конфликта в межгрупповой, численное увеличение и изменение структур соперничающих групп сказывается на характере конфликта, обуславливает применение иных средств, как правило, более эффективных силовых методов.

Крайнее средство борьбы - насилие - важнейший фактор и результат эскалации.

Конфликты больших социальных групп

Глава 7

§ 1. Роль больших социальных групп

Конфликт, определенный нами ранее как столкновение по поводу тех или иных микро- или макросоциальных проблем, обычно связан и с малыми, и с большими группами людей, с их потребностями и интересами. Разумеется, каждый индивид может участвовать в любом конфликте, т.е. быть его субъектом; в конечном итоге, именно действия множества людей составляют содержание исторических процессов. Однако, чтобы ответить на вопрос о причинах и характере тех или иных действий на индивидуальном или групповом уровнях, необходимы, с нашей точки зрения, поиск и объяснение общественного контекста этой деятельности на макроуровне. Здесь представляется несомненным наличие определенной связи между причинами конфликтного поведения индивидов и интересами социальных субъектов конфликта, в том числе социальных групп.

Общеизвестно, что внутригрупповые, так же как и межгрупповые, конфликты распространены достаточно широко; они пронизывают всю нашу жизнь, являясь важным элементом социального взаимодействия. Соперничающими оказываются весьма разнообразные субъекты: не только отдельные индивиды, малые трудовые коллективы, семьи, соседи, но и крупные сообщества (социальные слои, классы, государственные и религиозные организации, партии, массовые движения и т.д.). Именно эти социальные общности и придают, в конечном счете, конфликту ярко выраженный социальный характер. Любой конфликт (от межличностного до международного) социален в широком смысле. Тем более очевидна социальная природа конфликта социальных общностей как элементов общественной структуры на том или ином этапе исторического процесса. В социально-структурных общностях связь между людьми обусловлена совпадением или близостью их интересов, относительными сходствами бытия и представлений. Эти общности складываются не только на базе объективных условий жизни индивидов и осознания ими своих интересов, но и в результате

определенной деятельности по выработке и достижению каждым своих целей.

На психологическом уровне оппозиция двух или нескольких социальных групп происходит по принципу «мы и остальные». Эта оппозиция декларирует, подчас без всяких на то оснований, предпочтение одних людей перед другими, например: «Мы и другие родственники» - в семье, «мы и соседи» - в доме, «мы - ученики 10-го класса - и другие» - в школе, «мы и стройбатовцы» - в армии и т.п.

Более сложными представляются конфликты в условиях взаимодействия функциональных и целевых групп, образованных по профессиональному или общественно-политическому принципу (партии, общественные организации, массовые движения). Этим группам присуща специфическая структура, обособленность по отношению к другим группам, достаточно высокий организационный уровень, выраженная идентификация их членов. В них индивиды, объединяясь по политическому, идеологическому или профессиональному признаку, стремятся реализовать свои не только сходные, но и достаточно разнородные потребности, что приводит к необходимости выделения руководителей, имеющих возможность придать определенную направленность действиям членов группы. Появляются лидеры, «идеологи», «активисты». В социальных конфликтах они играют роль непосредственных субъектов деятельности, в отличие от массовидных, групповых субъектов (политическая партия в целом и т.п.).

Последние выражают наиболее высокий уровень социальности. Сюда же можно отнести такие большие общности, как население стран и регионов, этнос, народ. При взаимодействии этих общностей зона возможных конфликтов расширяется, охватывая все сферы общественных отношений (экономические, политические, идеологические, межнациональные и др.). При этом войны - крайние проявления конфликтов - затрагивают все стороны бытия, при определенных условиях ставя под угрозу само существование человечества. Международные конфликты резко ухудшают экономическое положение населения, нарушают территориальную целостность, политическое устройство стран-участниц.

Конфликтные взаимоотношения крупных социальных общностей неизбежно обрастают множеством более мелких противоречий и конфликтов, вплоть до межличностных. Можно поэтому с полным основанием утверждать, что характеристика

социальной общности (группы) играет фундаментальную роль для понимания конфликта. Разумеется, при этом не следует упускать из виду, что действия любых социальных групп проявляются, в конечном счете, через действия конкретных индивидов. Каждое из них производится по воле индивида, но опосредуется организацией, а нередко и осуществляется от ее имени. При исследовании конкретных конфликтов нетрудно заметить, что позиции больших социальных групп и их организаций так или иначе сказываются и на возникновении персональных конфликтов и их динамике.

§ 2. Научные концепции

Значительные перемены во всех сферах жизни восточноевропейских стран и российского общества, интенсивно происходящие в последние годы, сделали проблему социального конфликта особенно актуальной в политических и научных кругах. Одновременно с этим обнаружилась поразительная растерянность и, кажется, неспособность длительное время культивировавшейся в стране марксистской теории классовой борьбы справиться сколько-нибудь удовлетворительным образом с этой проблемой. Заметим, что теория общественного развития, рассматривающая в качестве главного источника прогресса крайнюю форму проявления социального конфликта - классовую борьбу, демонстрирует бессилие дать разумное теоретическое объяснение вспышке разнообразнейших конфликтов, а тем более оценить их в качестве современного источника общественного прогресса.

Вместе с тем в социально-политических теориях немарксистского толка за последнее столетие было выработано немало научно-методологических средств, приемов и методов для описания и объяснения социальных явлений, до уровня которых не пожелали нисходить правоверные марксисты. Приверженность классовому подходу побуждала безоговорочно отвергать все «немарксистское» как «буржуазное» и «псевдонаучное». Тем самым в значительной степени догматизированный за годы советской власти марксизм, отстаивая свои приоритеты, лишил себя возможности разумного теоретического диалога с представителями немарксистской общественно-политической мысли и в результате этого утратил важнейший источник своего обогащения.

Думается, именно это стало главной причиной растерянности еще недавно «стойких» марксистов перед современными российскими социальными реалиями и вместе с тем породило мощную волну отказничества и некритических деклараций о теоретической несостоятельности марксизма. На наш взгляд, и тот и другой подходы весьма далеки от истинного понимания сложившейся ситуации. Чтобы приблизиться к нему, надо встать, по возможности, на неполитизированную научную позицию и, соответственно, рассмотреть как марксистское, так и немарксистское понимание конфликтов крупных социальных общностей, имеющее, как известно, давние традиции.

Напомним, что у К. М а р к с а и его последователей в качестве таких социальных общностей рассматриваются классы, а в качестве формы проявления конфликта между ними - антагонистические противоречия и классовая борьба. Основу социальной организации, по Марксу, составляют общественные отношения, в которые вступают люди независимо от их воли и сознания. Это главное условие формирования социальной субстанции, или социальной формы движения материи. Развитие же этой формы материи подчиняется действию непосредственно присущего ей диалектического закона единства и борьбы противоположностей, где противоположностями выступают большие социальные группы-классы. Главная борьба между ними ведется по поводу производства и отношений собственности, но, конечно, только этим она не исчерпывается. Однако от конкретных форм организации производства и отношений, в которые вступают классы в процессе производства, зависит их место и роль в обществе. Поэтому у всех антагонистических классов есть стимул к борьбе, но развивающаяся экономическая ситуация только для одного класса - пролетариата - создает условия, при которых он, освобождаясь от эксплуатации и угнетения, становится орудием освобождения всех других.

Общество, по Марксу, не статично; путем классовой борьбы оно постоянно преобразуется. Это общество по мере осознания рабочим классом своего угнетенного положения становится все более конфликтным, до тех пор, пока не произойдет социальная революция, которая и похоронит эксплуататорский класс. Процесс этот носит всемирный характер, и он неизбежно должен привести со временем к бесклассовому обществу.

Такое понимание общественно-исторического процесса встретило серьезные аргументированные возражения. Некоторые исследователи наследия Маркса не могли не обратить внимания на то, что классовый конфликт в этом смысле рассматривается без теоретического анализа его разнообразных поведенческих форм. Другие ученые, приняв некоторые марксистские постулаты, вместе с тем увидели в его концепции абсолютизацию экономических отношений в качестве главной причины конфликта между классами. Отчасти это было и следствием упрощенного толкования марксизма. Однако данная точка зрения получила широкое распространение.

М. Вебер полагал, что причины возникновения конфликтов не сводятся только к различиям бедности и богатства. Выявив компонент неравенства (разная степень уважения, неодинаковый престиж), он ввел понятие статусных групп. При этом Вебер обнаружил связь между материальными и идеальными интересами различных групп, с одной стороны, и с религиозным сознанием - с другой.

Р. Михельс в своем анализе деятельности профсоюзов и политических партий XIX в. открыл закономерность, согласно которой олигархия (власть немногих) складывается всегда, когда численность организации превышает определенную величину (скажем, возрастает с 1000 до 10 000 членов), т.е. тенденция к концентрации власти обусловлена главным образом структурой организации, что в свою очередь неизбежно порождает конфликты. Эту теорию обычно называют михельсовским «железным законом олигархии».

Р. Дарендорф именно классы считал «конфликтующими социальными группами, основание определения которых... состоит в участии в господстве или исключении из него...»¹. Он утверждал также, что классовый конфликт определяется характером власти. Конфликт, по его мнению, вызывается обычно не экономическими отношениями между руководителями и подчиненными; скорее, его главной причиной является власть одних над другими. Не только власть предпринимателей над рабочими создает основу для конфликта; последний может возникнуть в любой организации (в больнице,

¹ DarendorfR. Op. cit. P. 73.

военном батальоне, университете), где вообще существуют управляющие и подчиненные. Отметим: автор знаменитого труда «Общественные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» использовал многие теоретические положения Маркса для вывода о существовании объективных («скрытых») и осознанных («открытых») интересов. Классы, по его мнению, появляются лишь тогда, когда «скрытые» интересы становятся «открытыми».²

Р. М е р т о н подметил, что новые элементы социальной структуры вызывают предрасположенность к аномии и отклоняющемуся поведению. Они и формируют установку на преодоление конкурентов. Эта склонность к аномии характерна не для всех групп общества. Существуют группы, которые наиболее склонны к отклонениям и, напротив, довольно стойки в отношении них. Таким образом, существуют не только объективные, но и субъективные предпосылки конфликтов.

Л. А. К о з е р, различая внутри- и внегрупповые конфликты, обратил внимание на их зависимость от самой социальной структуры. Последняя содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней его допустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом? Ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, под воздействием которой и развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа, считает Козер, всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, позиций престижа или отношений власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций¹.

Современный автор П. Б у р д ь е предлагает довольно спорный материал для размышления над тенденциями развития нынешних конфликтов, поскольку полагает, что класс как теоретическая конструкция, отождествляемая с реальной действующей группой

² См.: *Darendorf R. Soziale Klassen und Klassen in Industrialen Gesellschaft. 1959. S.169.*

¹ См.: Социальный конфликт: Современные исследования... С. 22-23.

людей, есть обычная интеллектуалистская иллюзия. По его мнению, недостаточность марксистской теории классов и в особенности ее неспособность учитывать ансамбль объективно регистрируемых различий, являются результатом того, что, сведя социальный мир к одному лишь экономическому полю, марксистская теория приговорила себя к определению одной лишь позиции в экономических отношениях производства. Он считает эту теорию привязанной к одномерному социальному миру, организованному вокруг противоречия между двумя блоками. По его мнению, в реальности социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, т.е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства: внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию, и те, кто занимает подчиненную позицию,, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу (однако без необходимости организовывать столько же антагонистических групп)².

Согласно упомянутым ранее работам К. Боулдинга, Л. Крайсберга, М. Крозье, сам конфликт заключается в противоборстве групп, преследующих несовместимые цели. Боулдинг, однако, отмечал, что все конфликты имеют общие элементы и общие стандарты развития и изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его проявлении.

Э. Кардель проводил различие непосредственных интересов социальных слоев и групп социалистического общества, в том числе и внутри рабочего класса. Признавая конфликты на базе социальных и имущественных различий, порождаемых в первую очередь распределением по труду, он находил основной конфликт тогдашнего югославского общества в противоречии между силами социалистического самоуправления и антисамоуправленческими силами. Помимо этого конфликта, имеющего характер классового антагонизма, в югославском обществе, по его мнению, существовали и иные конфликты, возникающие на базе социалистических общественных отношений. М. Джилас в работе «Новый класс» указал, что источником конфликта при социализме является привилегированный слой чиновников, создавший новую систему неравенства и деспотизма.

² См.: Бурдые II. Социология политики. М., 1993. С. 39-42.

Однако не все социологи полагали, что источники конфликтов таятся исключительно в групповых отношениях. Социологи и психологи XX в., в том числе и отечественные, обращали внимание и на личностные характеристики. Они обнаружили, в частности, множество людей, которые вообще отвергают свою принадлежность к каким-либо группам внутри социальной структуры. В поле исследовательского внимания стали попадать психически нездоровые люди, бродяги, хронические алкоголики, наркоманы и преступники, т.е. деклассированные элементы или люди с отклоняющимся поведением. Оказалось, что и они образуют довольно устойчивые группы, занимающие в социальной структуре определенное, «санитарное» место. Как правило, они не приемлют господствующие в обществе нормы и генерируют по отношению к другим социальным группам чувство враждебности и собственного бессилия. Это так называемое дно общества весьма устойчиво, и от него не смогла полностью избавиться ни одна из известных социально-политических систем. Похоже, что для нормального функционирования общества такие группы естественны. Важно лишь, чтобы их численность не превышала некоего порогового значения. В противном случае возрастает возможность дестабилизации устоявшихся социальных отношений, а в конфликтной ситуации происходит его резкое усиление за счет вовлечения в него этой постоянно недовольной существующим положением массы.

Итак, основные подходы к пониманию и объяснению конфликта складывались в рамках рассмотрения особенностей взаимодействия крупных социальных общностей. Личностный анализ в конфликтологии занимает, пожалуй, второстепенное положение. Он, безусловно, важен, но при изучении, к примеру, девиантного поведения единичное, индивидуальное имеет тенденцию к превращению в общее, групповое, т.е. становится доступным для понимания и объяснения лишь при анализе социальных общностей.

Наш весьма краткий обзор исследований в сфере конфликтов (см. также гл. 1) приводит к выводу, что именно изучение напряженности, столкновений, борьбы между социальными общностями выступает в качестве одного из основных методов выявления предмета конфликтологии как относительно самостоятельной области научных социальных исследований. И в любом случае система ее основных категорий оказывается тождественной тому аппарату, которым руководствуется теория

социальной структуры. А это в свою очередь предрешает многие ответы на важные вопросы и о субъектах конфликта, и о направленности их действий.

§ 3. Неравенство как источник конфликта

Основными признаками социального неравенства, как известно, являются различия в отношениях собственности, власти и статуса. В той или иной мере эти особенности отражены в социально-классовой структуре общества, фиксирующей неравенство в отношениях между социальными группами, вплоть до индивида. В связи с социально-политическим и социально-экономическим неравенством находятся и существенные различия в образе жизни, культуре, психологии социальных групп и индивидов.

Социальные действия, имеющие целью создание материальных и духовных ценностей, их обмен и распределение, неизбежно ведут к напряженности между социальными группами, а при определенных условиях - к открытому конфликту.

Обычно в основе непосредственного столкновения интересов больших социальных групп лежит расхождение между достигнутым уровнем получения материальных и культурных благ и твердым убеждением, что доступ к ним несправедливо ограничен противоположной стороной. Именно осознание незаслуженного социального «прессинга» со стороны противника имеет мотивационное значение для поведения масс людей.

В условиях, когда группа не имеет осознанных потребностей, она не в состоянии начать единые действия. Поэтому поначалу они носят спонтанный, хаотический характер. Однако под влиянием тех или иных обстоятельств происходит быстрое (или медленное) осознание интересов, их кристаллизация. Под сомнение начинает ставиться не только существующая система раздела благ, но само групповое господство. Конфликт приобретает политический характер. Этим обстоятельством зачастую пользуются политические лидеры, которые либо стимулируют кристаллизацию осознанных интересов, либо стараются ее ослабить, направить в другое русло.

События в России 90-х гг. XX в., связанные с противостоянием парламента и президентской власти, показывают, как политические

лидеры используют интересы разных групп в чисто прагматических, эгоистических целях. Это одна из иллюстраций того, как выяснение интересов, выходящих за рамки внутригрупповых отношений, стимулируется и управляется теми или иными экономическими и политическими центрами, находящимися вне конфликтных групп.

Другая, не менее важная проблема, относящаяся к крупным конфликтам, заключается в усиливающейся время от времени поляризации общества, вызываемой заметным неравенством доходов. Логика конкуренции порождает структурную безработицу, бедность, появление совершенно незащитных слоев, которые никогда не удовлетворятся своим положением.

Исторический опыт последних десятилетий свидетельствует, что государственный социализм не смог полностью ликвидировать частную собственность и социальное неравенство классов. Не смог он избавить общество и от социальных конфликтов. Но это не причина игнорировать темные, асоциальные стороны рыночного капитализма, особенно нерегулируемого. Вполне возможно, что рыночная экономика - лучшая производительная система из известных сегодня, но для того чтобы ее преимущества приняли гуманный характер, демократическое государство должно взять на себя ответственность за смягчение тех типичных форм отчуждения и порабощения человека, которые она способна порождать. На деле это означает перераспределение доходов государством в пользу обездоленных. Механизмы и детали этого перераспределения вырабатывались реализовывались различными путями - от компромиссов и переговоров до конфликтов. Однако в исторической перспективе последние явно нежелательны, ибо чреваты взаимными социальными потерями. В условиях современной России произошло наложение новых экономических форм иерархии и господства на старые политические формы, что привело к появлению чудовищного социально-политического «гибрида», противоречиво соединяющего в себе интересы разных социальных слоев.

Надо заметить, что в обществе не существует вполне эффективных способов полного устранения конфликтов, связанных с неравенством больших социальных групп. Как показывает история человечества, социальное неравенство постоянно воспроизводится. Периодически повторяющиеся революции значительно меняют типы, формы и методы осуществления неравенства, однако устранить его в принципе они не в состоянии. В любом обществе всегда существовал

и, видимо, будет существовать конфликт интересов различных социальных групп, хотя бы за право обладать и/или распоряжаться жизненно важными ресурсами. Эта борьба настолько длительна, насколько их объект - те же ресурсы, например, ограничен. Представляется постоянным и стремление изменить формы и виды собственности.

Разумеется, такие конфликты могут быть смягчены либо перенесены на другие уровни. Однако эти возможности ограничены общим уровнем культуры, растущей социальной поляризацией, сохранением отчуждения и другими, не менее важными обстоятельствами.

§ 4. Особенности конфликта

Когда в конфликты вступают крупные социальные общности, интересы, цели, притязания могут реализовываться не столько экономически, сколько через использование власти, т.е. политическими средствами. Поэтому в конфликте непосредственным и самым активным образом участвуют такие политические институты, как государство, партии, общественные организации, группы давления, парламентские фракции, церковь и т.д. Они, приобретая зачастую самостоятельное значение, являются вместе с тем выразителями воли больших социальных групп - основных носителей социальных интересов.

Большие социальные группы воздействуют на другие группы, но также и на самих себя и своих членов обычно при помощи социально-политических институтов. В конфликте эти группы имеют большие шансы для достижения своих целей, по крайней мере, при двух условиях: достаточной (но сравнению с другими) силе и высоком уровне самосознания.

Сила группы заключается в ее сплоченности и способности эффективно добиваться своих целей даже вопреки сопротивлению противной стороны (если таковое существует). При этом способность к противодействию не обязательно означает активную деятельность: воздержание от тех или иных действий зачастую более эффективно, чем неконтролируемое поведение противников. *Высокий уровень самосознания* усиливает группу, структурирует ее, сообщает способность к действию. Полное осознание членами группы своих интересов, подчинение политической и иных организаций этим

интересам, тождественность интересов группы и руководителей ее политической организации, относительное совпадение интересов индивида (члена группы) и группы в целом на практике встречаются редко. Большая группа, например партия, одновременно является и не является субъектом конфликта: ведь в реальном конфликте на деле участвуют не группа как таковая, а ее лидеры, выразители интересов группы, различные ее организации. Разумеется, в переломные, критические моменты истории (например, революции) большие социальные группы играют роль «последней инстанции» - на улицу выходят массы. В обычной же жизни в конфликтах участвуют главным образом руководители, представляющие группу.

Итак, в социальном конфликте намечается множество уровней (классификация по социальным общностям), различная степень осознания субъектами своих интересов, различные правила и механизмы для достижения целей и интересов (институты). Значительную роль играет в них временной фактор (например, выделение отдельных фаз конфликта). При всей сложности взаимодействия всех характеристик конфликта главную из них - соотношение интересов классов (групп) - можно представить с помощью таблицы, где субъекты интересов размещаются по силе позиции (слабый, промежуточный, сильный) и характеру интересов (совпадение. Нейтральность, противоположность) (табл. 2).

Таблица 2. Отношение интересов классов (групп)

Субъекты интересов	Совпадение	Нейтральность	Противоположность
Слабый класс(группа)	Под покровительством	Непрочность	Подчиненность
Промежуточный слабо-сильный класс (группа)	Поддержка	Независимость	Конфликт
Сильный класс (группа)	Власть	Независимость	Конфликт

Конфликт (на макроуровне), судя по таблице, наступает в тех случаях, когда интересы сильных классов противоположны. В остальных случаях возможны относительно стабильные отношения (подчиненность, независимость, поддержка и др.). Нетрудно определить, что слабый класс (группа) при совпадении его интересов с интересами других общностей может находиться под их покровительством, а при расхождении - в подчиненном положении. Когда интересы нейтральны, социальные общности обретают независимость. Эти отношения, на наш взгляд, характерны для всех современных обществ независимо от их социально-политического устройства. Какие бы ни существовали связи между природой социально-политического строя, например между капитализмом и социализмом (соответственно преобладание частной или государственной собственности), с одной стороны, и масштабами и остротой конфликта - с другой, они не носят строго определенного «фиксированного» характера. Поэтому представляется недоказанным тезис о том, что успешно функционирующая капиталистическая рыночная система или, напротив, государственное регулирование при социализме наилучшим образом стабилизирует общество. Опыт таких стран, как Германия (30-40-е гг.), Южная Африка (80-е гг.), СССР (конец 80-х гг.), Югославия (80-е - начало 90-х гг.), тому свидетельство. Можно, однако, с определенным основанием утверждать: страны с рыночной экономикой в большей степени приспособлены к решению внутренних социальных конфликтов, чем государства с иными экономической и политической системами.

Надо отметить, что большие социальные группы в развитых странах Запада, объединенные на какое-то время попытками добиться

перераспределения ресурсов и власти в свою пользу, постоянно стремятся ограничить власть традиционных групп. Именно поэтому конфликт приобретает там, как правило, форму так называемого демократического движения против бюрократизации и коррупции государственной власти. Демократически ориентированные социальные общности стремятся ослабить или заменить существующую власть. В случае успеха направленность деятельности государственного аппарата будет ограничена или изменена в желаемых целях либо путем персональных замен в правящих структурах, либо путем создания юридических противовесов со стороны других органов государства или же неправительственных организаций. В большинстве случаев частный сектор и его институты полностью подчиняют себе государственный аппарат, что приводит к нарушению существующего общественного равновесия. И тогда начинается обратное движение - в пользу государственного сектора как рычага восстановления утраченного равновесия. В этих конфликтах социально-политического характера важная роль принадлежит конституционным средствам, регулирующим экономическую и политическую роль тех или иных групп, политических движений. Для западных демократий вследствие всего этого вопрос о разграничении государственного и частного сектора приобретает первостепенное значение и политический характер, потому-то за каждым из них отчетливо видны определенные социальные силы.

§ 5. Конфликты переходного периода в России

Россия переживает кризис, причины которого настолько глубоки и многообразны, что их трудно однозначно оценить. В отличие от восточноевропейских стран изменения в общественных отношениях сопровождаются беспрецедентным расширением сферы появления конфликтов, поскольку в нее вовлекаются не только большие социальные группы, но и территории, как однородные в национальном отношении, так и населенные различными этносами.

В свою очередь межнациональные конфликты порождают территориальные, конфессиональные, миграционные и другие проблемы. Однако, на наш взгляд, корни всеохватывающего российского конфликта легко прослеживаются именно через отношения неравенства крупных групп - субъектов интересов. В этой

связи неверным представляется утверждение, что при социализме все группы и слои находятся примерно в одинаковом положении. Скорее, их интересы совпадали ровно настолько, насколько тоталитарный режим стремился «скрепить», сцементировать многонациональное общество, обеспечивая удовлетворение минимума всеобщих потребностей и игнорируя индивидуальные и специфические требования различных социальных групп. Такое положение было внутренне чрезвычайно напряженным, изначально чреватом глубоким конфликтом, который и разразился на рубеже 90-х гг.

Еще несколько лет назад социальная структура общества представлялась совершенно иной. Во всяком случае, некоторые ученые еще в 70-80-е гг. руководствовались известной формулой «2+1» (рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция), признавая слои в качестве внутри- и внеклассовых элементов.

В наше время в результате глубоких экономических и социальных преобразований российского общества социальная структура выглядит по-другому - более дифференцированное. Появились новые социальные группы, которые можно рассматривать в качестве классов. Так, открыто заявила о себе буржуазия (спекулятивно-финансовая, промышленная и т.д.), создающая собственные политические организации, кардинально изменяющая отношения собственности. Формируются новые группы маргинального типа (промежуточные, опосредующие, более поляризованные и контрастные). В целом в стране идет своеобразная «декомпозиция» социальной структуры, которой присуще все большее расхождение характера труда, размера доходов, уровня образования и престижа. Такое положение не может не быть чреватом множеством конфликтов.

Класс отечественной буржуазии находится еще в стадии становления, хотя и развивается в достаточно благоприятных условиях. Ее слабыми сторонами являются весьма условное признание со стороны широких слоев населения, привязанность к международному капиталу (компрадоры), широко распространенные криминальные методы ведения дел и пр.

Однако кристаллизация интересов этого класса происходит довольно быстро. От индифферентности в реализации своих интересов буржуазия постепенно переходит к прямому и открытому вмешательству в политическую жизнь.

Ее конфликт с другими классами (группами) развертывается вокруг распределения кредитов, механизмов приватизации, налогового

законодательства, правил ведения внешнеэкономических операций. Ныне каждая группа промышленников и предпринимателей на центральном и региональном уровнях пытается реализовать свои интересы, организуя лоббистское давление на исполнительную и законодательную власти. Не ограничиваясь этим, бизнес ищет способы объединения в политические партии и организации (Партия экономической свободы. Союз промышленников и предпринимателей и т.д.).

Следует, однако, признать хаотичность и слабость действий российских предпринимателей в реализации своих устремлений. Аккумуляция интересов буржуазии, достаточно полная идентификация ее представителей - дело будущего. Пока же отсутствие явно выраженной идеологии этого класса, низкая политическая культура его лидеров приводят не к сужению, а к расширению конфликтного пространства в России.

В целях предотвращения социальных коллизий, многие исследователи, действующие политики возлагают большие надежды на так называемый средний класс, который в будущем включил бы в себя значительную, если не большую, часть населения. Известно, что, по западным стандартам, эта общность охватывает мелких бизнесменов, промышленников, профессиональных и образованных рабочих, процветающих фермеров, высокооплачиваемых служащих, журналистов, артистов и т.д. Все они имеют некоторые совпадающие интересы, их объединяют достаточные, но не слишком разнящиеся доходы, образовательный уровень, семейные и религиозные идеалы.

Применительно к России тезис о существовании среднего класса в качестве стабилизирующего фактора по меньшей мере сомнителен и преждевремен. Достаточно в этой связи напомнить, что за 1991-1998 гг. шесть человек из десяти стали гораздо беднее и лишь один значительно увеличил свой доход. Большая же часть населения представляет собой (в социальном смысле) аморфную массу с ослабленными социальными связями. Значительная поляризация общества не способствует появлению среднего класса, она лишь порождает конфликтные отношения внутри общества, а также различных групп - с государством, ослабленным до предела допустимого.

Безрадостную, но не безнадежную картину нынешних социальных отношений дополняют все увеличивающиеся по численности деклассированные группы, включающие в себя

социальное «дно»: преступников, проституток, бомжей, бродяг, попрошайек и пр.

В заключение отметим еще раз, что конфликты между макрогруппами, ведущие к дезинтеграции существующего общества, нельзя однозначно поместить на шкалу основных человеческих ценностей в качестве исключительно отрицательной величины по одной простой причине: они все же могут выполнять (разумеется, при определенных обстоятельствах) функции не разрушения, а поддержания социально-политической стабильности.

В самом деле, если исходить из тезиса, согласно которому столкновения, основанные на сходстве и расхождении интересов, воспринимаются как естественные и неизбежные, то открыто проявляемые противоречия представляются нужными для стабилизации социальных отношений. Проблема не в снятии напряженности, не в устранении самого конфликта, а в сведении к минимуму риска, т.е. в управлении столкновениями. Подобный подход предполагает видеть в противнике будущего партнера.

Во всяком случае необходимы фундаментальные исследования различных условий, благодаря которым действия, направленные на эскалацию или погашение конфликтов, становятся (или не становятся) плодотворными в деле их улаживания. Методы разрешения конфликта требуют дополнительных знаний о его обстоятельствах, а также возможных последствиях его разрешения. *Главное же, что характеризует социальные процессы в России последних лет, - явная дезинтеграция сложившихся ранее социальных структур и связей, утрата прежней и поиски новой социальной идентификации на разных уровнях, от индивида до больших социальных общностей (отсюда и множество суверенитетов).* Эта картина не зависит от выбора теоретической позиции, но вот основные события в обществе можно рассматривать с определенной точки зрения как процесс перехода от интеграции и дифференциации одного типа к интеграции и дифференциации другого типа.

В России создается общество с новым соотношением классов и социальных групп, где велики и, возможно, будут возрастать различия в доходах, статусе, культуре. Именно поэтому особое значение приобретают усилия законодательных, исполнительных и судебных структур власти по смягчению нынешних и грядущих конфликтов. Общество, устранившее преграды к выдвиганию индивидов по их классовой (групповой) принадлежности, становится более стабильным,

легче решает свои конфликты мирным образом, путем компромиссов и переговоров.

Перераспределение богатства и власти, происходящее в правовых рамках, как известно, смягчает конфликты. И при таком «щадящем» положении так называемые государственный и частный секторы экономики и большие социальные группы функционируют раздельно и сталкиваются друг с другом в основном в качестве конкурирующих товаропроизводителей. Издержки переходного периода к экономике, где частный сектор если не преобладает, то занимает достаточно прочные позиции, таким образом могут быть сведены до относительно приемлемых для населения форм и проявлений.

§ 1. Этнос как субъект конфликта

При анализе межэтнических конфликтов важно определить их участников. Заметим, что в мировой и отечественной литературе вокруг содержания понятий «этнос» и «нация» ведется теоретическая дискуссия, имеющая определенное практическое значение.

Некоторые ученые (В.И. Тишков и др.) предлагают гражданско-государственный признак нации в качестве основного. В зарубежной, особенно англо-американской, этнологии этот подход является признанным, однако так называемая немецкая школа трактует нацию в качестве объединения людей, где главными считаются такие признаки, как язык, культура, характер и др., свойственные каждому этносу, но уже на довольно высоком уровне развития государства, экономики и культуры. К последней школе близки и воззрения представителей марксистского направления.

Ситуация с определением нации становится еще более сложной, когда делаются попытки определить некоторые исходные посылки.

Выяснилось, что понятие этноса довольно аморфно и различные подходы к его определению лишь подчеркивают это. Некоторые исследователи берут за основу «объективные» данные (язык, территория, религия, образ жизни и пр.), другие - поведение, третьи - ощущение принадлежности к определенной группе (самоидентификация). Как бы то ни было, все согласны с тем, что этнос представляет собой исторический итог особой организации группы, прошедшей несколько этапов эволюции - от малых изолированных «примитивных» до так называемых постнациональных общностей. Кроме того, согласие достигнуто и в определении роли государства в качестве необходимого условия развития этноса.

С учетом необходимости определения сторон конфликта различия в трактовке этносов и наций имеет принципиальное значение. Например, если брать за основу тезис «нация представляет собой совокупность граждан современного государства» («государство-нация»), то трудно объяснить национальную принадлежность русского этноса в Украине. Если для некоторых этнологов он украинец, то самоидентификация в качестве такового для каждого русского в этом,

недавно ставшем независимым государстве представляется сомнительной.

В РФ жители, считая себя гражданами России, одновременно полагают себя русскими, татарами, украинцами. Разумеется, при большом желании их можно считать «россиянами», но сами жители чаще всего идентифицируют себя со своими этносами.

В социальной реальности, как свидетельствует история, действовали и продолжают действовать, налагаясь частично друг на друга и сталкиваясь между собой, различные тенденции образования, укрупнения и развития человеческих общностей. Они представляют собой особые социальные организмы, которые можно называть «этносами», «народами», «народностями», «нациями» и т.д.

При этом надо учитывать не только различие эпох и типов социальных общностей, им присущих, но также процесс концентрации людских общностей в более крупные объединения.

Первоначально эта концентрация действовала на базе кровнородственных отношений и обусловила перерастание родов и мелких племен в крупные племена и их коалиции. Затем определяющей становится тенденция складывания новых народностей и наций на основе общности экономической жизни на определенной территории, сопровождаемого становлением общего языка и культуры. Эта тенденция и поныне действует в Африке, Азии, Латинской Америке, отчасти в Европе.

В XX в. в процессе укрупнения и изменения структуры социумов преобладающей становится тенденция возрастания роли государства в регулировании экономической и социальной жизни, в развитии образования и культуры, в контроле над средствами массовой информации.

Теоретический и политический анализ реальной ситуации в Европе, где нации в основном сложились на моноэтнической (реже полиэтнической) основе, требует учета последних тенденций. Действительно, даже каталонцы не склонны считать себя испанцами («кастильяно») по языку, культуре, самосознанию, баски и вовсе не признают себя испанцами, хотя и те, и другие с полным правом считают себя гражданами Испании. Примерно так же обстоит дело с корсиканцами или эльзасскими немцами во Франции. С другой стороны, XX в. породил проблему массовой иммиграции в Западную

Европу дешевой рабочей силы из других стран, в том числе и из бывших колоний. Миллионы индийцев и пакистанцев в Англии, арабов во Франции, турок и югославов в Германии, даже когда они получают паспорт страны пребывания, продолжают идентифицировать себя с «собственной» нацией и ее культурой, хотя с правовой точки зрения они уже стали англичанами, французами или немцами. Если теория нации учитывает реалии, она должна учитывать, что последняя тенденция еще не вытеснила полностью предыдущую даже в Европе, а с остатками первой мы постоянно сталкиваемся не только в странах «третьего мира», а и у себя под боком, например в Чечне, где тейповая организация продолжает играть существенную роль.

Ни признание факта формирования «новой исторической общности людей» - советского народа, ни стандартное обращение «дорогие россияне» не могут служить основанием для объявления совокупности граждан современной России нацией. Ничего не меняет в этом отношении факт членства СССР или РФ в Организации Объединенных Наций. В международном праве уже произошло отождествление государства и нации, понимаемой во вполне определенном смысле. Но полагать это единственным основанием для определения принадлежности к той или иной нации сомнительно. Наши соотечественники считают себя гражданами РФ, и в этом смысле определенной общностью людей, но вовсе не склонны в своей массе к национальному нигилизму и называют себя русскими, татарами, украинцами и т.д.

Итак, трактовка этноса и нации отображает взаимодействие всех рассмотренных выше тенденций в исторической перспективе, специфику их переплетения в данном месте и в данное время и, наконец, их противоречивость. Зачастую именно эти противоречия (при их обострении) приводят к национальным, государственным, этническим и другим конфликтам самого разного рода как во всем мире, так и в нашей стране.

И все же, несмотря на различные трактовки, можно констатировать, что термин «этнос» призван характеризовать

общность людей, выступающую в своих конкретно-исторических формах, своеобразных проявлениях. Этносы, возникнув еще в первобытном обществе, консолидируясь и развиваясь, представлены в мировой истории такими типами, как племя, народность, нация. Такая последовательность выражает не только внутреннее прогрессивное развитие каждой этнической общности, но и ее укрепление, расширение путем ассимиляции и слияния родственных, близких групп и общностей в процессе их интеракции, взаимовлияния, общения в ходе истории¹. В современном обществе этническая общность обычно выступает как национальная общность, т.е. как более высокий и развитый тип этноса.

Итак, этнические общности могут быть рассмотрены: 1) в качестве относительно самостоятельных социумов с характерными для них разными уровнями экономического и социального развития;

2) в рамках культуры, включая историческую традицию, язык, обычаи; 3) с точки зрения численных и дистанционных параметров (численность, компактность - дискретность и пр.); 4) в качестве разнообразных политических институтов (государственные, партийные, клановые и пр.).

Некоторые исследователи рассматривают межнациональные конфликты как следствие рассогласования всей системы взаимоотношений (А.М. Юсуповский). Однако на общую природу тех или иных конфликтов, на конкретные принципы и формы столкновений различных этносов могут и оказывают воздействие внесистемные явления.

Именно поэтому системный подход к межэтническим конфликтам можно рассматривать лишь в качестве одного из направлений в исследованиях (разработки технологии этнических конфликтов, выяснение ситуативных влияний и т.д.). Основным же направлением, на наш взгляд, может считаться традиционный подход, связанный, как правило, с выяснением роли противоречий в отношениях между этносами.

¹ См.: Мнауаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998. С. 17.

§ 2. Неравенство как причина конфликта

Теория конфликта и теория этнического конфликта имеют много общих черт. Во всяком случае обе рассматривают отношения современного общества в качестве поля борьбы соперничающих групп. Последние прилагают всевозможные усилия, чтобы укрепить (или сохранить) свои позиции, приобрести (или удержать) территорию и привилегии. В результате сохраняется или увеличивается неравенство, что крайне раздражает членов угнетаемых групп, которые постоянно находятся в напряжении. При этом более сильный этнос, как правило, ограничивает, если не исключает вообще, претензии более слабых групп. Индивиды внутри групп соответственно также имеют различные позиции, т.е. обладают ограниченной свободой и возможностями. Имеющие высокий статус члены группы стараются обычно перевести недовольство, существующее внутри группы, против «внешнего» соперника.

Изложенная точка зрения, разумеется, не претендует на универсальность. Известные теории (гл. 2), относящиеся к так называемому структурно-функциональному направлению, рассматривают проблему несколько с иных позиций. В них применяются такие критерии, как функциональность (способность к осуществлению вполне определенной функции - этнической консолидации), целостность (единство и непрерывность развития этноса во времени и пространстве) и др.

Но применимы ли эти подходы к анализу реального положения, сложившегося в России в последние годы?

Согласно последней советской переписи (январь 1989 г.), в суммарный состав населения России (147,0 млн человек) входило 128 этносов, из них 89 коренных.

Для 68 коренных этносов исторической родиной является Россия; для 14 этносов - республики бывшего Советского Союза: украинцы - 4363 тыс., белорусы - 1206 тыс., казахи - 636 тыс., армяне - 532 тыс., азербайджанцы - 336 тыс., молдаване - 173 тыс., грузины - 131 тыс., узбеки - 127 тыс., литовцы - 70 тыс., латыши - 47 тыс., эстонцы - 46 тыс., киргизы - 42 тыс., туркмены - 40 тыс., таджики - 38 тыс.

Историческая родина пяти этносов находится за пределами страны: немцы - 842 тыс., корейцы - 107 тыс., поляки - 95 тыс., греки - 92 тыс., финны - 47 тыс.

Национальный состав России в интересах последующего анализа требует характеристики и типологизации по ряду оснований - по численности этноса, по политическому статусу в административной системе страны, по этногенезу, языку и культуре.

Одним из существенных этнических показателей, определяющих объективные образовательные возможности этноса (например, возможность создания собственной образовательной «вертикали» от детского сада до высшей школы), его субъективные претензии (по крайней мере, этнических политических элит), наконец, государственную образовательную политику, является численность этноса. Наиболее крупный, численно и культурно доминирующий этнос России - русские (120 млн человек, 81,5% населения страны). Четыре автохтонных этноса численностью более 1 млн человек: татары (5,522 тыс.), чувашаи (1,774 тыс.), башкиры (1,345 тыс.), мордва (1,073 тыс.). К этой же группе следует отнести и полуавтохтонов - украинцев (4,363 тыс.) и белорусов (1,206 тыс.). Совокупно численность шести больших этносов составляет 15,3 млн человек, или 10,4% населения страны.

К группе этносов численностью от 0,5 до 1,0 млн человек принадлежат: чеченцы, немцы, удмурты, марийцы, казахи, аварцы, евреи, армяне.

Совокупно на долю этих восьми этносов приходится 5,3 млн человек, или 3,6% населения страны.

На долю остальных 74 этносов приходится 6,5 млн человек, или 4,5% населения России.

Заметно различен политический статус этносов в структуре государственно-административного устройства страны. Главные принципы этого устройства были заложены еще в 20-30-е гг. и не подвергались с тех пор сколько-нибудь принципиальной коррекции.

Из 89 административных единиц России (ныне субъектов Федерации), имеющих шестичленную типологию (край, область, республика, автономная область, автономный округ, город федерального значения), 32 принадлежат к национально-административным единицам и охватывают 53% территории страны. Из них: 21 республика (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия (Хальмг Тангч), Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия - Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия); одна (Еврейская) автономная область;

десять автономных округов (Агинский, Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский Бурятский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский и Ямало-Ненецкий).

По традиции, идущей от первой советской Конституции (1924), в названии всех национально-административных единиц закреплено имя так называемого титульного народа (исключение составляет Дагестан - буквально «Страна Гор», где титульными считаются 10 наиболее крупных этносов).

Таким образом, к титульным народам относится в совокупности 41 этнос. Остальные 48, в том числе и сами русские, принадлежат к нетитульным.

В специальную группу выделены пользующиеся специальной государственной поддержкой 26 малочисленных народностей Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, ведущие аборигенный образ жизни. Семь из них являются титульными.

Наличие собственной административной единицы и ее статус определяют политические правомочия и возможности этноса, в том числе и в сфере народного образования. Исполнительную власть в республиках осуществляет совет министров, в составе которого есть и министр образования, являющийся главой школьной администрации. В автономных округах школьную администрацию возглавляет начальник департамента. На практике многие нетитульные нации не имеют политико-административного субъекта реализации их интересов¹.

С точки зрения этногенеза 89 коренных российских этносов принадлежат:

* к различным расовым и этническим группам (индоевропейской, северокавказской, уральской, алтайской, чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и некоторым другим);

* к нескольким большим языковым семьям (индоевропейской, финно-угорской, тюркской, кавказской, палеоазиатской и др.);

* к различным религиозным и культурным зонам и традициям (христианской, мусульманской, буддистско-ламаистской, локальным шаманистским культам).

Большая часть исследователей отмечает поразительное воображение неравенство российских этносов. Так, Ж.Т. Тощенко,

¹См.: Школа и мир культуры этносов. Вып. 2. М., 1995. С. 8.

отстаивая принцип асимметрии для взаимодействия субъектов Федерации, называет три причины, обуславливающие его.

В о – п е р в ы х, субъекты Федерации серьезно различаются своими экономическими возможностями. Анализ состояния экономики в 1996 г. показывает, что только 11 из 89 субъектов пополняли российский бюджет, еще 15-20 регионов были самообеспечивающимися, а остальные потребляли то, что дали их богатые соседи (так, бюджет Калмыкия пополняется за счет централизованных дотаций на 85%, а Ингушетии - на 95%). Это в известной степени оправдано: не все регионы обладают природными ресурсами, не все они имеют такую мощную промышленную базу, как Московский или Уральский регионы, не все они производят продукцию, конкурентоспособную внутри страны и за рубежом.

Но в таком случае возникает вопрос: насколько экономически целесообразно сохранять, поддерживать дотационные регионы? Очевидно, что подход ко многим северокавказским республикам, или к Татарстану и Башкортостану в силу серьезных различий в их экономическом потенциале должен быть разным.

В о – в т о р ы х, асимметричность отношений Центр - регион заметно обусловлена этническим фактором: в составе Российской Федерации 32 национально-государственных и национально-территориальных образования, наделенных статусом полномочного субъекта Федерации, но сами они далеко не однородны. Только в пяти из них титульное население превышает численность людей других национальностей. В большинстве же национальных территорий ведущим по численности народом выступают русские. Причем разница настолько значительна, что данные территории сходны с теми регионами, которые считаются русскими. Так, Республика Хакасия со своими 10-11% хакасского населения мало отличается от Оренбургской, Ульяновской, Самарской, Кировской областей, в которых примерно такую же долю населения составляют татары, башкиры, мордва, удмурты и т.д.

В – т р е т ь и х, необходимость асимметричного устройства обусловлена и серьезными социально-культурными различиями, степенью квалификации и образованности работающего населения,

насыщенностью территории учреждениями образования, науки и культуры.

Вряд ли можно игнорировать и разную степень интегрированности ряда народов в русскую культуру. По данным исследований Института этнологии РАН, интегрированность в русскую культуру населения Чечни, Дагестана, Ингушетии и Тывы менее 50%. Разве это не объективная основа для конфликта? Так, общность интересов русского народа и народов Поволжья закреплена многовековой совместной жизнью, позволяющей серьезно сблизить эталоны поведения, образ жизни, потребность в культуре и науке. Степень интегрированности других народов и народностей серьезно различается, и это не может быть не учтено при выработке отношений между Центром и соответствующими регионами.

Исследователь проблем республик Северо-Кавказского региона А.М. Мирзабеков приводит таблицу данных, характеризующих уровень жизни в Российской Федерации в целом, в Москве, Северо-Кавказском регионе, Республике Дагестан¹ (табл. 3).

Таблица 3. Денежные доходы и потребительские расходы в расчете на душу населения в 1997 г. (тыс. руб.)

Регион	Март		Май	
	денежные доходы	потребительские расходы	денежные доходы	потребительские расходы
Российская Федерация	862,5	591,1	864,5	600,1
Москва	3302,9	2356,3	3239,3	2346,5
Северо-Кавказский регион	464,8	227,1	388,1	261,4

Столь разительное неравенство в доходах и расходах этносов становится особенно конфликтогенным в период кризисов. Дестабилизация социально-экономической системы неизбежно сопровождается открытыми межэтническими конфликтами,

¹ См.: Мирзабеков А.М. Регионы. Экономика, стратегия, безопасность. М., 1998. С. 201.

приобретая такие черты, как многосубъектность, многоуровневость и динамичность. Они быстро распространились по принципу индукции.

Итак, неравенство этносов обусловлено объективными обстоятельствами - численностью, отсутствием ресурсной базы и т.п. Именно поэтому (доказательства могут быть продолжены до бесконечности) идеал сколь либо близкого по времени равенства этносов вряд ли можно рассматривать в качестве реально и быстро достижимой цели. По чисто объективным причинам (численность, вклад в развитие экономики, культуры, географические условия и пр.) этносы находятся и, вероятно, будут находиться в обозримом будущем в неравных условиях. Именно поэтому в чисто исследовательских рамках следует рассматривать вопрос не о их равенстве, а лишь о возможности и необходимости их равноправия. Последнее, рассматриваемое в качестве равенства перед законом, вполне достижимо. Что касается разнообразных (экономических, политических, культурных) устремлений самих этносов, то, разумеется, нет смысла их каким-то образом замалчивать, а тем более осуждать. Каждой этнической единице имманентно стремление не только сохранить, но и всемерно расширить свою территорию, сохранить язык, культуру, идентичность.

Так, сотрудники Института комплексных социальных исследований (С.-Петербург) выявили некоторые стереотипы этнических претензий молодых людей СНГ Среди них обнаружена стойкая неприязнь к русским, выраженная в посылках типа: «Они захватили нашу землю», «Они претендуют на нашу землю» (Северный Кавказ, Крым, Татарстан и другие автономии)¹.

В ходе исследования была выявлена обусловленность этих установок объективными обстоятельствами, что подтверждает выдвинутую гипотезу согласно которой неравенство этносов выступает в качестве основного конфликтогенного фактора. Итак, определена корреляция негативных установок по отношению к другим по следующим параметрам:

* национальный состав населения региона (соотношение долей различных этнических групп в общем составе населения);

* тип поселения (в крупных индустриальных центрах с растущей инонациональной миграцией она выше, чем на периферии);

¹ Данные исследований, проводившихся в 1989-1994 гг. в рамках программы «Общественное мнение».

* возраст (наибольшая предрасположенность к этнонегативизму наблюдается в крайних возрастных группах - у молодежи и лиц пенсионного возраста);

* социальное положение (наиболее нетерпимы маргинальные слои населения, а также люди социопатического склада);

* уровень образования (в национальных организациях экстремистского характера, за редким исключением, преобладают люди с низким образовательным цензом);

* политические убеждения (сторонники левого и правого радикализма в большей мере склонны к поиску «врагов» на этнической почве, чем центристы и аполитичные граждане).

Вообще, с точки зрения исследователей, в восточноевропейских обществах «переходного периода» возникает ряд новых видов неравенства. Так, интересна теория общественного замыкания (social closure), основные установки которой сформулировал Ф. Паркин. Еще в 1974 г. в докладе, подготовленном для Восьмого международного конгресса социологов (Торонто), он отметил, что «монополизация шансов» становится средством, с помощью которого каждая общественная группа желает защититься от других, несмотря на место, занимаемое на иерархической лестнице.

Кроме того, некоторые исследователи располагают данными, которые дают основание предположить, что на территории бывшего СССР происходит постоянное оживление национальных движений. Их реальная и потенциальная готовность к тем или иным действиям в большей мере обусловлена системным кризисом, снижением качества жизни, распадом системы традиционных («советских») ценностей. Особый случай составляют экстерриториальные претензии, обусловленные несколько другими причинами.

§ 3. Граница как объект конфликта

Политическая история человечества во многом представляет собой историю изменения государственных и административных границ. Краткие периоды их относительной стабилизации всегда прерывались войнами, потрясениями, следствием чего были пересмотры границ. Ныне мир столкнулся с очередными слабо контролируемыми требованиями об их изменении и связанными с этим разногласиями и конфликтами. Очевидные для всех разломы многих обществ, вызванные глобализацией, сопровождаются упорным

сопротивлением ей многих этносов. Все это существует бок о бок с требованием изменений национальных границ. Даже в относительно стабильной Европе происходят процессы, не отвечающие привычным для исследователей этого региона стереотипам.

Так, бытующие ныне представления западных и ряда российских аналитиков о постоянно снижающейся этноконфликтности в Европе и Северной Америке требуют более серьезных доказательств. В этой связи обычно выдвигают тезис о том, что развитое гражданское общество и демократические традиции с необходимостью ведут к преобладанию интеграционных процессов во взаимодействии этносов. Однако открытые этнические столкновения в Северной Ирландии, Испании, Югославии и других частях Западной Европы ставят под сомнение данный тезис. Кроме того, многие конфликты в этом регионе носят до определенного времени скрытый, латентный характер и с неизбежностью проявляются при «благоприятных» обстоятельствах в открытой и острой форме.

Разумеется, совершенно другой вывод можно сделать при оценке многовекового западного опыта в разрешении этнических конфликтов. Здесь сложились традиции как силового подавления одной из сторон, так и мирного, согласительного подхода, включающего в себя переговоры, уступки, чаще всего ведущие к согласию, иногда временному.

Претензии

Как бы то ни было, конфликты в этом и других регионах существуют и непременно касаются государственных границ, это особенно заметно в местах совместного проживания различных этносов. Известно, например, что многие из венгров, проживающие на территории соседних государств, начинают не только претендовать на национальную автономию, но и требовать изменения границ.

Проблема границ остается чувствительной и для более крупных европейских государств. Так, граница между Германией и Польшей за последние столетия пересматривалась неоднократно. После Второй мировой войны она, казалось, станет символом мирного сосуществования двух народов, ранее постоянно враждовавших. Однако в мае 1998 г. германский бундестаг принял резолюцию, согласно которой Чехия и Польша в связи со вступлением в Европейский Союз должны привести свои правовые нормы в

соответствие с нормами, господствующими в государствах ЕС. Эта резолюция не вызвала в Варшаве особого беспокойства и протеста, так как все согласны, что, вступая в ЕС, Польша должна принять европейские стандарты, включая правовые, с тем чтобы на территории Польши могли спокойно поселиться граждане объединенной Европы.

Тревогу и протесты вызвало положение резолюции о незаконности изгнания немцев из Силезии и Померании. Оказалось, что Вторая мировая война и ее последствия - все еще незакрытая страница истории.

Вообще границы Европы, как западной, так и восточной, во многом были и остаются условными. Зачастую они устанавливались по воле того или иного вождя (Сталин вольно поступал с Абхазией, Литвой, Нагорным Карабахом; Хрущев без согласия Верховного Совета СССР подарил Крым Украине; Тито аналогичным образом определял административные границы Хорватии и Боснии). Именно поэтому границы территории бывшей Югославии стали яблоком раздора. Конфликтующие стороны для более справедливого для них определения границ прибегли к вооруженному столкновению. На территории бывшего СССР широкомасштабного военного конфликта удалось избежать, однако напряжение во многих регионах сохраняется.

Было бы, однако, ошибкой считать, что пересмотра границ требует официальное руководство европейских государств. Ряд международных соглашений существенно ограничивают эти претензии. Именно поэтому некоторые из них предъявляются на уровне отдельных национальных движений, другие - на уровне отдельных представителей государственной власти. Кроме того, эти претензии в ряде случаев взаимны, в других - односторонни.

Частично экстерриториальные проблемы в СНГ возникли как следствие депортации в 1937-1945 гг. хотя и немногочисленных, но целых народов. Если же перечислять притязания части отдельных этносов на изменения границ, то выяснится, что предлагается присоединить часть Псковской и Ленинградской областей - к Эстонии; часть Псковской области - к Латвии; северо-западную часть Белоруссии - к Литве; часть Калининградской области - к Литве; южные районы Литвы - к Белоруссии; часть Гомельской области - к Украине; часть Черниговской области Украины - к Молдавии; юго-восточные области Украины - к России; на Кавказе Приморский район

Краснодарского края - Адыгее. Список можно продолжать до бесконечности.

Кроме того, определенная часть европейских этносов имеет территориальные претензии и к России. Так, многие финны требуют восстановления границ, существовавших до войны 1940 г.

Некоторые эстонские исследователи (например, Э. Эрнитс) следующим образом аргументируют свою позицию: «Основой создания Эстонской республики послужило решение Земельного совета Эстонии от 15-28 ноября 1917 г. о высшей власти в Эстонии и на его основе торжественное объявление Эстонской Республики в Таллине 24 февраля 1917 г. «Манифестом народов Эстонии», сделанное Советом старейшин эстонского Земельного совета.

В манифесте были указаны границы создаваемой республики: Эстонии должны были принадлежать все те территории, «где эстонский народ проживает испокон веков в большинстве».

В основном законе, принятом Учредительным Советом 25 июня 1920 г., утверждается: «К Эстонии относятся Харьюма, Ляэнемаа, Ярвамаа, Вирумаа с городом и округом Нарва... Петсеримаа (ныне это Печерский район Псковской области. - *А.Д.*) и другие пограничные места, где проживает эстонский народ... определение границ Эстонии будет проходить через международные договоры».

К тому времени восточная граница Эстонии была уже определена Тартуским мирным договором между Эстонией и Россией. Другие международные договоры о восточной границе Эстонии до сих пор не заключались. Поэтому не существует другой границы, кроме той, что начинается на севере и с Нарвского залива на версту южнее «Дома рыбаков» и кончается на юге «мызой Куцепи». Вот из этой границы и должны исходить в своих выступлениях все официальные лица Эстонской республики»¹

Э. Володин, российский политолог, в связи с этим писал, что «смехотворность этих претензий уже в том, что независимое государство существовало всего двадцать лет, его государственные деятели не ведают о традициях своей истории и надеются сразу же одержать крупную дипломатическую победу. Хотя сама Эстония в ее современных большевистских границах вполне может стать объектом территориальных претензий. Например, наследники кайзеровских баронов могли бы предъявить претензии на всю территорию независимой Эстонии. Во всяком случае по отношению к определенным участкам земли и городским зданиям это, наверное, и будет сделано, как только государство Эстония займет место в ООН и установит с Германией дипломатические отношения. Таллин в переводе означает «датский город», и почему бы Дании не заявить ультиматум о возвращении ей исконных датских земель? Правда, в дело могут вмешаться шведы, имеющие права не только на Шведскую башню в Таллине, но и на сам город. Наконец, Россия имеет исторические претензии к Кольвани, каковой всегда была балтийская часть территории независимой Эстонии. А уж о

¹ Постимес. 1991. 5 окт.

принадлежности Тарту могут рассуждать только Россия, некогда построившая город Юрьев, и Германия, позднее назвавшая этот русский город Дерптом»¹.

Эстония впоследствии несколько смягчила свою официальную позицию, но окончательно вопрос о границе не снят.

На территории бывшего СССР сложилась ситуация, в которой бывшие республики имеют собственное государство, однако с этнической точки зрения границы между ними демаркированы произвольно. В условиях царящей этнической чересполосицы совершенно невозможно установить границы, которые признавались бы всеми заинтересованными сторонами. Попытки создания независимых гомогенных государств с границами, как показывает современная история, бессмысленны, их единственным результатом были бы дальнейшие столкновения, экономическая дезорганизация и моральный упадок.

Однако идея незыблемости границ при столкновении с реальными фактами кажется не всегда убедительной. Так, необходимость пересмотра европейских границ наиболее остро проявилась на Балканах в 1991-1992 гг., т.е. в период распада такого многонационального государства, как Югославия. Общественное мнение мира и указанной страны встретила этот распад без особого сопротивления, поскольку он объяснялся как внутренними, так и внешними причинами. Именно поэтому признание новых государств в качестве независимых казалось тогда проблематичным, поскольку не всегда стыковалось с международными нормами. В некоторых случаях новые государства (Хорватия, Словения, Босния) не обладали полным контролем над своей территорией (в них проживали меньшинства, которые отвергали независимость). Противоречие было обнаружено и с Хельсинкским заключительным актом, где послевоенные европейские границы были объявлены незыблемыми.

Международное признание новых балканских государств было получено довольно быстро, хотя в мировой практике стремление к отделению даже тогда, когда большинство населения поддержало его, обычно не встречало понимания. Кроме того, не было уделено должного внимания тому факту, что ставшие теперь международными границы были ранее сугубо административными, внутренними. В

¹ Советская Россия. 1991. 10 окт.

Югославии, так же как и в СССР, границы между бывшими республиками не совпадали с границами этнических территорий.

О п а с н о с т и

Приблизительно в двухстах государствах мира проживают более тысячи национальных и этнических групп, и если каждая из них начнет настаивать на пересмотре границ, всеобщего хаоса не избежать. С учетом этого некоторые исследователи предлагают воздерживаться от споров по поводу границ. Даже если в тех или иных конкретных случаях окажется невозможным придерживаться этого предложения, общий отказ от него привел бы к роковым последствиям. Любой пересмотр границ порождает произвол, который неизбежно ведет к эскалации напряженности и осложняет разрешение конфликта¹.

Таким образом, предлагается по мере возможности откладывать вопросы о предоставлении независимости отдельным этносам и, следовательно, определения новых границ на неопределенный срок. Предлагается и другой вариант - обсуждать проблему границ, проведенных по государственно-этническому принципу, на региональном уровне. Так, решать проблему Крыма (в рамках границ Украины) путем экономической и культурной интеграции юго-восточного региона (включая российские территории), проблему Чечни и других республик в рамках Северо-Кавказского региона и т.д. Использовать же в Крыму чисто этнический фактор не представляется возможным. Единственный выход - попытаться убедить население России и Украины в том, что Украина и входящий в ее состав Крым не гомогенное этногосударство, а полиэтническая держава.

Смещение центра обсуждения о необходимости новых государственных границ на определение границ национально-культурной автономии с учетом преимущества последней (она менее конфликтогенна), - пожалуй, единственная стратегия в смягчении все

¹ См.: *Wettig C. Nation und Konflikt in Ostereuropas nach dem Zusammenbruch des Kommunismus. Koln, 1992. S. 182.*

более настойчивых требований о пересмотре существующих государственных границ.

§ 4. Столкновение цивилизаций и границы

Обсуждение проблем границ в России, впрочем как и в различных частях земного шара, оставляет в стороне макропричины многих этнических конфликтов. Войны на территории бывшего Советского Союза, Югославии, Кипра, Алжира, Ближнего и Среднего Востока положили конец довольно примитивным представлениям о том, что мир входит в эру порядка, сотрудничества и процветания¹. В последние годы телезрители во всех странах мира ежедневно могут видеть репортажи об этнических конфликтах, когда арабы убивают арабов и израильтян, израильтяне - арабов, сербы - албанцев, албанцы - сербов, хорваты - сербов, сербы - хорватов, абхазы - грузин, грузины - абхазов, чеченцы - русских, русские - чеченцев и т.д. «Этнические чистки» становятся обычным явлением не только для их участников, но и для сторонних наблюдателей. Стало очевидным, что биполярный мир сменился «новым мировым беспорядком», давно уже рационализированным так называемыми теоретиками «хаоса», считающими его неизбежным и нормальным состоянием².

Разумеется, более глубокий анализ мировых столкновений (конфликт цивилизаций) требует особого внимания. Заметим, в частности, что нынешний конфликт на Балканах одними теоретиками рассматривался в качестве конфликта либо между так называемой средиземноморской и атлантической цивилизациями, где последняя поглощает первую (В. Штамбук)¹, либо между западной и исламской цивилизациями, где конфликт «в самом разгаре» (С. Хантингтон). Что касается границ государств, находящихся на так называемом шве цивилизационных разломов (Алжир, Марокко,

¹ См.: *Fukuyama*. The End of History. 1989; The End of History and the Last Man. 1992.

² См.: *Kaplan R.* The Coming Anarchy // *Atlantic Monthly*. 1994. February. P. 44-76.

¹ На рубеже веков. 1996. № 1. С. 26-34.

Израиль, Турция. Балканские страны, Украина (Крым), Россия (Кавказ), Казахстан и др.), то им явно угрожает пересмотр. Приближение НАТО путем включения стран Центральной и Восточной Европы к границам России можно трактовать как экспансию западной (точнее атлантической и западноевропейской) цивилизации в страны СНГ. Сам Хантингтон следующим образом разъясняет свою позицию:

Отнюдь не утверждается, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Выдвигается гипотеза о том, что 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являющиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица; 5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними; 6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации; 7) вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн; 8) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром; 9) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями; 10) в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран¹.

В последние годы в международной политике определенные силы стали широко использовать «исламский фактор» в спекулятивных целях. Еще во времена блокового противостояния наметилась тенденция к формированию антиисламского имиджа Советского Союза. Трагические события в Чечне и Афганистане истолковываются рядом влиятельных политических партий отдельных государств таким образом, чтобы представить Россию в качестве

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1991. № 1. С. 47.

главного врага исламского мира. В то же время некоторые страны Ближнего и Среднего Востока практически поощряют гражданские войны на территории России и других стран СНГ, оказывая финансовую поддержку ряду исламских движений экстремистского толка.

В создавшихся условиях пересмотр границ России представляется весьма вероятным. Давление соседних государств (Китай, Япония - азиатская цивилизация; страны - члены НАТО - западная цивилизация; Турция, Пакистан, Азербайджан, Афганистан-исламская цивилизация), внутренняя слабость России угрожают территориальной целостности страны, чреватые жесткими конфликтами.

Вопрос о границах, таким образом, был и по-прежнему остается одним из принципов несвободы или свободы нации. Тезис о том, что границы ограничивают личную свободу в цивилизационном аспекте, по-видимому, будет справедлив лишь в отдаленном будущем. В современном мире, однако, подвергается сомнению и обычное для политических актеров твердое убеждение, что только государственная граница обеспечивает национальную безопасность, ограничивая угрозу извне. Этот стереотип становится наиболее заметным в требованиях консервативных сил особенно в период нестабильности.

В западной политологии высказываются и иные точки зрения. Их особенность заключается в предложениях использовать опыт западноевропейских государств по смягчению требований по изменению границ. Различая границы внутри промышленно развитых стран (ПРС) и границы внутри развивающихся стран (РС), исследователи тем не менее предлагают модели ПРС в области разграничения между государствами на РС независимо от их истории, религии, национальных традиций. Здесь явно доминирует идея, по которой мир движется в одном направлении к унификации и универсализму в экономике, которые, естественно, ведут к демократии и к более высокому уровню жизни.

Однако события 90-х гг. значительно обесценили эти воззрения и идея глобализации была дополнена дуалистической концепцией, в соответствии с которой промышленно развитые и развивающиеся страны разделяют глубокие противоречия. Если первые характеризуются развитой экономикой, сходной демографической структурой, приверженностью идеям демократии, традиционным уважением к закону, значительной интеграцией в сферу мировой

торговли и т.д., то вторые (страны Юга), где существуют лишь отдельные островки процветания (Тайвань, Таиланд и др.), соседствуют с ужасающей нищетой. Это порождает устремление ряда богатых стран не к объединению, а к отделению от Юга, которое проявляется, например, в форме усиливающихся требований о закрытии границ, ограничении миграции из Африки, Азии и Латинской Америки.

Нынешняя политика ведущих западных стран характеризуется их растущей незаинтересованностью в развитии тесных связей с РС и одновременно селективной поддержкой некоторых регионов развивающегося мира. В результате целые регионы снова превращаются в «терра инкогнита», и только в тех случаях, когда происходящие там трагедии становятся непереносимыми, там проводятся гуманитарные акции, как правило, чтобы успокоить общественное мнение своих стран, а не для решения долгосрочных проблем развития этих забытых регионов. В основном уделяется внимание странам, расположенным в непосредственной близости, как своего рода «буферу», отделяющему их от других РС. Такие страны поддерживаются экономически либо включаются в свои региональные блоки. Эти «буферные» государства объявляют зонами своих стратегических интересов, не останавливаясь при необходимости и перед применением военной силы. Столь же внимательно следят ПРС и за соблюдением своих интересов в странах, богатых природными ресурсами, куда они вкладывают капиталы. В качестве примера можно привести факты проникновения американского и западноевропейского капитала в Азербайджан, Грузию, Казахстан и другие страны СНГ.

Подобная политика считается опасной и иллюзорной, она способствует формированию настоящего «всемирного апартеида», который не может существовать вечно, и, кроме того, означает отказ от поддержки тех, кто пытается модернизировать (иногда успешно) свою страну и бороться против местных сил тоталитаризма.

Г л о б а л и з а ц и я

Все это происходит в условиях проявления и развития новой формы взаимозависимости - глобализации, т.е. процесса развития и интенсификации международных экономических отношений, связанного с быстрым ростом объемов зарубежных прямых инвестиций и увеличением численности межфирменных альянсов. При

этом конкуренция стала разворачиваться на рынке, приобретающем планетарные масштабы. Предприятия организуют свою деятельность невзирая на национальные границы, используя ресурсы и потенциал рынков в мировом масштабе.

Процессы глобализации вовсе не замещают предыдущие формы интернационализации, а интегрируют их. Глобализация - синоним взаимопроникновения и слияния экономик под совместным давлением все более острой конкуренции и ускоряющегося технического прогресса. Она также синоним стирания некоторых границ, хотя при этом возникают новые демаркационные линии вокруг региональных объединений и внутри самих развитых стран, которые могут создать серьезный риск существенного сокращения ожидаемых от глобализации выгод.

Заметно, что процесс глобализации внутри этих стран порождает новые формы границ, которые можно назвать условно «линиями внутренних разломов». Это объясняется тем, что процесс глобализации по-разному затрагивает отдельные отрасли национальной экономики, регионы страны и слои населения. Например, в наибольшей степени он затрагивает такие отрасли промышленности, как электроника, информатика, производство автомобильных компонентов, а также банковский сектор. Крупные предприятия, имеющие опыт осуществления международных операций, обладают гораздо большими шансами в использовании результатов глобализации по сравнению с малыми и средними предприятиями. В этом отношении значительная роль могла бы принадлежать государству, которое призвано облегчить доступ малым и средним предприятиям к возможностям мирового рынка.

В этой связи предлагается усилить ответственность государства в проведении соответствующей социальной политики, чтобы разделить с предприятиями расходы по повышению уровня квалификации рабочей силы и уменьшить социальные издержки приспособления национальной экономики к условиям глобализации. В условиях глобализации многие проблемы выходят за пределы национальных границ (например, борьба с преступностью, охрана окружающей среды) и потому должны учитываться при проведении любых переговоров и разработке всех направлений национальной экономической политики - налоговой, промышленной, сельскохозяйственной и т.д. Поскольку конец XX в. характерен усилением взаимозависимости, внешние границы «малой Европы»

неизбежно будут открываться, что сопряжено с определенным риском. Этот риск в первую очередь связан с тем, что новые партнеры могут и не разделять политические ценности и экономические концепции Западной Европы.

И все же границы в отдельных регионах планеты становятся не линиями раздела, а скорее мостами между государствами, этносами и вообще группами. Именно поэтому понятие государственной границы пересматривается и лишь воображение читателя позволит заглянуть в ее будущее.

§ 5. Последствия этнических конфликтов на территории РФ

Разнообразные последствия конфликтов можно условно разделить на внешние и внутренние, т.е. в соответствии с их территориальной локализацией.

Внешние привели к своеобразному переносу на территорию России последствий столкновений, распространенных во всем мире, и особенно на территории бывшего СССР. Здесь исследователи Центра демографии и экологии человека (Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН) зафиксировали влияние пяти войн, которые, по сути дела, велись на чисто этнической основе (карабахская, грузино-абхазская, таджикская, грузино-югоосетинская, приднестровская). На территории России к этническим следует отнести чеченский и осетино-ингушский конфликты. Их условно отнесем к внутренним.

Кроме вооруженных, имеющих признаки межгосударственных, также фиксируются чисто этнические столкновения, где также применяется физическое насилие, сопровождающееся взрывами, погромами, драками, поджогами домов, угоном скота, похищениями (так называемый конфликт неуправляемых эмоций).

Потери

Именно поэтому в качестве первого негативного последствия следует выделить людские потери. Эксперты считают, что число погибших и пропавших без вести на территории бывшего Союза может составить до одного миллиона человек. Разумеется, отсутствие надежных источников информации приводит, как правило, к

преувеличениям. Так, чеченская сторона определила потери российской армии за 1994-1996 гг. в 100 тыс. человек. Некоторые российские политики (Д. Рагозин, Г. Явлинский) также склоняются к подобной оценке, включая в нее и потери чеченцев¹. По официальным сведениям, потери федеральных войск составили 4,8 тыс. человек, сепаратистов - 2-3 тыс. Прямые потери мирного населения в результате конфликта составили приблизительно 30 тыс. человек. Смертность от косвенных причин (тяжелые ранения, отсутствие своевременного лечения и др.) оценивается примерно в таких же размерах.

Другими более отдаленными, но не менее тяжелыми потерями являются участвовавшие случаи отказа семей от рождения детей, особенно в зонах конфликта и на территории, куда переместились эти семьи, падение качества жизни.

М и г р а ц и я

Масштабным последствием межэтнических конфликтов является неизбежная в таких случаях миграция населения из опасных регионов. Следует заметить, что Россия стала основной страной, принимающей мигрантов. Причем пики массового приезда совпадают с наиболее острыми этническими столкновениями. Упомянутые выше эксперты РАН, в частности В. Мукомель, приводят следующие данные (табл. 4):

Таблица 4. Прибывшие в Россию, тыс. человек¹

Страна выхода	1988 г.	1989г	1990 г.	1991 г.	1992г	1993г	1994г	1995г	1996г
Азербайджан	60,0	75,9	91,4	48,0	70,0	54,7	49,5	43,4	40,3
Армения	23,1	22,5	13,7	12,0	15,8	20,8	46,5	34,1	25,4
Грузия	33,1	42,9	54,2	69,9	66,8	51,4	38,6		
Киргизия	24,0	39,0	33,7						
Молдавия	29,6	32,3	19,3						
Таджикистан	19,0	50,8	27,8	72,6	68,8	45,6	41,8	32,5	

¹ См.: Население и общество. Информационный бюллетень Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 1996. № 27.

¹ См.: Там же.

Узбекистан	66,0	84,1	104,0	69,1					

Особенно заметным был миграционный прирост титульных национальностей Закавказья. Во всех российских национальных республиках за рассматриваемый период он был только положительным. За 1994-1996 гг. порядка 15 тыс. человек мигрантов титульных национальностей Закавказья переселились в республики РФ. Это самый большой объем переселений для титульных национальностей бывших союзных республик. Тем не менее в относительном выражении это всего 7% их совокупного внешнего миграционного сальдо за эти три года. Вторыми в миграционном сальдо на территории российских республик оказались узбеки, таджики, киргизы (6 тыс. человек), и третье место занимают казахи (примерно 2 тыс. человек). Вместе с тем, несмотря на меньшие объемы притока, мигранты титульных национальностей Средней Азии и Казахстана более склонны к вселению в национальные республики России, чем титульные национальности Закавказья. За 1994-1996 гг. в республиках России сконцентрировалось соответственно 21 и 28% мигрантов титульных национальностей Средней Азии и Казахстана¹.

Своеобразной землей обетованной для мигрантов стала, например. Ростовская область, которая является одним из наиболее привлекательных регионов не только для вынужденных русскоязычных переселенцев, но и для жителей близлежащих трудоизбыточных регионов, в частности коренного населения республик Северного Кавказа и Закавказья. Именно эта часть мигрантов породила межнациональную напряженность и конфликты на всей территории области.

Например, отмечено: исторически на Дону проживают представители неславянских национальностей, которые имеют достаточно высокий уровень этнической сплоченности и плотную структуру внутриэтнических связей. В ряде случаев эти этнические группы в целом имеют более высокий социальный статус и уровень жизни, что вызывает острое недовольство коренного населения. В последние годы в область активно мигрируют жители Закавказья и Средней Азии, надеющиеся при помощи родственников закрепиться здесь на постоянное место жительства. В регионе с трудоизбыточным населением и дефицитом жилищного фонда, а в сельских районах в условиях приватизации земли это порождает социальную напряженность, быстро приобретающую межнациональный характер.

¹ См.: Борзунова Т.И., Макарова Л.В., Морозова Г.В. Республики России: этническая миграция и ее последствия. М.:ИСПИ РАН, 1997. С. 17.

Обычное появление беженцев-неславян из зон межнациональных конфликтов ассоциируется также с повышением уровня криминогенности в регионе, экспортом оружия и «конфликтной, силовой психологией».

Объективно миграция в область ориентированных на более высокие, чем у ростовчан, доходы жителей Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа привела к нехватке жилья, росту цен на продукты питания, перегрузке социально-культурной инфраструктуры, в первую очередь, общеобразовательных школ. Однако анализ социального состава этих мигрантов показывает, что они занимают социальные ниши, традиционно не привлекающие коренных ростовчан. Их основная масса сосредоточена в торговых заведениях (шашлычные, пивные, мелкие торговые лотки). Много кавказцев среди заведующих гаражами и шоферов, строительных прорабов и владельцев посреднических предприятий. Эксперты отмечают, что в этих сферах конкуренция между мигрантами из Средней Азии и кавказцами выше, чем между мигрантами и коренными ростовчанами.

В условиях общего экономического кризиса и обнищания населения процветает скупка и вывоз относительно дешевых продуктов местного производства, «рублевая интервенция», деятельность теневых, построенных по плановому принципу экономических структур, служащих значимым фактором межнациональной напряженности.

Жесткую позицию по отношению к указанной группе мигрантов занимают казачьи организации, которые изредка демонстрируют силу, выступают против представителей отдельных национальностей, действуют под лозунгами «неправовой» защиты коренного населения.

Используя низкую правовую культуру людей, казачество выступает организатором проведения сходов населения, на которых выдвигаются требования выселения лиц определенных национальностей из поселка (района, города, области). Нарушение равноправия граждан по признаку национальности осуществляется не только в форме прямых призывов к расправе с ними, но и путем морального давления - формированием негативных этнических стереотипов: использованием унижительных ярлыков, осуществлением принципа «коллективной ответственности» и др.¹.

В целях предотвращения обострения межнациональной напряженности в августе 1994 г. Законодательным собранием Ростовской области был принят Закон «О мерах по усилению контроля за миграционными процессами на территории Ростовской области», который ужесточал режим прописки. Однако некоторые исследователи (Л. Хоперская) считают, что необходимо дифференцированно подходить к различным категориям мигрантов, т.е. оказывать содействие тем предпринимателям, которые платят не только за прописку, но и за используемую ими инфраструктуру. Что касается административных запретов, то их

¹ См.: Международный проект «Урегулирование межнациональных конфликтов в постсоветском пространстве». Бюллетень. 1995. Август. С. 20-22.

эффективность представляется проблематичной из-за возможного массового подкупа местных чиновников. Результат этого - незаконное проживание десятков тысяч мигрантов - повлечет рост не только криминогенности, но и межнациональной напряженности².

Внутренняя этническая миграция (республики РФ) в 1994-1996 гг. характеризуется возрастающим оттоком русских и снижением миграционного прироста титульного населения, однако есть и исключения: из Коми, Саха (Якутия), Тыва наблюдается постоянный отток как русского, так и титульного населения. Татары, составляющие основную часть населения Башкирии, в 1994-1996 гг. сократили миграцию в эту республику. Наибольшие потери русского населения фиксируются в Якутии, Дагестане, Калмыкии, Коми, Тыве, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. Консолидация титульного населения наиболее заметна в Северной Осетии, Татарстане и Башкортостане.

Миграция в свою очередь порождает негативные тенденции в развитии межнациональных отношений, связанных с тем, что этнические общности неизбежно начинают конкурировать в областях занятости, проживания и общения. На фоне неблагоприятных экономических условий, сокращения возможностей в удовлетворении элементарных потребностей мигранты одновременно сталкиваются с потерей своих прошлых статусных характеристик. В любом случае у большинства приехавших на новое место формируются по отношению к новой среде негативное, а иногда и враждебное отношение.

В оценке последствий миграции существуют известные разногласия. Одни исследователи считают, что любое расширение межнационального общения может рассматриваться в любом случае как положительное явление, способствующее возникновению культур и утверждению интернационализированных образцов поведения. Другие исходят из того, что расширение межнациональных контактов лишь тогда ведет к оптимальному развитию межнациональных отношений, когда основывается на добровольности и не сопровождается возникновением социально-конкурсных ситуаций.

Первая точка зрения опирается на представление об этносе как довольно статичной совокупности несвязанных или слабо связанных друг с другом семей или индивидов. Действительно, при таком подходе оказывается, что чем шире контакты с представителями

² См.: Международный проект «Урегулирование межнациональных конфликтов в постсоветском пространстве». Бюллетень. 1995. Август. С. 22.

других народов, тем легче люди к ним привыкают, усваивают язык другого этноса и (или) язык межнационального общения, тем легче расстаться с элементами собственной культуры. С этой точки зрения расширение межнациональных контактов если и может иметь какие-то негативные последствия, то лишь применительно к отдельным индивидам и никак не распространяется на весь этнос или его слои. В противоположной концепции этнос рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, для которой потребность в самосохранении есть неотъемлемое свойство: устойчивость этноса обуславливается совокупностью тесных межличностных связей. Пока система сохраняет внутреннюю целостность, любое воздействие на нее, преднамеренное или непреднамеренное, могущее нарушить эту целостность, ведет к противодействию. Последнее усиливается, когда представители контактирующих национальных групп оказываются в конкурентных отношениях по поводу каких-то жизненно важных ценностей. Причем в деятельность системы обычно вовлекаются люди, которые сами по себе в конкурентные отношения не включены, и вообще не испытывают особых неудобств от внешних воздействий на этнос¹.

При всех негативных оценках миграции не следует, по-видимому, отвергать того, что миграция сокращает дистанцию между народами, она постоянно воспитывает взаимную терпимость у всех соприкасающихся этносов.

Миграционная ситуация в РФ, в частности, ее демографические последствия оцениваются исследователями диаметрально противоположно.

Так, российские демографы Л.Л. Рыбаковский и О.Д. Захарова считают, что внутрироссийские межтерриториальные миграции остаются доминирующей компонентой общемиграционной ситуации в стране (на их долю приходится около 4/5 совокупного миграционного оборота). Их развитие в целом не выходит за рамки тех основных тенденций миграционного обмена, которые начали формироваться в начале 90-х гг. Но они постепенно модифицируются под воздействием меняющихся социальных условий. Происходит снижение масштабов переселений внутри России, изменение их географической структуры. К середине 90-х гг. в межрайонных миграциях уже полностью сформировалось новое генеральное направление обмена населением —

¹ См.: Социологические исследования. 1998. № 6. С. 35

его перераспределение из районов нового освоения в старообжитые, главным образом в европейские области страны. Особенно пагубными эти изменения оказались для восточных и северных территорий. Там происходит разрушение демографического и трудового потенциалов, целенаправленно создававшихся на протяжении десятилетий, включая масштабные потери населения, адаптированного к экстремальным северным условиям, для восстановления которого потребуется не одно поколение.

И все же основным по своим последствиям и остроте проблем выступает миграционный обмен населением между Россией и новым зарубежьем. В последние годы различные факторы политического свойства стимулировали, с одной стороны, рост обычного миграционного оттока населения из бывших союзных республик в Россию; с другой — нарастание потоков принудительных мигрантов (беженцев). С 1989 г. до начала 1995 г. в Россию из нового зарубежья прибыло на 2,3 млн человек больше, чем выбыло обратно. За эти же годы Россия приняла свыше 600 тыс. беженцев. Ее население выросло почти на 3 млн человек именно за счет мигрантов и беженцев из государств нового зарубежья. Из этого числа 2,2 млн — русские. В свою очередь, русское население в новом зарубежье сократилось до 23 млн человек.

В миграционном обмене России с новым зарубежьем могут быть выделены три основные характеристики: 1) с 1994 г. абсолютно со всеми государствами Россия в миграционном обмене имеет положительное сальдо; 2) основная доля (около 80%) положительного миграционного сальдо России приходится на русских. Среди беженцев доля русских составляет две трети. Миграция русских во все страны нового зарубежья в 1989-1994 гг. последовательно сокращалась, в то время как их отток в Россию возрастал или сохранялся на неизменно высоком уровне; 3) противоположные тенденции наблюдаются в миграционной активности представителей титульных национальностей бывших союзных республик. Масштабы их выбытия из России сокращаются параллельно уменьшению их прибытия.

Новым разрушительным для России явлением в постперестроечный период стал рост масштабов эмиграции. Ныне из России эмигрируют десятки тысяч граждан. Их общее число за 1989-1994 гг. превысило 600 тыс. человек. Среди эмигрантов в основном немцы, евреи, русские. Они направляются преимущественно (90%) в США, Германию и Израиль. В составе эмигрантов — техническая и

творческая интеллигенция, высококвалифицированные рабочие. В результате Россия теряет интеллектуальный и профессиональный потенциал. Вместе с людьми вывозятся идеи, навыки К труду, производственный опыт.

Исследователи признают, что вследствие встречного процесса — иммиграции — страна получает не меньше, если не больше населения. Основную массу иммигрантов составляют нелегалы. Этому способствуют прозрачность границ, неурегулированность вопросов въезда в страну из нового и старого зарубежья, политические и иные интересы ряда соседних государств в отношении российской территории. Эта ситуация считается негативной, поскольку Россия превратилась в отстойник и перевалочную базу иммиграции. Наиболее важными последствиями иммиграции в Россию сотен тысяч граждан государств старого, а теперь и нового зарубежья являются следующие: 1) формирование условий для проникновения новых этнических диаспор, их расселения, скупки ими недвижимости в крупнейших городах и приграничных, зачастую спорных, районах страны; 2) въезд в Россию иммигрантов из стран" Юго-Восточной Азии, Африки и других слаборазвитых стран, преимущественно малообразованного и неквалифицированного населения, ухудшает ее трудовой потенциал, усиливает давление рабочей силы низкого качества на рынок труда; 3) с иммиграцией, прежде всего нелегальной, связано усиление криминогенной обстановки (разрастание объектов наркобизнеса, контрабанды, организованной преступности).

Признавая тревогу авторов за будущее России, все же следует констатировать следующее.

В о – п е р в ы х, что касается внешних мигрантов, то существует вероятность возврата многих наших соотечественников с приобретенным на Западе материальным и духовным капиталом. Нельзя исключить и ту помощь, которую они сейчас оказывают своим родственникам, оставшимся на родине.

В о – в т о р ы х, внутренние мигранты зачастую выполняют ту работу, которую коренные жители многих российских городов не могут или не хотят делать (торговля, строительство, транспорт и т.д.).

В – т р е т ь и х, временное «освобождение» регионов Севера некоренным населением означает, при всех негативных последствиях этого процесса, и одновременное оздоровление условий для проживания местного населения.

Как мы видим, последствия миграции разнообразны и неоднозначны. Считать положение, связанное с этнической миграцией, катастрофичным преждевременно, что нельзя отнести к оценке все возрастающего потенциала самих межэтнических конфликтов.

§ 1. Исследовательские подходы

Мир пронизан насилием, которое является формой и следствием конфликтов и одновременно само порождает все новые и новые конфликты. Преступность, террор, этнические и социальные столкновения служат постоянными показателями насилия, которое стимулируется, в свою очередь, слухами и средствами массовой информации, что не вызывает сомнения в долгосрочности этого феномена. Насилие давно стало правилом жизни, а институты общества, в том числе и властные, не только не подавляют насилие, но и, как это ни парадоксально, зачастую сами к нему прибегают. Какова же причина столь широкого распространения насилия в обществе? Рассматривая этот вопрос, следует исходить из амбивалентности оценки насилия и отказа как от его «демонизации», так и от преуменьшения его роли в жизни людей.

Более или менее систематически насилие начали изучать в средние века. Теологи св. А в г у с т и н, Ф о м а А к в и н с к и й пытались разъяснить прихожанам, как необходимо использовать насилие, чтобы оно не расходилось с христианскими заповедями. Войны против неверных, еретиков в том случае, если они происходят во «славу Божию», считались справедливыми («священными»). Кроме того, насилие допускалось против дьявола, чье вредительство, как было принято тогда считать, проявлялось чаще всего в поступках людей. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде причиняет физические страдания людям, насылая на них чуму, проказу, засуху, наводнения, голод и т.д. Колдун в таких случаях должен был обязательно наказан либо светской, либо духовной властями.

Насилие, связанное с уничтожением еретиков (колдунов, демонов и пр.), было широко распространено в Европе в XIII-XVIII вв.

Оно включало в себя пытки, казни, замуровывание и регулировалось юридическими нормами. Судьи предостерегались от допущения частных апелляций: последние «только утомляют судей, а еретикам дают возможность поднимать голову».

Борьба была серьезна: два почти равных существа оспаривают друг у друга господство над миром. У Бога есть ангелы и небесные полки, у дьявола — бесчисленные полчища демонов и подчиненных ему чертенят. Активность дьявольской рати увеличивала опасность, но церковь, победившая язычество, заставившая преклониться перед ее авторитетом императорскую власть, смело ринулась в бой, полагаясь на свое старое, испытанное в бою средство. Мечом и огнем должен быть уничтожен враг человеческого рода; кто за него, тот подлежит уничтожению, истреблению; пощады никому не будет, и дьявол будет изгнан из самых узких щелей, куда он проник, и из самых интимных мест, куда он засел¹.

Из светских исследователей насилия в позднем средневековье выделяется итальянец Н. М а к и а в е л л и (1469-1527; трактат «Государь» (в прежнем переводе — «Князь». — *А.Д.*). Выступая за объединение разрозненной тогда Италии под властью одного правителя, Макиавелли признавал насилие как одно из средств достижения этой цели. Умный государь должен внушать страх, а не любовь. Он обязан быть победителем независимо от того, какие методы правления выбираются (хитрость, обман, ласки, почести). «Нужно поставить дело так, что, когда люди больше не верят, можно было бы заставить их верить силой»².

Т. Г о б б с, рассматривая государство как «искусственное тело», возникшее на основе общественного договора, считал, что оно прекращает состояние разобщения и «войны всех против всех». Для того чтобы сохранить с таким трудом добытый мир и безопасность, ограничить эгоизм человеческого поведения, государь может и должен использовать все средства, в том числе и насилие³.

Право народов на насилие против правителей, нарушающих общественный договор, последовательно отстаивали французские ф и л о с о ф ы – п р о с в е т и т е л и XVIII в. Но, например, И. Кант вообще отвергал необходимость насилия, считая его аморальным актом.

¹ См.: Шпренгер Я., Институтис Г. Молот ведьм. М., 1990. С. 21.

² Макиавелли Н. Сочинения. М., 1983. С.235.

³ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1981. Т.2.

Если до середины XIX в. изучение роли насилия в жизни общества было довольно эпизодическим, то в последующие годы ему уделялось значительное внимание в связи с неустойчивой политической обстановкой, сложившейся в тогдашней Европе, и необходимостью оценки прошедших в мире революций. Во второй половине XIX в. теоретики уделяли внимание главным образом политическому аспекту насилия, рассматривая его важнейшим средством завоевания государственной власти. В своих работах О. Бланки, М. Бакунин¹, К. Маркс, Ф. Энгельс², Т. Сорель и др. утверждали, что, поскольку отношения между двумя классами носят непримиримый характер, использование насилия в борьбе против буржуазии неизбежно и необходимо.

Несмотря на некоторые расхождения во взглядах, эти исследователи считали, что в будущем антагонизм между людьми будет уничтожен и место социальной войны займет социальный мир.

Проблема насилия в марксистском учении представлялась как проблема революционного насилия (Т.И. Ойзерман). Революции рассматривались К. Марксом и Ф. Энгельсом как закономерные этапы развития антагонистического общества в эпоху, когда прогресс производительных сил сковывается устаревшими общественными отношениями производства. Таково одно из кардинальных положений материалистического понимания истории, сформулированное в их ранних работах. В основе этого общего социологического вывода лежит исторический опыт буржуазных, антифеодальных по своему содержанию, революций XVII-XIX вв.

Если переход от феодализма, в недрах которого возникает и развивается капиталистический экономический уклад, к буржуазному обществу, т.е. к господству капиталистической системы производства, был лишь ускорен в результате ряда антифеодальных революций, то переход к принципиально новому, исключаящему антагонизм производственных отношений, посткапиталистическому общественному строю вообще неосуществим без насильственных революционных действий. Так рассуждали Маркс и Энгельс, опираясь на опыт известных им антифеодальных революций. Это

¹ Бакунин М. Государство и анархия // Философия. Социология. Политика. М., 1989.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8.

обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку оно объясняет происхождение марксистской идеи насильственной революции¹.

Идея насильственной революции логически вытекала из тезиса о неизбежности конфликта между развивающимися производительными силами и отстающими от них производственными отношениями. Но теоретически вполне возможно и мирное разрешение противоречия путем постепенного трансформирования сложившихся производственных отношений в самом лоне капитализма. Следовательно, постулат о необходимости насилия для становления новой формы социальной организации жизни, поскольку он обобщает конкретные исторические факты, мог быть подвергнут частичному или даже полному пересмотру при появлении ранее неизвестных, качественно отличных от предшествующих, объективных общественных реалий. С этих методологических позиций можно проследить трансформацию воззрений Маркса и Энгельса на насильственную революцию как на средство социалистического переустройства капиталистического общества.

Первый программный документ марксизма — «Манифест Коммунистической партии» — был написан накануне революций 1848 г. во Франции и Германии.

В «Манифесте» Маркс и Энгельс так раскрывают перспективы этого исторического процесса: «Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»¹.

Однако к 60-м гг. XIX в. они отказались от идеи непрерывной революции. Уже после смерти Маркса Энгельс констатирует:

«Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения... И если мы не будем настолько безрассудны, чтобы

¹ См.: Ойзерман Т.И. К. Маркс: эволюция социологической концепции насилия // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 27.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 435.

в угоду этим партиям дать себя втянуть в уличную борьбу, то им в конце концов останется лишь одно: самим нарушить эту роковую законность»².

В.И. Ленин и его сторонники мало считались с эволюцией взглядов Маркса и Энгельса на революционное насилие. Они рассматривали главным образом функциональную сторону насилия, разрабатывали стратегию и тактику его использования в ходе борьбы за власть. Заметим, обстановка, сложившаяся после свершения Октябрьской революции 1917 г., характеризовалась жестоким столкновением больших групп населения. С целью удержания или взятия государственной власти были развязаны и «красный», и «белый» терроры. Руководители враждующих групп постоянно обвиняли друг друга в зверствах и жестокости. Большевики, считая насилие «повивальной бабкой» истории, разумеется, всячески подчеркивали ограниченность его применения.

«Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу

² Там же. Т. 22. С. 546.

влияние и пример. Надо показать практически, на примере, значение коммунизма»¹
«...Обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма...»².

Насилие по отношению к классовому врагу рассматривалось известным теоретиком и практиком тоталитарного социализма Львом Троцким не только средством революции, но и одним из методов военного строительства. По его мнению, создававшаяся Красная Армия должна выполнять две функции: внутреннюю и внешнюю. Первая состояла в том, чтобы поддерживать революционный порядок, подавлять классового врага, бороться с бандитизмом. Вторая же функция должна состоять как в защите от внешнего агрессора, так и в предоставлении помощи мировой революции. Репрессии должны применяться и для поддержки дисциплины в войсках. Поэтому нельзя вести массы на смерть, если в запасе у командования нет права на расстрел трусов и паникеров. Красноармейца, по его мнению, надо ставить между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади. Командиры и комиссары должны быть готовы применить оружие против своих подчиненных. «Отсутствие револьверов создает на фронте невозможное положение. Поддерживать дисциплину, не имея револьверов, нет возможности»³.

Фашистские теоретики, в свою очередь, оправдывали применение насилия биологическими и расистскими причинами, сталинские — «обострением» классовой борьбы.

В послевоенный период советские исследователи рассматривали насилие в рамках теории революции (Ю. Красин), в аспекте критики западных концепций (В. Денисов), а также соотношения морали и

¹ В.И.Ленин . Полн. Собр. Соч. Т.42. С.75.

² Там же. Т.39. С.355.

³ Из телеграммы В.И.Ленину // Независимая газета. 1999. 23 февр.

политики (А. Титаренко)¹.

Западные специалисты давно обращали внимание на необходимость адекватно определить роль насилия в жизни общества. Еще М. Вебер подробно обосновал функцию насилия для исполнения государственных обязанностей. Несколько работ по той же теме можно обнаружить у В. Парето, Г. Моска, П. Сорокина².

Во второй половине XX в. на Западе сложилась самостоятельная научная дисциплина валеинсология, изучающая насилие, с отдельными направлениями: социологическим, психологическим, юридическим, международным. В последние годы появились основательные работы и по проблемам вооруженного терроризма (И. Александер, П. Уилкинсон).

Из современных российских исследователей заметно выделяется И. Залысин, опубликовавший несколько работ, посвященных одному из видов насилия — политическому.

Автор определяет насилие как физическое принуждение, используемое для навязывания своей воли субъекту с какими-либо целями (власть, ресурсы и т.д.). Спорность такого определения видна из невозможности выделения других видов насилия (например, информационного), где физическое принуждение не очевидно³. Именно поэтому обратимся к выяснению смысла этого феномена.

§ 2. Понятие насилия

Существует множество понятий насилия, которые разрабатываются многими исследователями. Это относится к представителям психологической теории агрессии, этики, уголовного права, теории государства, многочисленных философских произведений. В ходе систематизации этих понятий вырисовываются две основные группы, где преобладающими являются либо физически-психологические, либо всеохватывающие структурные характеристики. Использование любого из понятий этих двух групп при анализе процессов насилия кажется недостаточным.

¹ См.: Денисов В.В. Социология насилия. М., 1975; Титаренко А.И. Мораль и политика. М., 1969.

² См.: Сорокин П. Социология революции. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

³ См.: Залысин И.Ю. Политическое насилие (теоретико-методологический анализ). Автореф. Дис....д-ра полит. наук. М., 1995.

Так, психологи трактуют насилие как беспричинную, импульсивную, иррациональную, неумеренную агрессию¹.

Определения подобного рода, несомненно, являются неполными и спорными: они зачастую различны, не охватывают содержание понятия во всей его полноте. Они скорее идентифицируют конкретный вид насилия, который необходимо понять и признать как факт.

Правоведы и политологи понимают насилие в основном как государственное действие (опирающееся на право и ограниченное правом) и как действие, направленное на намеренное нанесение ущерба². Эти определения кажутся недостаточными. Поэтому в настоящее время обществоведами ведется поиск третьего понятия насилия, которое было бы более операциональным и точным. Таковым сегодня считается понятие так называемого системного насилия, которое показывает место насилия в социальной системе средствами социологической теории.

Если идти по пути, указанному основоположником структурно-функционального направления Т. Парсонсом, то можно предположить, что носителем насилия является сама социальная система. Продолжая эту линию, мы отнесем к социальной системе систему коммуникаций (Н. Луман), которая доступна наблюдателю лишь через действие. Коммуникация сама управляет собой и при помощи асимметризации воспроизводит себя. Тогда насилие *можно рассматривать как коммуникацию действий или реакцию на действия*. Словом, *насилие встроено в систему общества и само является не чем иным, как системой*. Данное определение насилия более подходит и для того, чтобы связать применение насилия с его интерпретацией средствами массовой информации.

Так, в системе напряженного взаимодействия людей любое энергичное введение информации в некоторое действие при определенных обстоятельствах может либо обострить (например, призыв к неповиновению, навешивание ярлыка оппоненту, оскорбление), либо разрядить (готовность к компромиссу жест покорности, шутка и пр.) чреватую насилием ситуацию. В экономике, науке, искусстве, религии коммуникация осуществляется, как правило, без применения насилия. В политической подсистеме наблюдается

¹ См.: International Social Science Journal. 1992. № 132. P. 193.

² См.: Политология: Энциклопедический словарь. 1993. С. 191.

несколько иная ситуация. Здесь очевидна постоянная угроза применения насилия. Одновременно власть ищет пути для своей легитимизации не через приведение в действие угрозы насилия, а через коммуникацию. Именно поэтому политическая подсистема оказывается восприимчивой к предложениям легитимизации, сформулированной обществом, отклоняющим монополизацию насилия и направляющим внимание на другие «государственные задачи». Таким образом, право ставит на место насилия аргументацию, экономическая система — артикуляцию интересов, культура — моральные нормы.

§ 3. Нелегальные и легальные формы насилия

Известно, что каждый вид насилия имеет персональную и институциональную формы, которые в реальной жизни трудно отделить друг от друга. Скажем, физически-психологический вид насилия может быть представлен как личный (убийство, увечья, драка, изнасилование, пощечина) и как институциональный (ранение и убийство во время теракта, войны).

Анализ сложившейся ситуации в мире показывает, что юридический контроль за проявлением насилия в любой форме малоэффективен. Насилие сыграло и продолжает играть существенную роль в процессах образования военных блоков, завоеваниях, сохранении различных форм государственности, политических, социальных, экономических революциях, восстаниях и в процессе реализации господствующими структурами различных, в том числе и репрессивных стратегий. Насилие нередко оказывается и историческим условием мира.

Насилие же внутри общества допускалось только в форме санкций по отношению к злостным нарушителям существующих норм. Ныне оно рассматривается как одна из обязанностей, которая может быть оправдана только давлением чрезвычайных обстоятельств. В то же время развилась идея полного отказа от насилия. Для политика последнее положение обычно не имеет реального смысла, поэтому ненасилие не может быть максимой его деятельности. Скорее оно становится целью (достижение мира), никогда не исключаящей полностью применения насилия.

Оправдание господствующего насилия не тождественно его легитимации. Оправдание же насилия, направленного против

господствующих отношений, — принципиально сложный процесс, так как в данном случае должна быть доказана нелегитимность существующей системы господства.

В этой связи заметим, что существует различие между восстанием, государственным переворотом и революцией. Восстание и государственный переворот в отличие от революции имеют ограниченную цель - устранение незаконного (либо не соответствующего поставленным целям) господства. При этом не ставятся под сомнение основные формы политической системы, социальные неполитические структуры. Легитимной основой насилия выступает в данном случае право на сопротивление.

Высокая степень концентрации власти у какой-либо группы всегда порождает недовольство у групп, отстраненных от власти и распределения. Если эти группы не имеют возможности изменить ситуацию легальными способами, они могут прибегнуть к конфронтации и, возможно, к экстремизму.

В свою очередь авторитарное государство часто прибегает к крайним формам регулирования («насилие сверху»).

Очевидно, что в условиях развитой демократии значительно сокращается основа насильственной власти. Однако никакая демократия отнюдь не имеет иммунитета против применения политического насилия. Время от времени в политической жизни демократических государств происходят острые конфликты, в ходе которых оно и применяется. Исходя из оценки своих интересов, эти страны применяют силу, в том числе и вооруженную. Так, страны НАТО весной — летом 1999 г. подвергли бомбардировкам территорию Югославии.

Оправдание насилия во внутривластной деятельности объясняется следующими причинами. В о – п е р в ы х, тем, что любая форма властных отношений предполагает асимметричность, неравенство. Поэтому даже в условиях демократии объекты власти испытывают определенную отстраненность (отчуждение) от властвующих структур, исходящую из различия их интересов. В о – в т о р ы х, бюрократизация системы управления, характерная для современных развитых государств, усиливает чувство незащитности у рядовых граждан, неверие в то, что они могут защитить свои интересы легальным путем. В – т р е т ь и х, инерционность политических

институтов., включая демократические, не всегда позволяет им вовремя адаптироваться к требованиям новых социально мобильных групп, что вынуждает последних обращаться к экстремистским средствам решения своих проблем.

§ 4. Насилие: российская специфика¹

В современном российском обществе насилие хотя и осуждается, но одновременно пронизывает все его поры. Преступность, террор, этнические и социальные конфликты служат постоянными индикаторами насилия. Оно стало правилом во взаимоотношениях части общества.

Одна из причин такой ситуации в специфике прошлой и нынешней социальной структуры, политических традициях России, ее национальной культуре.

И с т о к и

Как уже известно читателю, общественные группы руководствуются в своих действиях интересами, которые определяются их местом в социальной структуре общества. Социальная структура России до Октябрьской революции 1917 г. отличалась двумя особенностями, которые благоприятствовали активному использованию насилия во взаимоотношениях между общественными группами.

С о д н о й с т о р о н ы, крайней поляризованностью высших и низших слоев общества. Их образ и качество жизни, объем социальных благ (власть, престиж, богатство) были абсолютно несовместимы, они жили словно в разных мирах. Н.А. Бердяев писал: «Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в Петровской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX в. и даже от века грядущего, до XXI века»¹. Вопиющее неравенство социальных

¹ Параграф подготовлен с использованием материала И.Ю.Залысина

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 13.

групп не могло не вызвать отчуждения между ними, чувства взаимного недоверия и ненависти, а у части образованных слоев — вины и ожидания неизбежной расплаты. Известный русский религиозный философ Г.П. Федотов отмечал: «Со времени европеизации высших слоев русского общества дворянство видело в народе дикаря, хотя бы и невинного, как дикарь Руссо; народ смотрел на господ как на вероотступников и полунемцев»². Взаимное отчуждение создавало грозный потенциал взрыва, социальных потрясений, которые периодически выливались в восстания, бунты и, наконец, в революции 1917 г.

С д р у г о й с т о р о н ы, социальная структура традиционного российского общества была архаичной, характеризовалась неразвитостью классовых отношений. Все социальные группы России (особенно с XVI до начала XIX в.) находились в рабской или полурабской зависимости от самодержавия, распоряжавшегося их судьбами, определявшего их социальное положение.

Русские цари в традициях восточного деспотизма относились к стране как к своей вотчине. Государь мог отобрать землю у бояр, помещики до второй половины XVIII в. принуждались к государственной службе, их могли лишить дворянского звания. Контроль был установлен и над буржуазией. Со времени царствования Петра I государство было фактически собственником промышленных предприятий — устанавливало цену на их продукцию. Казна также заставляла купцов продавать товар по твердым ценам, а сама перепродавала их по рыночным.

В итоге самодержавие препятствовало формированию самостоятельных, осознающих свои интересы, организованных общественных групп.

Социальная зависимость всех основных сословий России, их неразвитость, неспособность к серьезному сопротивлению создавали благоприятную почву для государственного произвола, насилия. Отсутствие независимого, экономически сильного среднего класса лишило российское общество слоя, способного уравновешивать социальные противоречия между группами, находящимися на флангах социальной структуры.

² Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 128.

Основные общественные группы дореволюционной России проявляли готовность к политической активности, в том числе в насильственной форме, главным образом лишь в периоды изменений, которые носили открыто взрывной характер в силу консерватизма, закрытости социальной структуры. Следовательно, реакция социальных групп могла быть более энергичной, агрессивной, насильственной. Так и случилось.

Снижение социального статуса титулованного боярства и восхождение помещиков в ходе опричнины вылилось в многочисленные акты насилия: «В XVI в. смена княжеского боярства худородным поместным классом приняла характер насильственной революции, поколебавшей самые устои Московского царства»¹. Закрепощение вольных людей, прежде всего крестьянства, в XVI-XVII вв. также привело к резкому ухудшению социального положения ряда общественных групп, что стало одним из источников насильственных конфликтов, смуты.

Радикальные реформы Петра I обусловили глубокие сдвиги в социальной структуре российского общества. Они подняли на вершину иерархической лестницы новые слои служилых людей, не имевших знатного происхождения. Их восходящая мобильность сопровождалась ослаблением позиции традиционной знати, которая попыталась добиться реванша после смерти Петра в «эпоху переворотов» середины XVIII в.

Реформы Александра II, надломившие бюрократический строй, были осуществлены в значительно более мягкой форме, чем петровские. Однако и они вызвали большие социальные перемещения, ввергшие Россию в неравновесное состояние. Появление разночинной интеллигенции с ее социальными амбициями, противоречивость положения крестьянства после реформы 1861 г. не могли не вылиться в социальные катаклизмы, народнический терроризм и последовавшую за ними реакцию.

Глубокие стратификационные сдвиги предшествовали и революционным потрясениям начала XX в. С одной стороны, возросли численность и экономическая роль классов, порожденных быстрой индустриализацией России (пролетариат, промышленная буржуазия). С другой — их возможности влиять на властные отношения остались весьма ограниченными. Статусная несовместимость отличала

¹ Федотов Г.П. Указ. соч. Т. 1. С. 137.

положение и других общественных групп: крестьянства («освобождение» при нехватке земли); интеллигенции (высокое образование и политическое бесправие); дворянства (принадлежность к престижному сословию и сложное материальное положение) и т.д.

Политическая история многих стран показывает, что столь кричащие несовпадения отдельных позиций в рамках совокупного статуса социальных групп часто являются источником политического насилия. Беспорядки начала XX в. не стали исключением: основные группы дореволюционной России, будучи деформированными и слабыми, проявляли социальную активность, сопровождавшуюся насилием, лишь в периоды выхода общественной системы из состояния равновесия (поражение в войне с Японией). Вместе с тем сословная несовместимость создавала конфликтогенный потенциал насилия, смуты, который окрашивал политическую жизнь России в течение многих десятилетий.

Специфические черты традиционной социальной структуры были унаследованы российским обществом после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. Хотя социальная структура стала более мобильной, условия жизни и социальное положение новых лидеров коренным образом отличались от статуса рядовых граждан. Несмотря на массивную идеологическую обработку, низшие слои советского общества всегда в той или иной степени ощущали несовместимость своих интересов с интересами номенклатуры, не доверяли ей, особенно на этапе разложения тоталитарного режима.

Как и в дореволюционной России, в советское время социальные группы находились в зависимости от государственной власти. Все они рассматривались служащими государства (коммунистической партии), находящимися в полном его распоряжении. При Сталине насильственному социальному перемещению мог быть подвергнут любой человек, в том числе и представитель партократии.

Ослабление репрессий с конца 50-х гг. повысило социальную безопасность номенклатуры, но мало коснулось статуса государства; отсутствие собственности и возможностей для социальной самостоятельности обусловили пассивное отношение низших слоев общества к государственному насилию. Однако экономическая слабость основных социальных групп советского общества имела и оборотную сторону. Приученные к иждивенчеству, социальные низы способны на самые отчаянные действия, когда их лишают государственной кормушки, «гарантированного» минимума.

Грубое вмешательство государства в социальные процессы привело к сосредоточению в городах значительной массы людей, близких по своей психологии к маргинальной прослойке. Отсутствие прочных социальных связей, беспочвенность способствует крайней противоречивости их поведения, в том числе и готовности последовать за экстремистскими призывами.

Следует отметить, что социальное неравенство в СССР дополнялось этническим. Этнические проблемы, искусственно загоняемые внутрь репрессивной политикой, представляли собой мощную «мину» замедленного действия, которая взорвалась в конце 80-х — начале 90-х гг.

Воздействие традиций

Немалую роль в широком распространении насилия сыграли и *политические традиции*. Абсолютистский режим, существовавший в России на протяжении веков, не предполагал наличия каких-либо легальных каналов, которые позволяли бы влиять на властные отношения мирными средствами. Отсюда главным способом защиты политических интересов становится политическое насилие: репрессии, перевороты, восстания.

На этапе феодальной раздробленности насилие было связано с существованием нескольких центров власти, конкуренцией между ними. Вооруженная борьба между княжествами на Руси обострялась отсутствием четкого порядка престолонаследия на великое княжение.

Утверждение централизованного государства со столицей в Москве (середина XV— середина XVII в.) сопровождалось подавлением самостоятельности других княжеств, регионов (например, жесточайший разгром феодальной республики в Новгороде и т.д.). По мнению Г.П. Федотова, «само собрание уделов совершалось восточными методами, не похожими на одновременный процесс ликвидации западного феодализма... Русь становится мощной Московией, однообразной территорией централизованной власти:

естественная предпосылка для деспотизма»¹. Российское централизованное государство отличалось мощным военно-полицейским репрессивным аппаратом. Отсюда полное политическое бесправие российских сословий. Для того чтобы держать их под постоянным контролем, была создана система политического сыска. Соборное уложение 1649 г. не проводило различия между преступными намерениями и преступлением. Семьи изменников, в том числе малолетние дети, подлежали смерти, если не доносили властям о затеваемом преступлении.

Петр I создал Преображенский приказ, который занимался расследованием политических преступлений. Его деятельность была окружена секретностью, и даже Сенат не мог вмешиваться в нее. В застенках приказа были подвергнуты пыткам и убиты тысячи людей.

После периода «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, когда дворянство получило некоторые права и свободы, вновь произошло ужесточение режима. При Николае I было создано так называемое III Отделение, которое совместно с корпусом жандармов осуществляло политическую слежку, оплачивая услуги множества соглядатаев. Ужесточилась и цензура. Согласно Уложению 1845 г., не только Попытки изменить существующий государственный строй и порядок управления, но и сама постановка вопроса об этом являлась тягчайшим преступлением.

До 1864 г. Россия не имела независимой системы судопроизводства. Юстиция представляла собой ответвление административной системы. Это лишало подданных Российской империи юридической защиты от произвола.

Либеральные реформы 1860-1870-х гг. сменились реакцией при Александре III. Министерство внутренних дел, генерал-губернаторы получили чрезвычайные полномочия в борьбе с оппозицией.

Будучи до определенного времени эффективной, политическая система полицейского государства становилась затем все более косной, консервативной. Нежелание правящей элиты идти на серьезные политические реформы, которые позволили бы оппозиционным организациям участвовать в легальном политическом процессе, озлобляло многих, подталкивало к экстремистским действиям.

Запоздалые, половинчатые политические уступки самодержавия в начале XX в. лишь ослабили правящий режим. Разгоны нескольких

¹ Федотов Г.П. Указ. соч. Т. 2. С. 282.

созывов Государственной думы подорвали не только доверие к царю и правительству, но и уважение к представительной власти. Это укрепляло позиции крайних политических сил, делавших ставку на насилие.

Отсутствие глубоко укоренившихся и развитых демократических механизмов и процедур с необходимостью предопределило замену авторитарного режима царя после Февральской революции 1917 г., но не на демократию, а в конечном итоге на советский тоталитаризм.

Масштабы политического насилия значительно возросли, террор и репрессии были возведены в ранг государственной политики. Это объясняется в первую очередь стремлением подавить сопротивление своих противников, ликвидировать любую возможную оппозицию. С помощью насилия предполагалось компенсировать неразвитость объективных предпосылок для радикальных социальных преобразований. Вдобавок, насилие исходило из постулатов «пролетарской идеологии» (апология диктатуры пролетариата, неверие в демократию и т.д.).

Очевидно, что политическая практика эффективного (с точки зрения стабильности) тоталитарного режима сформировала в массовом сознании убеждение в том, что насилие — самый простой и короткий путь к достижению целей («Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы»).

Распространенность насилия в политической истории России обуславливалась и *социокультурными традициями*. Заметим, что на ценностно-нормативную систему общества значительное влияние оказывала этническая психология. Как показывает мировой опыт, она может либо способствовать, либо препятствовать распространению насилия в социальной жизни.

Что касается русского национального характера, то, по мнению многих исследователей, его отличает заметная противоречивость. Например, Н.А. Бердяев отмечал, что «для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал»¹. Многие исследователи писали о дуализме, присущем русской душе.

С одной стороны, русские проявляют на протяжении своей истории удивительную пассивность, терпение, конформизм по отношению к деспотическим режимам, сменявшим друг друга, а с

¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 15.

другой — русские отличаются страстностью, стремлением к абсолютному совершенству. Русский человек словно не признает середины. Выдающийся русский философ Н.О. Лосский отмечал у русских недостаток внимания к «средней области культуры»². Если они во что-то верят, то готовы отдать этому себя без остатка.

Фанатизм веры в русской душе зачастую сочетается с неприемлемостью чужих взглядов, отсюда и возникает ненависть к инакомыслящим и последовательная борьба против них.

Вера в свою собственную миссию, нетерпимость к инакомыслящим, как правило, ведут к жестокости, насилию. Так, Лосский писал, что в русской жизни было немало проявлений жестокости.

Утрата веры в определенные идеалы приводит к бунтам против всего того, во что человек верил еще вчера. Если русский человек «усомнится в абсолютном идеале, то он может прийти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему; он способен прийти от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта»³. О том же свидетельствует и Г.П. Федотов: «Когда становится невмочь, когда «чаша народного горя с краями полна», тогда народ разгибает спину: бьет, грабит, мстит своим притеснителям - пока сердце не отойдет... Бунт есть необходимый политический катарсис для московского самодержавия, исток застоявшихся, не поддающихся дисциплинированию сил и страстей»⁴.

Таковыми были крестьянские бунты — стихийные, жестокие, лишённые каких-либо четких политических целей и перспектив. Это были бунты не во имя свободы, а во имя воли, понимаемой как анархическая освобожденность от всех обязанностей, некий разгул души.

Крушение системы ценностей, ядром которой были «вера, царь и отечество», привело к самому разрушительному бунту русского народа в XX в., который позволил большевикам прийти к власти. Как всегда в истории России, крестьянство не получило от бунта ничего, кроме истребления помещиков. Однако позднее большевикам путем террора и умелой пропаганды удалось сформировать в массе своей лояльное население, которому привили веру в новый абсолют — «светлое коммунистическое будущее».

² Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С.333.

³ Там же. С. 243-244.

⁴ Федотов Г.П. Указ. Соч. Т.2 С.287.

Современные черты

Сегодняшняя Россия вновь сталкивается с серьезным социально-экономическим, политическим и духовным кризисом, который чреват острыми насильственными конфликтами. Переход от одного режима к другому всегда связан с определенным политическим хаосом, переоценкой ценностей. Аналогичный процесс наблюдается и в нашей стране. Пока он проходит относительно мирно (за исключением событий 1991 и 1993 г.). Чем это объясняется?

На политические события в России последнего времени оказывают влияние противоречивые факторы отечественной истории, в частности, усталость и страх повторения революции. Относительно бескровный характер трансформации российского общества объясняется также преобладающим воздействием консервативности политического сознания (пассивность, недоверие к политикам, апатия). Политическую активность проявляет пока лишь часть населения, в основном в Москве и Петербурге. Желание принять участие в массовых выступлениях против руководства страны, как правило, изъявляет лишь меньшинство населения.

Это объясняется тем, что население постепенно адаптируется к результатам экономической реформы, проявляя больший интерес к проблемам материального обеспечения, чем к политике.

Определенным сдерживающим фактором являются трагические последствия гражданской войны и прошлых репрессий, правда о которых стала известной в последние годы.

Однако наряду с факторами, препятствующими политическому насилию, в современной России происходят определенные процессы, которые содержат опасный потенциал вооруженного противоборства.

Прежде всего отметим, что в социальной структуре произошли серьезные сдвиги, нарушившие относительное равновесие. Значительно снизился объем социальных благ у большей части населения страны. Реальное потребление за годы экономической реформы снизилось до уровня 50-60-х гг. При этом разрыв доходов между бедными и богатыми оказался чрезвычайно опасным. Углубление социальной дифференциации является наиболее мощным фактором социальной агрессии в России, где в массовом сознании всегда жила идея социальной справедливости, зачастую понимаемой как полное равенство людей.

Предпосылкой политического насилия является также хаос в управлении, характерный для периода перехода от тоталитарного режима. В это время органы государственной власти слабо контролируют политическую ситуацию, так как старые механизмы контроля разрушены, а новые еще не дееспособны. Расползание по стране оружия, волна преступности, отсутствие надлежащих мер против экстремистских организаций (фашистских, националистических) — все эти признаки современной политической реальности свидетельствуют о благоприятной почве для насилия.

Смена политических элит, которая произошла в России в начале 90-х гг., привела к острому противоборству не только между «победителями» (новой бюрократией) и «побежденными» (старая партократия), но и внутри правящей элиты, так как, по мнению ученых, нынешние элитные структуры строятся на основе клановости, групповщины.

В силу неразвитости классовых отношений в России политические группировки зачастую создаются не на основе общих социальных интересов, а личных симпатий и антипатий. Это усиливает эмоциональный характер столкновений между ними, делает их мало-предсказуемыми.

Отсутствие опыта деятельности в условиях развитой демократии, неумение пользоваться ее институтами и процедурами приводят к тому, что возникающие конфликты политических элит в наши дни часто решаются нецивилизованными методами (например, война в Чечне и т.д.). Когда Россия стала переходить к демократическому правлению, авторитарные методы госаппарата не подвергались адекватной трансформации ни посредством реформ, ни путем конкурсных выборов, ни с помощью свободных средств массовой информации. Самый же неутешительный вывод заключается в ослаблении юридического контроля за проявлением насилия. В частности, новый строй фактически потерпел полное фиаско в деле соблюдения общественного порядка и защиты основных прав граждан.

Россия, за последние годы прошедшая большой путь к демократии, по-прежнему упорно сохраняет как легальные (использование принуждения в законном, институциональном порядке), так и незаконные формы насилия.

Ситуация останется крайне неблагоприятной до тех пор, пока власть полностью и публично не откажется от нелегального использования собственной силы в политической борьбе и признает

незаконными все случаи такого использования не только в прежние времена, но и за последние годы. Это было бы чрезвычайно важным шагом для выживания молодой демократии.

И все же заметим, что в обществе пока не существует вполне эффективных способов устранения насилия, связанного с неравенством больших социальных групп. В то же время многие насильственные методы разрешения конфликтов могут быть исключены или по крайней мере ограничены.

§ 5. Международные конфликты

Мы уже знаем, что по теории С. Хантингтона, директора института стратегических исследований при Гарвардском университете, ныне конфликты все более определяются не идеологиями, а цивилизационными столкновениями. Согласно Хантингтону, следующая мировая война наверняка будет войной цивилизаций.

В новых условиях одна из цивилизаций — западная значительно поменяла методы, но не отказалась от намерений установить свое доминирующее влияние. Либералы — назовем их так условно — противятся формированию новых империй, они полагают, что нет необходимости в военной оккупации какой-либо страны для приведения последней к послушанию. Тем не менее крупные мировые пространства приведены ими к покорности путем угрозы военной интервенции, разумеется, в сочетании с другими методами давления. Когда противники истощены экономически, разъединены политически, достаточно угрозы применения санкций. Если эти методы не достигают целей — вооруженная агрессия из гипотетической возможности становится реальностью.

Всего несколько лет тому назад ситуация в мире была относительно стабильной, что объяснялось биполярностью и равновесием сил двух великих держав. После развала СССР для США и их союзников возникла чрезвычайно благоприятная ситуация для удовлетворения собственных своекорыстных интересов без применения силы.

Однако при определенных условиях страны НАТО, преследуя свои геополитические цели, без колебания применяют и вооруженное насилие (Югославский кризис 1999 г.).

Возникают естественные вопросы: исключено ли в будущем насилие со стороны Запада в отношении стран СНГ и против России в частности? И если оно реально, то в какой форме может осуществиться?

Естественно, возможно. И важное значение в гипотетическом применении силы против России имеет использование средств массовой информации. Известно, что плюрализм мнений в западных масс-медиа в случае необходимости осуществления силовых приемов против противника сменяется удивительным единомыслием.

Концентрация силы в рамках развитых стран Запада беспрецедентна в мировой истории. Однако шансы ее массированного применения не так уж велики. Дело, отчасти, в том, что ее возможное применение в случае конфликта не имеет достаточного морального основания, поскольку многим очевидно, что речь идет о доминации, контроле пространств и циничном грабеже.

В то же время наиболее развитые государства Запада исключительно быстро тратят собственные сырьевые и другие природные ресурсы. Вследствие высокого уровня жизни населения труд стал непомерно дорогим, рынок неадекватно узким. Острой проблемой становится и складирование растущего количества радиоактивных и других отходов, которые не должны, по мнению экспертов, угрожать жизни и здоровью североамериканцев и европейцев. Ради сохранения высоких темпов роста и расточительного образа жизни им необходимы чужие пространства, контроль над которыми требует огромной мощи, многократно превышающей силу потенциального противника.

США и Западная Европа имеют ряд преимуществ перед любым государственно-территориальным образованием на территории бывшего СССР, связанные с тем, что они имеют капитал, достаточный для того, чтобы избежать чрезмерных жертв в случае вооруженных столкновений путем обычной в таких случаях покупки национальных элит, их отдельных представителей: экспертов, дипломатов, журналистов и др.

И все же отметим, что в возможном силовом конфликте для США и Западной Европы существует известный предел морального и политического порядка, через который руководители этих стран не могут перешагнуть — гибель собственных солдат.

Кроме того, время бесспорной гегемонии США не бесконечно. В XXI в. некоторые страны или группы стран обязательно поставят их

господство под вопрос. Западная Европа, Китай, Япония — первые кандидаты на лидерство. При определенных условиях возможна стабилизация положения и в России. Кроме того, не следует недооценивать, как впрочем и преувеличивать, внутренние слабости мирового гегемона (элементы социальной дезинтеграции, преступность, беззаконие, изменение демографического состава и т.п.).

В этих условиях реальное или декларируемое вхождение в союз с другими державами и решительное сопротивление угрозам насилия может в какой-то степени изменить ситуацию.

Предупреждение конфликта

Глава 10

§ 1. Общие положения

Не всегда конфликты можно однозначно трактовать в качестве положительного или отрицательного явления. В то же время очевидно, что конфликты, наносящие непоправимый ущерб людям и природе, конфликты, связанные с насилием, должны быть ограничены или, еще лучше, предупреждены. Последний акт, конечно, более разумен и полезен со всех точек зрения, чем прекращение или разрешение конфликта, уже имеющего место. Поэтому именно на предупреждение конфликтов направлены значительные усилия как общественных, так и государственных институтов. В основном это связано с межгосударственными и криминальными конфликтами, угрожающими жизни, здоровью, имуществу граждан, общественным интересам и ценностям. В 90-е гг. в нашей стране и в некоторых других странах (США, Индии, Испании) стали обращать серьезное внимание именно на предупреждение этнических конфликтов.

Предупреждению межгосударственных конфликтов постоянно уделяют внимание такие органы мирового сообщества, как Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН, а также региональные военно-политические организации (НАТО и др.).

Нельзя не отметить, что эффективность предупреждения конфликтов межгосударственных и этнических, к сожалению, невелика. Объясняется это, главным образом, тем, что проблема постороннего вмешательства в конфликт на его латентной стадии, а тем более ранней, встречает препятствия.

С о д н о й с т о р о н ы, такое вмешательство (а при раннем предупреждении — даже «предвмешательство») социально полезно, часто необходимо и, во всяком случае, более продуктивно, чем бесстрастное ожидание развязки. Достаточно вспомнить историю возникновения Второй мировой войны, чтобы убедиться в справедливости этого вывода. Такое вмешательство может оказаться нелегитимным, если его не поддерживают обе стороны не только внутри «конфликтогенной» страны (Югославия), но и вовне. Так, в марте 1999 г. вооруженные силы стран НАТО воздействовали на одну

из сторон межэтнического конфликта (сербы), это вызвало негативную реакцию России, Китая, Индии.

С другой стороны, конфликт нередко рассматривается (и не без основания) как частное дело сторон. Считается, что с позиций гуманизма и невмешательства в чужие дела навязывать свое решение, а тем более принуждать стороны к согласию или определенному поведению неэтично и неправомерно. Поэтому и получается, что вмешательство в конфликт (а предупреждение — одна из форм вмешательства) возможно и эффективно только тогда, когда конфликт перерастает рамки личных (групповых) отношений и становится значительным общественно значимым событием, затрагивающим жизненные интересы других групп (беженцы, экология, катастрофы и т.д.).

Предупреждение конфликта заключается в первую очередь в воздействии на все или некоторые его элементы до того, как открытое противостояние возникло. Поэтому в зависимости от причин и характера конфликта предупредительная деятельность может быть весьма разнообразной. Остановимся на некоторых ее аспектах.

§ 2. Устранение причин конфликта

Наиболее эффективной формой предупреждения конфликта является устранение его причин. Деятельность по предупреждению разнообразна и многоуровневая.

На общесоциальном уровне речь идет о выявлении и устранении крупных экономических, социальных и политических факторов, дезорганизирующих общественную и политическую жизнь. Перекосы в экономике, резкий разрыв в уровне и качестве жизни больших групп и слоев населения, политическая неустроенность, неорганизованность и неэффективность системы управления — все это служит постоянным источником крупных и мелких, внутренних и внешних конфликтов. Предупреждение их предполагает последовательное проведение социальной, экономической, культурной политики в интересах всего общества, укрепление правопорядка и законности, повышение

духовной культуры людей. Условно назовем его «общим», или «общенациональным», предупреждением любых негативных явлений в обществе, в том числе и конфликтных ситуаций. Для его планомерного осуществления нужна продуманная государственная стратегия развития, пользующаяся массовой поддержкой населения.

Однако было бы иллюзией считать, что на таком уровне существуют вполне эффективные способы полного устранения конфликтов, связанных с неравенством больших социальных групп. А как показывает история человечества, социальное неравенство постоянно воспроизводится. Периодически повторяющиеся революции значительно меняют типы, формы и методы осуществления неравенства, однако устранить его в принципе не в состоянии. В любом обществе всегда существовал и, видимо, будет существовать конфликт интересов между различными социальными группами, хотя бы из-за права обладать и (или) распоряжаться жизненно важными ресурсами, которые ограничены. Представляется постоянным и стремление изменить формы и виды собственности.

Здесь обычно возникает сложная проблема справедливости и несправедливости — нормативные понятия морали, играющие большую роль в возникновении любого конфликта.

Эти понятия конкретно-исторические, их содержание менялось на протяжении веков. В основе современного подхода лежат два принципа — равенство (по закону) и пропорциональность (по заслугам). Ныне социально справедливым принято считать то общество, в котором люди имеют равные условия для реализации своих различных способностей; а также существует объективный, а не уравнилельный подход к оценке результатов деятельности каждого («справедливое неравенство»).

Но в оценке этого явления различные группы населения имеют специфические, чаще всего расходящиеся с общими («усредненными») позиции. И пока будут существовать «группы по интересам», будет актуальна и проблема социальной справедливости. По-видимому, преодоление несправедливости — процесс, не имеющий конца.

И все же существенное значение имеют попытки изменить существующие ценностные ориентации населения в направлении повышения уважения к личности, укрепления доверия к государству, борьбы с насилием, с нетерпимостью к чужим мнениям. Толерантность, плюрализм мнений, гласность — относительно новые явления в нашем обществе, они еще не вошли органически в его

«плоть и кровь». Тем более актуальны попытки преодолеть кризис, изжить «субкультуру насилия», характерную для многих слоев населения, уважать и защищать права человека, его законные интересы.

Возможности устранения причин конфликтов существенно ограничиваются культурным уровнем населения, растущей социальной поляризацией, сохранением отчуждения и другими не менее важными обстоятельствами.

Формы проявления социальных конфликтов конкретны, они зависят от исторических и культурных традиций, организации общества, соотношения сил социальных групп, особенно крупных. При всех возможных отрицательных моментах социальный конфликт, как отмечалось, несомненно обладает и созидательной энергией, которая чаще всего проявляется не только в ходе, но и в результате конфликта. Это утверждение при некоторых оговорках применимо и к анализу различных противоборствующих сторон в современной России.

Необходимость анализа

В целях предупреждения многочисленных конфликтов, возникающих в общественной жизни, необходимо выявление и изучение их причин, чему должно способствовать развитие конфликтологических исследований. Каждый конфликт на производстве, в быту, сфере досуга возникает по конкретным причинам и при определенных условиях. Это конкретное обычно отражает более общие проблемы и противоречия той или иной сферы жизни. Поэтому анализ и объяснение объективных причин возникновения наиболее распространенных случаев и последующее обобщение данных может сыграть важную роль в определении круга социальных проблем, нуждающихся в безотлагательном решении, — экономических, политических, социальных. Психологические исследования, изучение общественного мнения, массового настроения также дают существенные результаты для определения направленности усилий социальных институтов и властных структур.

В психологическом, индивидуальном плане устранение причин конфликта тесно связано с воздействием на мотивацию участников и предполагает выдвижение контрмотивов, которые заблокировали бы первоначальные агрессивные намерения конфликтующих участников.

Особо важное значение имеет предупреждение межличностных криминальных конфликтов, сопряженных с насилием. Анализ причин преступления в процессе расследования, являющихся, согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, обязательной стороной расследования, чаще всего ограничивается самым общим указанием на мотивы, обозначаемые в стандартных юридических категориях безотносительно к их подлинному психологическому содержанию. Нередко совершаемые преступные действия характеризуются как «беспричинные». Это свойственно, в частности, и работникам средств массовой информации, которые нередко не в состоянии профессионально проанализировать ситуацию.

Глубокий и компетентный анализ сути конфликтных ситуаций и мотивов поведения субъектов еще на ранних стадиях, пока разногласия не переросли в насилие, помог бы избежать многих оплошностей и в работе правоохранительных органов. Как известно из практики многих стран, предупреждение «уличного» и бытового видов насилия начинается с контроля за ситуациями, характеризующимися обычно затяжными конфликтами.

§ 3. Поддержка сотрудничества

Напомним, что прежде чем вступить в противоборство, будущие соперники находятся, скорее всего, в нейтральных взаимоотношениях, а возможно, и сотрудничают между собой (сослуживцы, соседи, члены семьи, общественные организации, государства). Надежный путь предупреждения конфликта — налаживание и укрепление сотрудничества. Конфликтологами разработан ряд методов поддержания и развития сотрудничества:

Согласие, состоящее в том, что возможного противника вовлекают в совместную деятельность. Так, например, поступил Президент Российской Федерации в 1993 г. при подготовке проекта новой Конституции. Созвав Конституционное совещание, он пригласил участвовать в нем не только своих сторонников, но и вероятных противников, в том числе депутатов Верховного Совета РФ, и представителей многих политических партий.

Практическая эмпатия, предполагающая «вхождение» в положение партнера, понимание его трудностей, выражение сочувствия ему и готовности помочь.

Сохранение репутации партнера, уважительное отношение к нему, хотя интересы обоих партнеров в данное время и расходятся.

Взаимное дополнение партнеров, которое состоит в использовании таких черт будущего соперника, которыми не обладает первый субъект. Развивая и используя эти черты, можно укрепить взаимное уважение и сотрудничество и избежать конфликта.

Исключение социальной дискриминации, которое запрещает подчеркивание различий между партнерами по сотрудничеству какого-либо превосходства одного над другими (хотя оно, возможно, и имеется). «Даже если Вы делаете работу лучше других, не ведите себя, как победитель».

Неразделение заслуг. Этим достигается взаимное уважение и снимаются такие негативные эмоции, как зависть, чувство обиды и т.п.

Психологический настрой, приемы которого довольно многообразны. В своих конкретных проявлениях оно может включать, например, своевременное информирование партнера о возможных или предстоящих переменах, обсуждение с ним последствий этого и т.п. В нашей действительности государственные руководящие органы зачастую совершенно пренебрегают этим методом предупреждения конфликтов.

Достаточно напомнить проведение в 1993 г. денежной реформы (изъятие денег образца до 1992 г.), о котором население не только не было заранее предупреждено, но, напротив, введено в заблуждение предыдущими обещаниями. Правительство осознало и исправило свои ошибки при проведении деноминации денег в 1998 г.; однако оно снова повторило их в июле — августе того же года, убеждая население в финансовой стабильности. 17 августа оно же неожиданно объявило о дефолте, т.е. невозможности соблюдать свои обязательства.

Психологическое «поглаживание», которое означает поддержание хорошего настроения, положительных эмоций по самым различным поводам, что снимает напряженность, вызывает чувство симпатии к партнеру и тем самым заметно затрудняет возникновение конфликтной ситуации¹.

¹ См.: Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И. Конфликты и технология их предупреждения. Белгород, 1996.

Названные методы поддержания и укрепления сотрудничества, конечно, не являются исчерпывающими. Не все, что может способствовать сохранению нормальных деловых отношений между людьми, укреплению их взаимного доверия и уважения, «работает» против конфликта, предупреждает его возникновение, а если он все-таки возникнет, — помогает его разрешить.

§ 4. Социальное партнерство

Сотрудничество в целях предотвращения трудовых конфликтов на предприятиях обычно рассматривается в терминах социального партнерства. В широком понимании оно означает гармонизацию интересов различных классов, слоев, социальных групп, в узком — как принцип взаимоотношений между работодателем и наемным работником.

В основе социального партнерства лежит компромисс, взаимовыгодные уступки. Так, желание предпринимателей сотрудничать с профсоюзами может быть обусловлено различными мотивами, в том числе заботой о материальном благополучии трудящихся. Однако очевидно, что оно, как правило, направлено на «профилактику» возможных трудовых конфликтов.

Сам термин «социальное партнерство» стал употребляться в первой половине XX в. Однако реальное звучание он приобрел лишь в последние десятилетия, что обычно связывают с воздействием научно-технической революции. Классовые различия стали размытыми, возросла производительность труда, значительно повысились доходы различных групп населения, в том числе и рабочих. Таким образом, произошла некоторая интеграция рабочих в систему трудовых отношений и одновременно изменилась и их психология.

В создавшихся условиях работодатели отказались от чрезмерного употребления власти, не ставя, разумеется, под вопрос само ее существование. Возрастает и их воздействие на интенсивность коммуникации на предприятии, заключающейся в разъяснении важности субординации и интеграции коллектива. В то же время профсоюзы исходят из необходимости существования оформленных коллективных соглашений, а также расширения «соучастия» в управлении. Социальное партнерство, таким образом, не сняло противоречий между трудом и капиталом, однако заметно их ослабило.

Социальное партнерство во всех странах, где оно утвердилось, имеет много общих сущностных черт, хотя его способы и формы обладают определенной национальной спецификой.

Важно отметить, что партнерские отношения в обществе возможны лишь при условии социальной ориентации рыночной экономики, когда во главу угла ставится не стремление получить прибыль любой ценой, а удовлетворение потребностей общества, обеспечение высокого уровня благосостояния его членов. Другими словами, должен быть достигнут такой уровень жизни, при котором большинству было бы что терять в случае резкого ухудшения социально-экономической ситуации, реальной угрозы социального взрыва¹.

В России принцип социального партнерства применяется относительно редко, поскольку этому препятствуют не только отсутствие опыта (ранее в роли работодателя выступало исключительно государство). Проблема заключается в кризисном состоянии экономики.

Один из руководителей «Ростовугля» Л.Э. Жигунов так оценил ситуацию, сложившуюся на шахтах Восточного Донбасса: «Введение с 1 июля 1993 г. свободных цен на уголь обострило финансовое состояние отрасли и предприятий. В результате неплатежи потребителей практически парализовали отрасль... Работа угольных предприятий в «режиме экономической выживаемости» является одной из основных причин роста движений от социального сближения и партнерства к его антиподам»¹.

Помимо необходимых объективных условий социальное партнерство предполагает не только желание, но и возможности его основных субъектов (государство, профсоюзы, работодатели) эффективно сотрудничать. Однако руководители государственных органов (министерств, отраслей, территориальных управлений, предприятий) пока не могут эффективно координировать процессы общественного развития в силу многих объективных и субъективных факторов. Очевидно, что переход от тоталитаризма к политическому плюрализму и демократии, к гражданскому обществу требует времени, политической воли и соответствующим образом подготовленных людей. Всего этого государству пока недостает. Нерешительность власти часто гасит положительные эффекты реформы, а самим

¹ См.: Семигин Г.Ю. Социальное партнерство в современном мире. М., 1996. С.143.

¹ См. Социальное движение. Истоки, проблемы, перспективы. Шахты, 1996. Ч.1. С.35

структурам государственной власти свойствен дефицит ответственности.

Кроме того, профсоюзное движение в России находится в стадии формирования. Количество одних лишь всероссийских объединений профсоюзов в 1994 г. превысило 50, причем только некоторые из них имеют разветвленную структуру (Федерация независимых профсоюзов России насчитывает 36 отраслевых профсоюзов)².

В свою очередь предприниматели-работодатели разобщены по десяткам ассоциаций и союзов, внутренним и международным. Если на низовом уровне такая разобщенность сторон не помеха сотрудничеству, то на федеральном и отраслевом уровнях она серьезно затрудняет поиск общих решений (ГЮ. Семигин).

И все же договорные методы регулирования трудовых отношений в России применяются все чаще, а их правовая основа совершенствуется.

Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. «О коллективных договорах и соглашениях» представляет собой первый комплексный закон, установивший принципы и порядок проведения коллективных переговоров, заключения и выполнения коллективных договоров и соглашений.

По существу, это основной нормативный акт в сфере коллективных трудовых отношений. Он определил систему коллективно-договорных актов, их правовую природу как особых договоров о труде, содержащих нормы права. Законом установлена процедура коллективных переговоров и гарантии для их участников, предусмотрена и ответственность за его нарушение.

Сама процедура рассмотрения коллективного трудового спора предусматривает широкое использование примирительных актов и предполагает активное участие сторон в достижении компромисса. Это в полной мере согласуется с международным опытом и обеспечивает демократичность разрешения конфликтов в сфере труда.

Особое внимание Закон уделяет использованию забастовки как одного из способов разрешения коллективного трудового спора. Право на забастовку рассматривается как производное от прав трудящихся на объединение и ведение коллективных переговоров. Забастовка является не самоцелью, а средством разрешения противоречий и продолжения сотрудничества работников и работодателей. Учитывая

² См. Рунец В.Г. Профсоюзное движение в России // Власть. 1994. N 9. С.34.

серьезность последствий любой забастовки как для сторон спора, так и для общества в целом, Закон установил четкую процедуру осуществления такого рода коллективных действий. Главная задача его авторов заключалась в том, чтобы обеспечить права трудящихся и согласованное разрешение коллективного трудового спора, не нарушив в то же время права и интересы других граждан и не причинив ущерба общенациональным интересам.

В отличие от ранее действовавшего на территории страны законодательства Закон существенно расширяет возможность реализации права на забастовку, что, несомненно, является одним из его достоинств.

В целом значение нового акта определяется, с одной стороны, укреплением правового обеспечения системы социального партнерства, с другой — созданием условий для смягчения противоречий в сфере трудовых отношений¹.

§ 5. Институционализация отношений

Во избежание конфликта важно укреплять позитивные отношения возможных его участников. Но не менее важна их институционализация - создание постоянных или временных форм, взаимодействия сторон, которые препятствуют возникновению конфликта, помогают решать спорные вопросы. Здесь большое поле для деятельности юридических, правоохранительных органов, рассмотрению которой посвящена следующая глава пособия.

Современное общество постоянно нуждается в сохранении устойчивости. Каждый индивид только тогда сможет реализовать свои права и свободы без угрозы их нарушения, когда они будут четко определены и постоянно поддерживаться. Задачу обеспечения стабильности и безопасности в обществе должны выполнять все социальные институты гражданского общества и государства. Известно, что только большинство социальных институтов так или иначе принимает участие в отправлении власти или оказывают влияние на ее распределение. Не случайно одной из первоочередных задач любого общества является задача государственного и конституционного строительства.

¹ См.: Комментарий к законодательству о социальном партнерстве. М., 1996. С. 46.

Современная конституционная модель обычно опирается на фундаментальные ценностные ориентации в политико-государственной и социально-культурной жизни общества и реализуется с учетом продуктивного использования мирового опыта конституционного развития. Она осуществляется через конкретные социальные институты, прежде всего институты власти (конституция юридически оформляет их структуру), механизмами взаимодействия государственных органов и территориального управления, через развитие правового статуса личности.

Важная роль в предупреждении конфликтов принадлежит общественным объединениям. Так, классы и социальные слои — носители противоположных интересов и ценностей — могут сформировать временную общность, члены которой будут придерживаться разных взглядов, но сходятся во мнении, что так или иначе спорный вопрос должен быть разрешен ими самими. Речь идет о создании некоего общественного форума для обсуждения спорных проблем. При этом борьбы как таковой уже не будет, ее подменит развитое взаимодействие общественных организаций.

Надо отметить, что близкая точка зрения, хотя иначе сформулированная, настойчиво выражалась многими публицистами, политическими деятелями, в том числе М.С. Горбачевым (1991-1992), и Б.Н. Ельциным (1997), Е.М. Примаковым (1998). Они призывали к общественному согласию и объединению всех сил и всех слоев общества в интересах возрождения России и успешного осуществления экономической реформы. Конечно, временное объединение тех или иных слоев населения или политических партий под популярным лозунгом возможно, но в современных условиях российской действительности эта цель представляется довольно утопичной.

Что касается институционализации отношений до и во время конфликта, то сама социальная структура содержит определенные гарантии единства групп перед лицом конфликта: это определение степеней его допустимости. Социальные группы как бы договариваются о приемлемости своих притязаний и уровне терпимости в отношении друг друга.

В демократическом обществе существует множество конфликтных ситуаций, но интенсивно используются старые и создаются новые разнообразные институты, предназначенные для их

разрешения. Чаще используется право обжалования в суде незаконных действий должностных лиц и коллегиальных органов.

Свобода слова и многопартийная система позволяют открыто обсуждать политические конфликты на самом широком общественном уровне. Такая же возможность существует и для представительных органов власти. Ныне практически отсутствуют репрессии по политическим мотивам. Все это, казалось бы, создает благоприятную почву для предупреждения многих конфликтов или их мирного разрешения.

В действительности дело обстоит не так просто. Создавая институты, направленные на предупреждение нежелательных форм противоборства, не всегда учитывается вся сложность этой проблемы. Л. Козер справедливо обратил внимание на то, что социальные системы различаются по уровню толерантности и институционализации конфликтов; нет таких обществ, где любое притязание могло бы быть беспрепятственно и незамедлительно удовлетворено. Но в нашем обществе в 90-е гг. некоторые лица и группы попытались достигнуть этого немислимого положения, руководствуясь, видимо, тезисом Раскольникова: «Все дозволено». Война законов, суверенитет областей и районов, бессилие милиции и бездействие власти — все это привело не к институционализации, а к безудержному росту конфликтов. .

Одним из самых древних способов предупреждения конфликтов является институт выборов. Разные народы на всех континентах давно пришли к пониманию самой необходимости избрания должностных лиц с целью сгладить различия и прийти к соглашению. Смысл выборной процедуры состоял в том, чтобы убедить население в том, что важные решения принимаются с учетом его желания.

Чем успешнее такие приемы осуществлялись, тем в большей степени действующая власть была защищена от внутренних конфликтов, протестов, которые могли ее разрушить (В.В. Смирнов).

Одна из главных целей выборов—легитимация данной политической системы. Любопытно заметить, что в период выборов происходит меньше забастовок, пикетировании, демонстраций,

поскольку выборные процедуры отвлекают людей от этого, направляют их энергию на легитимное разрешение трудностей.

Проведение выборов, разумеется, не сводится только к регулированию конфликтов — выборы вносят серьезные коррективы в политику, выступают фактором и инструментом политической социализации. В самой процедуре выборов нет ни одного этапа, который бы не играл существенную роль в разрешении дилеммы: будут ли выборы служить благородной цели согласования интересов и оптимизации конфликтов или же, наоборот, вести к усилению социально-политической напряженности. Последнее возможно при нарушениях правил, фальсификации результатов¹. Именно поэтому любым «отдушинам», создаваемым для сохранения стабильности социальной структуры, а также применяемым санкциям свойственна двойственность, функциональная незавершенность, они способны дать обычно лишь частичный регулирующий эффект. Создание же специальных институтов для разрешения конфликтов — дело долгое, трудное и не всегда благодарное. Но оно перспективно — конечно, с учетом региональных и национальных условий и обстоятельств нашего переходного исторического периода.

¹ См.: Социальные конфликты. 1994. № 7. С. 38.

§ 6. Нормативные механизмы

Отмечая важность институционализации конфликта, необходимо особо подчеркнуть значение нормативного подхода к его регулированию. Нормы поведения можно в известном смысле также считать институциональным образованием; во всяком случае институты, как известно, без норм не действуют.

Конфликт, как и всякое отношение между людьми, в той или иной степени обычно регулируется нормами общественного поведения. При этом действуют нормы различного рода и содержания: правовые, нравственные, религиозные, политические и т.д. Нормативное регулирование конфликтов в отличие от временно действующих институтов делает систему более стабильной, определяет долговременный порядок развития и разрешения конфликтов и тем самым является наиболее эффективным для развитых общественных систем.

Разумеется, нормативное урегулирование конфликтов имеет свои особенности, определяемые как природой самих норм, так и спецификой противоборства сторон. По-видимому, наибольшее значение при регулировании конфликтов имеют нравственные нормы поведения людей. И это естественно, поскольку почти любой конфликт так или иначе затрагивает нравственные представления: о добре и зле, правильном и неправильном поведении, чести и достоинстве, справедливости и порядочности, вознаграждении и наказании и т.п. Следовательно, здесь действуют нормы, в соответствии с которыми уже сам конфликт и его участники изначально получают нравственные оценки. Как уже отмечалось, трудность состоит в том, что эти оценки обычно неоднозначны, а порой и весьма различны, даже противоположны. В 1999 г. власти Республики Ингушетия, ссылаясь на традиции своего народа, сделали легитимным многоженство, что противоречит Конституции РФ. Как известно, многие нравственные, а иногда и юридические нормы не являются общепринятыми и одинаковыми для разных классов, социальных слоев, групп и даже индивидуумов. Разумеется, это не исключает норм общечеловеческой морали, но она распространяется лишь на ограниченный круг действий и отношений («не убей», «не укради» и т.п.) и, кроме того, даже эти, казалось бы, общечеловеческие ценности приняты далеко не всеми людьми.

В результате конфликт и его причины нередко расцениваются по-разному не только его участниками, но и окружающими, что, в свою очередь, способно расширить его масштабы и вызвать все новые и новые конфликты. Самый наглядный пример — отношение населения некоторых регионов Северного Кавказа к межнациональным распрям, в которых часть жителей видит недопустимое нарушение прав человека и даже геноцид, а другая часть — законное утверждение своего национального достоинства и суверенитета.

Осложняет ситуацию и тот факт, что нравственные нормы, в том числе и относящиеся к конфликтам, обычно четко не сформулированы. (Впрочем, в свое время существовал дуэльный кодекс, определявший основания и порядок вызова на поединок, правила его проведения. Базой такого кодекса были четкие представления о дворянской чести и нравственности.)

К сожалению, обращение к нравственным нормам и представлениям в нашей практике встречается еще редко. Нельзя не согласиться с М.С. Айвазяном, отмечавшим, что при забастовках шахтеров упор делается, как правило, только на экономические факторы, но никто не обращался к моральным оценкам забастовки, подрывающей благосостояние всего общества. А было бы полезно и, вероятно, убедительно перевести спор в плоскость справедливости распределения ресурсов и нравственной оценки завышенных, например, требований шахтеров или авиадиспетчеров по сравнению с уровнем жизни остального населения.

Конфликтная ситуация может регулироваться религиозными нормами. Особенно характерно это для тех религий, где, подобно мусульманству, религиозные правила распространяются помимо чисто церковных отношений на довольно широкую область гражданской жизни (брак, семья, обучение и др.). Конфликт может иметь и межрелигиозный характер (например, отношения между православными и униатами в Украине, исламистами и христианами в Средней Азии и Закавказье). Здесь регулирование конфликта существенно затрудняется и соблюдение самих по себе религиозных норм становится явно недостаточным.

Важное значение имеют нормы права. В отличие от нравственных и религиозных правил, правовые нормы, как правило, однозначны, они закреплены в законах и других актах и санкционированы государством. Из этого следует, что правовая оценка

предпосылок и самого конфликта имеет официальный характер и не может быть изменена под давлением одной из сторон или под воздействием общественных настроений и пристрастий. В полной мере это относится и к конфликтам, подпадающим под действие норм международного права.

В международных конфликтах ориентируются на политические нормы: необходимость соблюдения устных договоренностей между руководителями государств, нормы переговорного процесса, встреч глав государств, взаимные уступки и другие акции, в том числе и не оформляемые в юридическом (международно-правовом) порядке.

Нормативный характер имеют и различного рода правила *общезжития*. Не все из них можно отнести к нормам нравственности. Например, в различного рода спортивных играх придерживаются четко определенных правил. Игра по форме является своеобразной имитацией конфликта, искусственно создаваемой и законно признанной (бокс, футбол, шахматы и т.д.).

Я его фигурку смерил оком,
И когда он объявил мне шах,
Обнажил я бицепс ненароком,
Даже снял для верности пиджак.

И мгновенно в зале стало тихо,
Он заметил, как я привстаю...
Видно, ему стало не до фишек —
И хваленый пресловутый Фишер
Тут же согласился на ничью.

Само участие в этих конфликтах представляет удовольствие для сторон (и болельщиков). Но правила их проведения должны строго соблюдаться. При этом будут предупреждены и подлинные — межличностные и групповые конфликты, которых в спорте немало.

В США и многих других государствах в целях предупреждения конфликтов принято включать в договоры между фирмами, а также частными лицами специальные параграфы, в которых оговаривается поведение сторон при возникновении споров.

Н а п р и м е р, Американская Ассоциация судей рекомендует при подготовке любого делового контракта предусмотреть:

письменный обмен мнениями в случае возникновения разногласия (а не просто устные разговоры);

привлечение помощника или консультанта — на случай возникновения разногласий;
использование любых попыток примирения;
обеспечение достаточно высокого уровня лиц, ведущих переговоры;
установление нескольких этапов переговоров;
заранее определить арбитра, а также судебный или иной порядок рассмотрения спора - на случай неудачи переговоров.

Несомненно, предусмотренные контрактом эти и другие условия помогают избежать конфликтных ситуаций, удерживают стороны от непродуманных поступков.

Нормативные способы предупреждения конфликтов означают не только установление норм, но и *контроль за их соблюдением*. В таких случаях указываются цель, средства (ресурсы) и правила самого контроля.

Существует несколько методов нормативной регуляции.

Неформальный метод устанавливает оптимальный вариант повседневного поведения.

Если вы, находясь за столом в компании уважаемых господ, которые к тому же постоянно одалживают вам деньги, случайно уронили ложку, то никто не обратит на это особого внимания. Но если же вы, поднимая ее, умудрились отдавить ногу соседу, да еще и пролить вино на платье его жены, то это вряд ли пройдет незамеченным. Вас вряд ли после этого пустят на порог, а тем более дадут какие-либо кредиты...

Метод формализации означает письменную или устную фиксацию норм с целью устранения неопределенности выражаемых ими требований, расхождений в их восприятии. Куда стороны расходятся, то стоит вернуться к исходным пунктам их взаимодействия и более четко их зафиксировать.

Метод локализации — «привязывание» норм к местным особенностям и условиям. То, что является нормой в обычных условиях, перестает быть таковой в экстремальной ситуации, скажем, норма социальной поддержки нуждающихся. Этот метод ориентирует на более точный учет и использование локальных, ситуационных ресурсов. Скажем, в сельской местности принято приветствовать незнакомого человека, встретившегося на улице. В городских условиях такое требование оказалось бы неприемлемо.

Метод индивидуализации предполагает дифференциацию норм с учетом личностных особенностей и ресурсов людей. Так, наука об

управлении рекомендует, чтобы поручаемое подчиненному задание находилось на уровне верхней границы его возможностей. Человек, загруженный ниже своих возможностей, начинает пренебрегать работой, исполнять ее неохотно и часто даже хуже тех, кто имеет более низкую квалификацию. Работа вполсилы развращает дольше, нежели безделье.

Метод информации — разъяснение необходимости соблюдения норм. Обратимся для его иллюстрации к опыту Китая, где в течение пяти лет проводилась национальная кампания правового воспитания. Некоторые примечательные штрихи: пять месяцев проходил всекитайский конкурс «Знаете ли вы право?» Участвовало около миллиона человек и более 17 тыс. получили призы.

Метод выгодного контраста. — нормы (дознания, например) сознательно завышаются, а потом постепенно «спускаются» и фиксируются на психологически приемлемом уровне, который, понятно, выше их стартового уровня¹.

§ 7. Воздействие норм

Рассмотрим сам механизм воздействия норм на возможное поведение участников конфликта.

Правовая норма, как и любая другая социальная норма, воздействует на поведение людей по нескольким каналам (или линиям). В о – п е р в ы х, она оказывает информационное воздействие предлагает индивидууму (социальной группе) варианты поведения, одобряемые государством, предупреждает о последствиях того или иного поступка. В о – в т о р ы х, она декларирует ценности, признаваемые обществом и государством; нередко в этой связи говорят о «воспитательном воздействии» права. В-третьих, правовая норма обладает принудительной силой в отношении тех, кто игнорирует ее требования. При нарушении нормы вступает в действие

¹ См.: Данакин Н.С., Дягченко Л.Я., Сперанский В.И. Конфликты и технологии их предупреждения. Белгород, 1995. С. 134, 135.

правоприменительный механизм, начинают функционировать учреждения и должностные лица, призванные применять право.

По всем этим линиям (или каналам) право воздействует: на причины конфликта; на его предпосылки (конфликтную ситуацию); на его развитие и разрешение; на последствия завершения конфликта, включая судьбу участников.

Как отмечалось ранее, объективные причины конфликта с трудом поддаются нормативному регулированию. Здесь возможно лишь воздействие на мотивацию участников конфликта.

Приведем п р и м е р. Некто *А* вступил в ссору со своим начальником *Б* из-за того, что был, по его мнению, несправедливо лишен премии. В учреждении, где они работают, порядок премирования сотрудников не определен и решения руководства по этому вопросу нередко вызывают недовольство и нарекания. Очевидно, что четкое определение порядка и оснований премирования сняло бы напряженность в коллективе. Нормативные акты по вопросам премирования существуют, как известно, на большинстве предприятий.

Конфликтная ситуация поддается нормативному регулированию в том смысле, что право (как и другие нормативные системы) указывает дозволенные формы конфликтных взаимоотношений и запрещает другие, выходящие за допустимые пределы. Большинство конфликтов можно разрешить законным путем, например обращением в суд. Довольно эффективны третейские суды, когда арбитров избирают сами участники конфликта. Но проблема заключается в том, что во многих случаях конфликтующие стороны как раз стремятся избежать суда или вмешательства посредников, предпочитая решить конфликт самостоятельно и притом, естественно, каждый в свою пользу.

Подобные конфликты характерны, например, при взаимодействии сотрудников дорожно-патрульной службы с водителями транспорта, нарушившими правила дорожного движения. Как показали исследования, несоблюдение норм отношений приводит к конфликту, при котором преобладают формы так называемого утилитарного общения, где главенствуют не нормы права и морали, а произвольные формы поведения. Такого рода общение имеет место, скажем, между парикмахером и клиентом, продавцом и покупателем, милиционером и нарушителем движения и т.п. Правда, некоторые исследователи отмечают, что в сфере утилитарного общения удельный вес нормативности все же достаточно высок.

Вступая в межличностные отношения, люди должны считаться с принятыми в данной среде условностями, правилами поведения.

Многим понятные и известные различные социальные ограничения послужили основанием для выделения интердиктивного общения, запрещающего выходить за рамки целевой направленности предмета общения. Например, ясно, что водитель не будет общаться с сотрудником ГИБДД по поводу разведения цветов или своих литературных предпочтений. Предмет такого рода общения заранее предусмотрен. Вступая в утилитарное общение, относящееся к социально-ролевому, люди тем не менее надеются на понимание, внимательность и добросовестность.

Ход и результаты конфликта подлежат правовой оценке в тех случаях, когда при фактическом разрешении конфликта пострадала та или иная сторона или были нарушены общественные либо государственные интересы.

Вернемся к предыдущему п р и м е р у. Если *А*, вымогая премию, все же добился того, что его начальник *Б* подписал приказ о премировании, хотя для этого не было оснований, то такой приказ подлежит отмене.

Тем самым предreshается вопрос о судьбе участников конфликта. Так, в международных делах предусматриваются самые различные последствия неправомерного поведения представителей государств, развязавших конфликт и действовавших в нем вопреки нормам международного права (репарации, территориальные уступки и др.). И все же юридические пути предупреждения конфликта, при всей их важности, не гибки, а подчас чреватые новыми конфликтами. Уже говорилось, что человечество давно использует такие способы их предотвращения, как достижение взаимопонимания, переговоры, обычное общение, не обращаясь непосредственно в суд. Все чаще для решения такого рода споров привлекаются не юристы, а посредники, консультанты, психологи.

В США, например, в последнее время обращают внимание на программы, где изучаются проблемы культурных, родовых и национальных различий (Сиракузский университет), ведется обучение искусству переговоров (игры, решение эмоциональных и психологических задач — Стэнфордский университет).

Представляется более перспективным неюридический способ решения конфликтов и на уровне семейных отношений. Разрешение возникшего при этом юридического конфликта — дело, разумеется, судебных органов. Развод, имущественные и другие вопросы решаются по известной процедуре и, как правило, лишь завершают супружеские конфликты. Но профилактика конфликтов требует все же иных решений. Отечественный психолог В.П. Левкович, обследовав разнонациональные и однонациональные семьи, пришел к выводу о конфликтогенности этнических стереотипов, при которой у испытуемых преобладает тенденция к исключительно позитивной оценке собственной этнической группы. Одной из основных причин дестабилизации разнонациональных семей является недостаточная психологическая помощь молодым семьям, нуждающимся в коррекции супружеских отношений. Межличностные отношения национально-смешанной семьи часто ставят перед супругами такие проблемы, которые они не в состоянии решить без специалиста-психолога и без поддержки социального окружения.

Разрешение и ослабление конфликтов

Глава 1 1

§ 7. Разрешение политических конфликтов

Динамика политического, как и любого другого, конфликта имеет некоторые универсальные стадии (скрытое назревание противоречий, напряженность, эскалация и разрешение). Однако центральным моментом противостояния в политике всегда является борьба элит за власть.

Борьба за власть между политическими элитами и внутри них явление, в общем-то, ординарное. В демократических условиях она имеет интегрирующую функцию, поскольку способствуют рациональному урегулированию интересов отдельных общественных групп. Она приводит к упадку и даже кризису общества и государства, если ведется некомпетентными в управлении, коррумпированными группами без соблюдения «правил игры» и без какого-либо влияния общественных групп на характер этой борьбы. Когда в подобные политические конфликты вовлекаются политические партии, другие политические субъекты, политические системы общества оказываются под угрозой распада.

Последствия конфликтов между правящими и неправящими группами и внутри них зависят от степени развития демократических институтов. В тех странах, где существует разделение власти и где парламентаризм имеет богатую традицию, где политическая культура высока и где не существует острых национальных и религиозных (или конфессиональных) противоречий, эти конфликты решаются главным образом путем рационального компромисса. В них и переход власти от одной политической группы к другой происходит без серьезных общественных потрясений. В странах, где подобная практика отсутствует, конфликты между различными фракциями напоминают военные действия. Парламентские столкновения переносятся на «улицу». Власти прибегают к насилию. Такая форма политических

конфликтов чревата гражданской войной. Особая опасность состоит в том, что отдельные крупные партии в некоторых из этих стран имеют (или имели) свои военизированные или вооруженные отряды¹. Само собой разумеется, что конфликты между сторонниками этих партий и властью, перенесенные на «улицу», за которыми стоят соответствующие политические элиты (или псевдоэлиты), не могут быть мирными.

Роль конституции

Известно, что главным легитимным средством разрешения политических конфликтов является конституция. Иногда, особенно в условиях перехода к качественно новому состоянию общества, возникает необходимость ее пересмотра.

Существуют, однако, обстоятельства, которые затрудняют проведение конституционной реформы. Не рекомендуется, в частности, проводить ее в ходе коренной трансформации экономической системы. Деловая активность с самого начала нуждается в большой правовой уверенности, так что конституция должна быть принята до начала трансформации.

Если население питает доверие к законодательным и контрольным органам (типа конституционного суда), а конституция была одобрена квалифицированным большинством, то отдельным группам уже не удастся с легкостью уклониться от тягот, откорректировав пути трансформации в свою пользу или перетащив в новую систему свои старые привилегии. Порукой тому является укорененность важнейших элементов новой экономической системы в конституции (при условии, что сделано это четко и исключена возможность неоднозначных толкований).

Очевидно, что для стран, проводящих преобразование экономики, особое значение имеет законодательное закрепление взаимоотношений государства и общества, поэтому важно в конституции определить пределы государственного вмешательства в экономику. Представители так называемой экономической теории конституции, основанной на взглядах Нобелевского лауреата Дж. Бьюкенена, разработали ряд предложений в этой связи; в частности,

¹ См.: Видоевич З. Доклад на Московской конференции «Социальные конфликты в трансформирующихся обществах». М., 1997.

предложено фиксировать в конституции предельную долю государства в экономике, установить границы налогообложения и государственной задолженности¹. Важное значение имеют также запреты на вмешательство в ценообразование и на определенную практику субвенций. Наконец, может быть ограничен и объем промышленной государственной собственности.

Правда, с введением подобных запретов возникает опасность, что фиксированные в конституции цели могут оказаться недостижимыми, конституция утратит, таким образом, связь с реальностью, а потому в конце концов и свое влияние. Чтобы избежать этого, целесообразно дополнить конституцию временно действующим «трансформационным наказом», который предусматривает осуществление определенных мер лишь до тех пор, пока не будет создана установленная конституцией экономическая система. Этим «наказом», действующим лишь на этапе реформирования, предписывается принятие и проведение такой программы трансформации, которая сама по себе не является предметом конституции, но, как и конституция, защищена квалифицированным большинством.

Подобная программа трансформации должна с необходимостью охватывать все элементы перехода к рыночному хозяйству, которым угрожает несовершенство политической конкуренции и которые не урегулированы конституцией. Сюда относятся прежде всего элементы, связанные со значительным перераспределением доходов и имущества. Именно здесь особенно велика опасность создания политического неравновесия, потому что наиболее ожесточенные столкновения, естественно, случаются в связи с распределением и перераспределением собственности. Если положения программы трансформации приняты квалифицированным большинством, то вероятность блокирования ее меньше. Благодаря этому возрастают шансы того, что политические конфликты будут проходить в рамках той экономической системы, которую стремятся построить, а не по вопросу о выборе самой этой системы.

Предлагаемая стратегия дает больше преимуществ с точки зрения завоевания доверия населения. Прежде всего, политики освобождаются от давления, которое могли бы оказывать на них

¹ См.: Brennan C., Buchanan J. *The Reason of Rules. Constitutional Political Economy*. Cambridge, 1985.

различные группы по интересам. Поскольку политические институты с самого начала трансформации защищены конституционным порядком, они перестают быть «переменной», зависящей от превратностей политического процесса, и становятся долгосрочным постоянным фактором.

Конечно, не следует замалчивать того факта, что трансформация, даже и защищенная статьями конституции, не снимает острых проблем. В некоторых странах конституции обладают высокой действенностью, даже не будучи полностью кодифицированными. В других странах конституции остаются на бумаге и беспрестанно нарушаются. Таким образом, шансы на конституционное решение любой проблемы в разных странах весьма различны. Поскольку действенность конституционных норм в значительной степени зависит от опыта, а отдельные восточноевропейские страны, а также Россия имеют некоторый опыт, то шансы такого решения существуют.

Экономическая теория конституции предполагает, что с коренными политическими реформами согласны все участники процесса только в том случае, если обеспечено такое положение, когда никто не может уклониться от связанных с этим обязательств. В этом отношении представители данной теории требуют соблюдения принципа принятия конституции квалифицированным большинством, считая такой подход практичным. Но не следует упускать из виду, что голосование по новой конституции может вызвать к жизни стратегический образ действий совершенно особого рода, когда немногочисленные группы могут выдвинуть непомерные требования, угрожая в противном случае отказать в своей согласии. Если по этой причине приходится отказаться от правила единогласия, то это означает, что группам придется подчиниться новым нормам против их воли. Эту проблему можно решить, например, таким образом, чтобы правило единогласия относилось только к представительным органам, члены которых, возможно, менее зависимы материально от результатов решения.

Заметим, что и в обществах с развитой либеральной демократией конфликты между политическими элитами и внутри них часто отличаются неразборчивостью в средствах, демагогией, прибегают к обманам и интригам, потому что политика нередко далека от морали и противоречит ей. Однако большая разница между статусом политических элит в обществах с развитой либеральной демократией и

в постсоциалистических обществах состоит в том, что первые намного жестче контролируются общественностью.

Создать серьезную основу для преодоления отчуждения и создания атмосферы доверия между представителями государства и населения чрезвычайно трудно даже в условиях стабильного общества. Традиция соблюдения конституции обычно играет важную роль, но проблема состоит в том, что любая конституция должна дополняться правовой системой, отвечающей конкретной ситуации и использующейся активной поддержкой большинства населения.

Обычно конституция вносит ясность в вопрос о компетенции основных политических институтов. Однако их структура не должна быть слишком сложной и обременительной для налогоплательщика. Может быть и ограничен объем собственности в руках государства.

Опасность заключается и в том, что цели, зафиксированные в конституции, могут оказаться недостижимыми. Тогда политическое равновесие нарушается. В частности, значительное перераспределение доходов и имущества, связанное с конкуренцией, может обострить ситуацию. В подобных условиях политикам трудно освободиться от давления, которое оказывает на них различные группы по интересам.

Главная же проблема состоит в том, что в ряде стран, особенно неразвитых в экономическом и политическом отношениях, конституция постоянно нарушается, что заметно ослабляет государственную власть.

Чтобы конфликты между населением и элитами, между группами элит оставались в конституционных рамках, не привели к необратимым для общества последствиям, необходимо выполнение нескольких условий:

- * создание серьезного базиса доверия населения к политике и политикам;

- * приоритет профессиональных качеств, а не национальных признаков при кадровом формировании органов власти;

- * создание демократических (общественных) организаций по контролю за действиями и сменяемостью власти;

- * пресечение деятельности экстремистских (национальных, религиозных) организаций и движений;

- * поощрение создания и совершенствования институтов гражданского общества со свойственными ему толерантными многосторонними связями.

Другие способы

Что касается конкретных способов разрешения политических конфликтов, то их предостаточно. Выбор зависит от субъектов конфликта, от его места и времени. В одних случаях для достижения согласия используется механизм референдумов и выборов, в других оно обеспечивается с помощью указов, декретов, приказов исполнительной власти или принятия необходимых законов (парламент). Формы разрешения конфликтов могут быть как силовыми (подавление, принуждение), так и ненасильственными (поиск консенсуса и компромисса). Осознание этого факта должно было бы сопровождаться и пониманием того, что для многих людей история зачастую не является учительницей жизни и что новые поколения не всегда делают необходимые выводы из ее самых мрачных годов. В современных условиях акцент на мирное разрешение внутренних политических конфликтов в России является крайне необходимым.

§ 2. Разрешение международных конфликтов

Наиболее сложными для разрешения представляются международные конфликты, в которых соперничество и насилие играют главную, если не решающую, роль. В них зачастую тесно переплетены расовые, классовые и групповые, национальные, территориальные и иные интересы. В борьбу вовлекаются разного рода правительственные и частные организации, общественные движения.

В последние десятилетия в понимании международных конфликтов наметились заметные перемены. Возникла и широко распространилась идея, что существующие противоречия всегда можно разрешить взаимоприемлемыми и всеохватывающими средствами, связанными с мирным выбором.

Однако мировой опыт чаще свидетельствует об обратном. Достаточно в этой связи упомянуть военную акцию НАТО против Югославии (1999). Тем не менее сама идея исключить насилие конструктивна и полезна и для развития теории конфликтологии, и для практических целей, поскольку она стимулирует поиск мирных решений.

При выборе мирного способа решения представляется желательным четко очертить открыто проявляемые противоречия: ими

гораздо легче управлять, чем скрытыми. Кроме того, всегда следует стремиться рассматривать противника (и любого другого участника конфликта) как партнера, а не как врага, подлежащего уничтожению. Тогда стороны начинают понимать, что безопасность может быть полной только в том случае, если обеспечена безопасность противоборствующей стороны.

Подобный подход, кажется, в какой-то степени восторжествовал в таком застарелом конфликте, как арабо-израильский. Элементы новых взаимоотношений наблюдаются и в российско-американских отношениях последних лет. Подобного заключения, разумеется, нельзя сделать об армяно-азербайджанском, грузино-абхазском конфликтах, а также о конфликтах на территории бывшей Югославии, где иррациональные моменты все еще преобладают.

Новое в разрешении международных конфликтов обычно связывают с различием, «разведением» двух основных подходов.

Т р а д и ц и о н н ы й связан с разрешением противоречий, лежащих в основе конфликта, и согласуется с существующими социальными теориями, в которых достаточно полно отражены происходящие в мире изменения. Второй подход выработан в последние годы. Он связан с идеей «миросозидания», направленной на всеобъемлющее миротворчество, а также (в узком смысле) на ограничение самой возможности вооруженного конфликта. Методы мирозидания, направленные на ограничение вероятности вооруженных конфликтов, включают в себя постоянные поиски объединяющих начал и развитие институциональных способов избежания конфликтов. По-видимому, этот подход особенно перспективен для будущих типов отношений между государствами и народами. Частично он уже апробирован (ввод войск в Боснию, разъединение враждующих сторон в Абхазии и Южной Осетии, греческой и турецкой общин на Кипре и т.д.) и показал свою, хотя и относительную, эффективность. Что касается создания объединяющих начал, то главная проблема всегда заключается в необходимости согласия всех сторон.

Своевременное воздействие на конфликтную ситуацию обычно предотвращает появление кризиса. Так, ряд конфликтов, назревших в 70-80-е гг. между отдельными республиками (Армения — Азербайджан, СССР—Прибалтика), могли быть вовремя смягчены различными путями и методами. В арсенале правящих кругов имелись, но не были использованы такие приемы, как создание

«предохранительных клапанов», поиск условий для открытого выявления конфликтов на ранней стадии, в том числе принятие законов о трудовых конфликтах, о гражданстве и др. Тогда недопустимо обострили конфликтную ситуацию ложная информация, демагогия, слухи, поощрение националистических устремлений.

И, наконец, другая важная особенность разрешения международных конфликтов. Непрерывающиеся попытки построить мировой порядок на основе разделения сфер влияния чаще всего приводили к смягчению конфликтов, но не к их исчезновению. Порядка было бы больше, если бы доминирующие в каждом регионе государства действовали только в соответствии с зафиксированными нормами международных отношений.

Однако события последних двух десятилетий говорят о том, что любое подобие международного правопорядка существует лишь в рамках структуры, позволяющей использовать силу государств, в том числе и ведущих, всегда готовых пойти на решительные действия.

Акты открытого вмешательства демонстрировали США (Иран, Панама, Сомали и др.), Танзания (Уганда), Турция (Кипр), Вьетнам (Камбоджа) и др.

Международному сообществу предстоит решить трудную задачу, связанную с выработкой процедур принятия решений, а главное — надзора за осуществлением актов вмешательства каждый раз, когда под угрозу будут поставлены национальные интересы конкретных стран.

Разработка таких процедур может привести к реформам Совета Безопасности, с тем чтобы он отражал новую расстановку сил в мире, создал условия для всех великих держав в плане учета интересов безопасности каждой из них и провозглашения приверженности международному праву.

Нынешний состав Совета Безопасности не позволяет ему претендовать на легитимность в ряде регионов мира. Такие крупные державы, как Германия, Япония и Индия, — чье влияние на мир и международную безопасность весьма значительно, не являются его постоянными членами. Целые континенты — Африка и Латинская Америка — не представлены в Совете ведущими державами этих двух континентов.

США настаивают на том, чтобы статус постоянного члена предоставлялся лишь государствам, готовым внести значительные финансовые средства, т.е. своим стратегическим союзникам. Расчет

строится как на участии Германии и Японии в миротворческих операциях, так и на увеличении финансовых взносов со стороны других крупных держав.

Если же применения силы избежать нельзя, США и их союзники предлагают полагаться на великие державы и военные блоки (НАТО), а не на ООН, т.е. предоставлять полномочия сильным государствам, готовым действовать с учетом своих интересов в целях принудительного обеспечения решений мирового сообщества.

Поскольку между крупными державами не существует более высоких политических и экономических барьеров и поскольку большинство стран стремится сейчас к расширению национального могущества за счет интенсивного экономического развития, а не территориальных завоеваний, мировое сообщество получило шанс заручиться согласием крупных держав на применение силы лишь в соответствии с нормами международного права.

Остается надеяться, что не во всех случаях великим державам придется прибегать к подобным актам вмешательства. Миру, скорее всего, придется столкнуться с непрекращающимися волнениями сразу в нескольких точках планеты, полагаясь в максимально возможной степени на диалог, посредничество и гуманитарную помощь.

Как бы ни были важны усилия руководителей держав к примирению и сотрудничеству, на них оказывают значительное влияние внутренние силы и вполне объяснимые формальность и официальность. Эти ограничения могут быть сняты так называемой народной дипломатией, существующей, как правило, параллельно с официальной. Этот вид регулирования международных конфликтов может быть эффективным, поскольку улучшает взаимопонимание и доверие на разных уровнях путем переговоров, обмена визитами, совместных проектов, организации культурной и материальной помощи и т.д. Обычно подобного рода деятельностью занимаются отставные политические лидеры, бывшие дипломаты, ученые, деятели культуры, экологи, медики.

Усилия народной дипломатии демократичны, гибки и поэтому достаточно результативны. Однако они длительны по времени и не всегда структурированы и требуют поддержки со стороны государственных органов.

§ 3. Технологии консенсуса и компромисса

Консенсус

Консенсус (согласие) представляет собой приемлемое для конфликтующих сторон решение, в выработке которого все члены группы сознательно и рационально принимает участие. Он как бы символизирует коллективное мнение участников этого решения. Данный подход к решению разногласий, по мнению В.А. Соснина, применяется, когда:

- * предмет спора сложен, а интересы сторон слишком значимы для принятия простого решения;

- * обе стороны готовы заняться поиском и анализом скрытых потребностей и интересов;

- * достаточно времени и ресурсов для поиска альтернатив, удовлетворяющих притязания обеих сторон;

- * стороны заинтересованы в долгосрочном, а не временном решении проблемы и т.д.

Технология достижения консенсуса трудна и сложна. Осмысление значимости этого подхода разрабатывается лишь в нескольких дисциплинарных направлениях — институционально-социологическом, социально-психологическом, юридическом, теорией международных отношений. Пытаясь обозначить некоторые общие подходы к достижению консенсуса, отметим, что представляется оправданной следующая позиция: *конфликтами необходимо управлять таким образом, чтобы не только минимизировать потери, но и максимально увеличить общую выгоду для противоборствующих сторон.*

Динамика конфликта представляет собой процесс, предполагающий обоюдную активность сторон, следовательно, для того чтобы погасить конфликт, стороны должны заключить договор относительно норм и правил, которые позволили бы им определить реальное соотношение сил. Введение конфликта в некое нормативное русло как бы усиливает зависимость соперников друг от друга в самом процессе отстаивания противоположных целей и способствуют разрешению конфликта в той мере, в какой последний институционализируется, а принятые правила соблюдаются.

С п о с о б ы д о с т и ж е н и я

Существуют четыре способа разрешения конфликтов: 1) соглашение в результате совпадения мнения всех сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней стороны;

3) соглашение, навязанное одной из сторон конфликта; 4) самоликвидация конфликта, когда он просто теряет свою актуальность и разрешается самостоятельно¹.

Анализируя эти способы, нельзя обойти вниманием вопрос, что считать более эффективным методом разрешения конфликта — принуждение или убеждение. Иными словами, что предпочтительнее:

«сила права» или «право силы»? С одной стороны, нельзя отрицать, что принуждение в определенной ситуации может дать положительный эффект. Целесообразность силового давления зависит от таких факторов, как его легитимность, степень доверия, честность, точность оценки всех выгод и затрат.

С другой стороны, главная задача конфликтолога — не только разрешать и предотвращать конфликты, но и пытаться трансформировать их насильственные формы в конституционно-законодательный и переговорный процесс, снижать уровень криминогенности, не допускать скрытых столкновений и человеческих жертв. Принципами разрешения конфликтов в данных случаях являются соблюдение законности, прав человека, учет соответствующих международных конвенций и деклараций.

Одним из основных способов, содействующих разрешению конфликта, следует назвать *переговоры*.

Ограничить развитие конфликта и смягчить его способно и участие третьей стороны, если ей удастся воздействовать на выработку норм честности, социальной ответственности, на адекватность уступок и поиск альтернативных вариантов.

Относительно путей достижения соглашений между конфликтующими сторонами существует несколько концепций. В частности, предполагается, что восприятие наилучшей альтернативы играет ведущую роль в достижении соглашений, а конечный результат переговоров, как правило, представляет собой такой пункт, от которого, по мнению одного из соперников, другой никогда не откажется.

¹ Один из «управленческих приемов». «старый опытный чиновник учит молодого». «Не спешите рассматривать жалобы клиентов – девяносто процентов дел решаются сами собой, а другие просто неразрешимы».

Согласно другому предположению, что в достижении соглашений ведущую роль играет принцип «дистрибутивной справедливости», распределения уступок в зависимости от затрат и участия. Нарушение этого принципа вызывает психологическое сопротивление и негативную эмоциональную реакцию сторон.

При обобщении практики регулирования всех видов конфликтов стоит обратить внимание и на следующее: неправильно квалифицировать конфликты лишь как выигрышно-проигрышные — таковыми являются лишь немногие из них. А если конфликт не оценивается как выигрышно-проигрышный, необходимо вырабатывать кооперативную ориентацию решения проблемы и пытаться установить открытый, основанный на взаимной ответственности процесс коммуникации, в ходе которого стороны могли бы выражать и формировать мнения об интересах друг друга. В ходе коммуникации должны применяться методы, призванные поддержать «честные переговоры», ослабить возможность использования «нечестных трюков» и не допустить превращения конфликтов в деструктивные процессы.

Остановимся кратко на некоторых из этих методов.

Обязывающий арбитраж. Конфликтующие стороны выбирают одно или несколько нейтральных лиц (обычно в количестве трех или более человек) для рассмотрения их спора и вынесения окончательного решения, имеющего обязательную силу. Как и судебное разбирательство арбитраж является состязательным процессом, направленным на решение спорных вопросов, возникших между сторонами. Тем не менее арбитраж значительно отличается от судебной процедуры, так как здесь отсутствуют нормы, регулирующие процесс предоставления и оценки доказательств, нет и определенной процедуры разбирательства.

Сторонами обычно предусматривается большая гибкость в выборе арбитра, они зачастую приглашают в качестве такового специалиста в области, составляющей предмет спора. Решениям обязывающего арбитража суды придают, как правило, принудительную силу, если только в самом процессе арбитражного разбирательства не было грубых ошибок.

Арбитр может прибегнуть к помощи так называемого нейтрального слушателя. Нейтральный слушатель — это некоторый индивидуальный или коллективный субъект, выбранный спорящими для получения от каждой из сторон предложений по урегулированию

спора. Не раскрывая содержания этих предложений, нейтральный слушатель дает сторонам советы, когда видит, что предложения имеют сходство в определенных рамках. Если же позиции сильно различаются, слушатель содействует сторонам в их сближении и достижении окончательного соглашения.

Рекомендательный арбитраж. Данная процедура аналогична процедуре обязывающего арбитража с той лишь разницей, что решение, вынесенное нейтральным лицом (лицами), носит скорее рекомендательный характер. Стороны имеют возможность принять его, либо отвергнуть и передать дело в суд, либо прибегнуть к обязывающей процедуре.

В данном варианте наряду с «нейтральным слушателем» может участвовать и эксперт — человек или организация, от которых требуется предоставить сторонам какое-либо квалифицированное заключение по спорным вопросам. Как использовать данное заключение, стороны решают сами.

Арбитраж «окончательного предложения». Является разновидностью обязывающего арбитража, в котором каждая из сторон должна представить на рассмотрение свой вариант решения по данному спору. Арбитр, в свою очередь, вправе выбрать любое из них без каких-либо изменений. Такой подход иногда способствует сближению позиций сторон и позволяет им прийти к соглашению.

Ограниченный арбитраж. Еще одна разновидность обязывающего арбитража, где стороны ограничивают свой риск поражения, устанавливая определенные пределы уступок до начала арбитражного разбирательства. Эти ограничения сообщаются арбитру. По завершении разбирательства, в случае, если решение арбитра выходит за указанные границы, взаимные претензии удовлетворяются в соответствии с ранее достигнутым соглашением.

Посреднический арбитраж представляет форму смешанного урегулирования конфликта, когда стороны договариваются о том, что вопросы, нерешенные путем посредничества, будут решены с помощью арбитража. Стороны могут выбрать определенное лицо (группу лиц), которое будет совмещать функции и посредника, и арбитра, хотя такое совмещение не всегда полезно.

На термине «посредник» имеет смысл остановиться повторно (гл. 5). Задача посредничества в отличие от арбитра более скромна — найти некую формулу согласия, которая бы не затронула достоинства конфликтующих сторон, т.е. создала бы благоприятную обстановку.

Посредничество может осуществляться на международном, федеральном и местном уровнях и предполагает создание конфликтных комиссий, третейских судов, временных согласительных комиссий и т.д. В их состав в зависимости от характера конфликта могут включаться представители советов старейшин, национально-культурных, религиозных, женских, молодежных и других организаций.

Функции посредника определяются отчасти пожеланиями сторон, а отчасти установкой самого субъекта, выбранного для посредничества. Некоторые посредники сами предлагают условия соглашения и пытаются уговорить стороны пойти на взаимные уступки. Другие же работают только с предложениями сторон и помогают им в реальной оценке различных вариантов решений. Как минимум, посредники создают обстановку, в которой стороны могут конструктивно общаться друг с другом. Так, в мае 1999 г. бывший премьер-министр В.С. Черномырдин активно выполнял роль посредника в конфликте НАТО — Югославия.

В противоположность арбитрам посредники зачастую приглашаются для консультаций лишь по процедуре разрешения спора, а не для экспертизы самого предмета спора. Умелая процедура позволяет расширить возможности для защиты интересов сторон и в то же время способствует их примирению. При этом роль посредника будет тем значительней, чем в большей степени он сумеет снять или ослабить возможные негативные эмоции и поможет сторонам сосредоточиться на существе спорных вопросов.

Третейский суд. Стороны определяют частное лицо, уполномоченное рассмотреть и разрешить конфликт между ними. Сама процедура при этом может быть исключительно предметом соглашения между сторонами, либо предметом законодательного регулирования. В первом случае стороны сами устанавливают основные нормы, определяющие положение третейского судьи и пределы его полномочий, во втором — ход рассмотрения спора отчасти определяется и конституционным судом. В обоих вариантах решение судьи является окончательным и обязательным.

Перечисленные методы, перечень которых далеко не полон, в своей основе являются согласительными. Следует заметить, что разрешение конфликта часто бывает многоступенчатым. Так, первым шагом к разрешению конфликта обычно считается закрепление той или иной формы переговоров между сторонами. Следующим шагом

становится посредничество, которое способствует достижению соглашения. Последний шаг — вынесение обязательного решения либо арбитражем, либо третейским судом, либо через суд непосредственно.

При всех достоинствах согласительного метода его применение связано с определенными негативными издержками. Например, практика многократного согласования позиций в ряде случаев затягивает принятие важных правовых актов или таит в себе опасность появления «расплывчатых» решений. Другими словами, повышение уровня согласования не может рассматриваться лишь как благо, оно способно отрицательно повлиять на качество решений.

Утверждение консенсуса как ведущего метода принятия правовых решений требует значительного времени и опыта, особенно в условиях низкой парламентской культуры, неразвитой юридической техники и правовой установки на силовые методы решения конфликтов. Общими ориентирами консенсуального решения спорных вопросов является необходимость всеобщего и строгого соблюдения нормы при отсутствии или крайней ограниченности возможности применения принуждения.

Компромисс

Компромисс в отличие от консенсуса ориентирован на решение спорной проблемы совместными усилиями сторон, и в основном состоит из взаимных уступок. Этот подход является «классическим» методом простого разрешения конфликта на всех уровнях; его технология более проста и зачастую не решает спора, а как бы временно его откладывает на более поздний срок. Обычно он применяется, когда проблема очевидна, ресурсы и время для решения проблемы ограничены, другие технологии (консенсус, сила, избегание и пр.) не работают.

В разгар чеченской операции федеральных войск боевики Ш. Басаева захватили больницу (г. Буценовск) с ее персоналом в качестве заложников. Тогдашний Председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин пошел на известные уступки (обещание прекратить огонь, обеспечить безопасный выезд террористов из города и т.д.). Басаев в свою очередь дал обязательство освободить заложников. Несмотря на спорность этой акции при оценке деятельности главы федерального Правительства (факт повышения «авторитета» главы банды,

например), она может считаться классическим примером политического компромисса.

Консенсус и компромисс, будучи родственными, взаимосвязанными явлениями, чаще всего являются результатом переговоров конфликтующих сторон.

§4. Проблемы урегулирования этнических конфликтов

Анализ заметно участвовавших этнических конфликтов со всей очевидностью свидетельствует о необходимости выработки некоторых новых подходов к их регулированию. В частности, поставлена под сомнение старая идея, что каждая группа населения, объединяемая территорией, общим происхождением, языком, культурой, обязательно должна иметь собственное государство. В свое время Президент США Вудро Вильсон с учетом интересов своей страны (передел мира) наиболее громко заявил о такой идее. Некоторые положения о необходимости предоставления независимости новым государствам в связи с крахом колониальных империй были записаны и в Уставе ООН. Однако события конца XX в. внесли в политику промышленно развитых стран, утративших свое бесспорное господство в этой международной организации, заметные коррективы. Стали, в частности, очевидными опасности, связанные с абсолютизацией идеи самоопределения. Оказалось, что во многих регионах этнические группы не имеют мест компактного проживания и, следовательно, демаркировать границы попросту невозможно. И даже в местах, где проживание казалось реальным (например, территория бывшей Югославии), неизбежно возникали новые конфликты, иногда более острые, чем прежние.

Новые подходы

Это потребовало поиска подходов к урегулированию этнических конфликтов.

Предлагаемые новые подходы в основном сводятся к следующему:

* распространять идеи западной демократии на все регионы мира, оказывая при этом помощь сторонникам и вводя санкции против

строптивных стран. Официальная позиция руководителей западных государств такова: этнические конфликты более свойственны диктаторским и репрессивным режимам, чем демократическим;

* сама по себе демократия не предоставляет никаких реальных гарантий этническим меньшинствам, поэтому следует поддерживать не их стремление к отделению, а автономию. В таком случае этническое меньшинство, обладая некоторым самоуправлением, может не столь сильно опасаться, что большинство, используя демократические нормы, будет его притеснять;

* для урегулирования вооруженных этнических конфликтов предлагается выработать некие правила и механизм международного вмешательства. Эти правила и механизм должны быть легитимными, т.е. принятыми основными международными организациями, но относительно того, какими именно организациями, существуют серьезные разногласия (ООН, НАТО, СНГ). Часть исследователей и дипломатов полагает, что ООН просто не в состоянии вмешиваться в каждый из бесчисленных конфликтов, поэтому региональные организации должны взять эту заботу на себя. Другие возражают: нельзя ожидать равного и справедливого отношения к участникам конфликта от организации, преследующей лишь собственные интересы (например, НАТО);

* должен быть пересмотрен традиционный для международных отношений принцип, по которому регулирование этнических конфликтов на территории какого-либо государства есть чисто внутреннее дело этого государства. Вмешательство ныне оправдывается угрозой со стороны возможного потока беженцев через границы, что может серьезно дестабилизировать экономическую и политическую жизнь соседей. Правомерно также использовать силу против международного терроризма (обстрел ракетами США летом 1998 г. лагерей боевиков на территории Афганистана, охваченного этническим конфликтом, был одобрен практически всеми странами НАТО);

* следует разработать условия, при которых вновь возникшие государства могут быть признаны и приняты в ООН и другие международные организации. В этой связи предлагается признавать государства, которые не были бы созданы под внешним, чаще всего вооруженным, воздействием (например, Турецкая Республика Кипр). Кроме того, необходимым условием признания является соблюдение

прав человека, обязательства уважать существующие границы, право национальных меньшинств на самоопределение.

Российский опыт

Конфликтные события в России начала 90-х гг. привели к официальному признанию правомерности постановки вопроса о политическом и правовом статусе любого этноса, что несколько ослабило напряженность в отношениях национальных движений (одна сторона конфликта) с республиканскими и федеральными властями (вторая сторона). Так, на Северном Кавказе — в наиболее конфликтном регионе страны — сначала республиканские, а затем и федеральные органы власти признали этносы в качестве субъектов политической жизни, а их лидеров — в качестве равноправных участников переговоров. Например, в январе 1993 г. Госкомнацу России и общественному движению «Сенежский форум» удалось добиться лояльности со стороны национальных движений. Закрепление на федеральном уровне политического статуса этносов рассматривается ныне руководством субъектов Федерации в качестве основного средства стабилизации межэтнических отношений. Таким образом, межэтнические отношения во многом определяются позицией руководства национальных республик.

Дело в том, что в принятых в середине 90-х гг. в конституциях северокавказских республик закреплён их статус в качестве уже суверенных государств, образованных в результате реализации права на самоопределение проживающих в них народов.

Правовой статус этносов обеспечивается нормами представительства этносов в высших органах власти (пропорционального и паритетного). Например, в Конституции Адыгеи предусмотрен принцип равного представительства адыгейского и русскоязычного населения в исполнительных и представительных органах власти республики, в Конституции Дагестана — нормы равного представительства коренных народов в высшем исполнительном органе власти республики — Исссовете, квотного (пропорционального) представительства в Народном Собрании — высшем законодательном и представительном органе. В Кабардино-Балкарии обсуждается вопрос о введении двухпалатного парламента с равным представительством коренных национальностей в одной из палат.

Таким образом, делаются определенные шаги для смягчения этнических конфликтов в этом регионе, но объективные причины для их возникновения все же сохраняются.

Так, довольно неожиданно возникла необходимость законодательно решить проблему взаимных претензий различных этнических групп россиян. Ждет своего окончательного решения проблема разделенных, репрессированных, депортированных и коренных народов. Оказалось ущемленным в своих правах нетитульное население республик («этническая разностатусность»). Отсюда напряженность и, как следствие, частичный исход русского населения.

Сложные межэтнические отношения обусловили необходимость предоставления на федеральном уровне конституционных гарантий представительства этнических групп в органах власти всех уровней, но прежде всего в субъектах Федерации¹.

Исследователи этнических конфликтов предлагают множество способов их регулирования. Так, В. Мукомель, Э. Паин, А. Попов (Центр этнологических исследований) разделили все принципы и пути разрешения конфликтов на три основные категории: оперативные, тактические и стратегические. Оперативные и тактические действия направлены на то, чтобы не допустить разрастания конфликта (охрана объектов, забота о беженцах и т.д.), либо на урегулирование уже возникшего конфликта (давление, переговоры и т.д.). Стратегические же действия обычно направлены на предупреждение кризиса, на создание необходимых правовых, экономических и политических условий «безболезненного» развития.

«Недопустимо использование разных, порой взаимоисключающих подходов к одностипным явлениям межнациональной и межгосударственной жизни. Признание каких-то дополнительных политических прав всего лишь за одной республикой или этнической группой влечет за собой немедленную волну аналогичных правопритязаний во всех остальных частях бывшей империи. Нельзя, например, одной из республик без согласования с другими национализировать всю общественную собственность на своей территории и одновременно возмущаться тем, что в другой национализировали случайно забредший в их порт траулер или крейсер. Нарушая договоренности в одной сфере, трудно рассчитывать на их соблюдение в другой.

¹ Требования формирования центральных органов власти в РФ на основе пропорционального представительства этносов вряд ли выполнимы хотя бы по чисто техническим причинам.

С другой стороны, не может быть эффективной политики без компромиссов, основанных на взаимных уступках»¹.

Поиск информации

Исследователи обращают внимание на отсутствие достаточной информации о возможных вспышках напряженности в межнациональных отношениях. Чтобы исправить положение, когда руководство страны узнает о вспышке межнациональной розни из средств массовой информации, в начале 90-х гг. группе российских ученых (В. Тишков, М. Устинов, А. Беляева) и американцу Б. Аллин предложили создать международную сеть этнологического мониторинга с целью получения информации по урегулированию этнических конфликтов в бывшем Советском Союзе. Предполагалось создать сеть профессиональных специалистов в области урегулирования этнических конфликтов в пределах бывшего Советского Союза, которые бы участвовали в серии международных учебных семинаров, разрабатывали собственные учебные программы и процедуры примирения и создавали центры или группы урегулирования конфликтов в своих регионах.

Главное — участники проекта намеревались создать сеть обмена информацией, которая предоставит им возможность коммуникации непосредственно друг с другом, с международным сообществом и с действующими координирующими офисами в Москве и Кембридже. Сеть обмена информацией должна была обладать следующими возможностями:

- * связываться непосредственно со всеми другими пунктами проекта сети обмена информацией в пределах бывшего Советского Союза;

- * устанавливать контакты со всеми специалистами, связанными системой Интернет, а также — с проектами, имеющими отношение к этническим проблемам в разных регионах, такими, как Проект по этническим отношениям (PER—Projekt of Ethnic Relations), основанный в Восточной и Центральной Европе;

- * связываться с существующими офисами для координации деятельности Проекта и обмена информацией о местном и

¹ Межнациональные конфликты в постсоветском обществе. Фрагменты доклада // Независимая газета. 1992. 10 янв.

международном опыте регулирования сложных этнических конфликтов и оценки ситуации в сфере межэтнических отношений.

Проект ставил своей целью поддерживать представителей на местах в разработке их собственных мероприятий в регионах для содействия урегулированию местных конфликтов. Сеть обмена информацией в конечном итоге обеспечила канал связи для представителей на местах, по которому они могут рассказать зарубежным партнерам о собственном опыте, практических результатах по урегулированию конфликтов и концептуальных подходах. Зарубежные участники Проекта узнают от представителей на местах о трудностях в урегулировании местных конфликтов и передают им информацию о международном опыте: об успешных результатах урегулирования схожих этнических конфликтов, использованных методах и усвоенных уроках. В случае необходимости Проект предусматривает организацию посещения «горячих точек» международной группой экспертов.

Сеть является неправительственной и координируется Проектом «Урегулирование этнических конфликтов в бывшем Советском Союзе», спонсорами которого являются Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Группа урегулирования конфликтов Гарвардской школы права, Кембридж (шт. Массачусетс, США) в сотрудничестве с международной лабораторией «Вега» — совместным российско-американским бесприбыльным проектом для разработки телекоммуникации в бывшем Советском Союзе.

Данный проект в значительной мере претворен в жизнь. В частности, изданы бюллетени, где функционеры сети делились впечатлениями и оценками международных отношений на территории проживания (Владикавказ, Казань, Уфа, Элиста, Алма-Ата, Баку, Ереван, Киев и др.). Очевидная трудность для организаторов состояла в том, что информация предоставлялась довольно произвольно — в соответствии с субъективной оценкой со стороны функционера сложившейся ситуации. По-видимому, разработка единой методики и стандартной системы показателей — важная задача для конфликтологов.

Из работ, посвященных анализу частных случаев урегулирования конфликтов, представляют интерес работы отечественных исследователей в области переговорного процесса (В.А. Соснин, А.Н. Чумикова и др.). Все они отмечают неудачу многих попыток оптимально организовать переговорный процесс при регулировании

возникающих конфликтов (за исключением, впрочем, Приднестровья, Северной Осетии)¹. Эти неудачи во многом объясняются типичными ошибками: недоучетом социально-психологических закономерностей конфликтов (дезинформация, враждебность, склонность к насилию и т.д.), недостаточной подготовкой переговоров, которая обычно должна включать разработку стратегии и плана переговоров, обучение посредников, и, наконец, непониманием национальных традиций, национальной культуры участников переговоров.

Обращают на себя внимание работы Р. Абдулатипова, посвященные организации механизма разрешения конфликтов. Автор подробно освещает проблемы наднационального регулирования (создание третейского суда СНГ и других институтов), что изначально предполагает некую заинтересованность руководителей стран СНГ².

Стратегия регулирования

Традиционно стратегия урегулирования конфликта предполагает два варианта: 1) разрешение конфликта самими участниками; 2) вмешательство третьей стороны.

Конфликт может быть разрешен на разных стадиях. В одних случаях его развитие можно приостановить на ранних стадиях, когда потери сторон незначительны. В иных случаях конфликт разрешается уже тогда, когда причинен непоправимый ущерб (гибель людей, разрушение жилья, уничтожение имущества и т.п.).

Довольно распространен второй вариант разрешения конфликтов — вмешательство тех или иных миротворческих сил, которые могут воздействовать на конфликтную ситуацию, на обстоятельства, поддерживающие конфликт, на его участников. Одно из важнейших правил успешного урегулирования конфликта — не противопоставление «правой» и «неправой» сторон, даже если они в действительности могут быть обозначены таким образом, а поиски решения, отвечающего интересам обеих сторон.

¹ См.: Психологический журнал. 1993. № 6. С. 16-22.

² См.: Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. М., 1996.

Но самый эффективный путь разрешения конфликта — устранение противоречий, его обусловивших:

- * устранение объекта конфликта (например, открытие границы);
- * раздел объекта конфликта между сторонами;
- * установление очередности или иных правил обоюдного использования объекта;
- * компенсация одной из сторон за передачу объекта другой стороне;
- * разведение конфликтующих сторон;
- * перенос отношений сторон в другую плоскость, предполагающую выявление у них общего интереса, и пр.

Итак, разрешение конфликта — это, по сути дела, достижение соглашения по спорному, вопросу между участниками. В принципе такое соглашение может быть заключено: 1) в результате совпадения мнений сторон; 2) в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) под давлением одной из противоборствующих сторон. Однако международная и внутривластная практика показывает, что, если решение навязано, конфликт рано или поздно в той или иной форме возобновится.

Конструктивными представляются сочетания институционального, инструментального (экономические и иные стимулы и санкции, просвещение, разработка законов и т.п.) и стандартного подходов; обеспечение равных условий для сторон независимо от их национальности; создание экономической и культурной инфраструктуры межнационального согласия; гуманизация межнациональных отношений; наконец, привлечение третьей стороны.

Заметим, что нечего этого не было сделано во время многократных попыток прекращения конфликта в Нагорном Карабахе; переговоры проводились спонтанно, без предварительной подготовки, без плана и, естественно, не привели к какому-либо позитивному результату.

Не только в межнациональных, но и во многих других конфликтах может быть использован такой метод, как разведение сторон, их изоляция друг от друга. В бытовом конфликте это, например, расселение соседей, в семье — развод, в управлении — перевод конфликтующих сотрудников в разные отделы. В международной практике разведение сторон может предполагать установление «коридора безопасности», введение миротворческих сил

и т.п. Естественно, что разведение сторон может встретить сопротивление противоборствующих сил, но иногда, как показала международная практика, оно является единственно эффективным способом.

Важно также воздействовать на идеологические и социально-психологические характеристики участников конфликта, в частности стараться развеять ложные представления сторон друг о друге, о действиях и мотивах их поведения.

Для того чтобы свести к минимуму издержки конфликта, можно попытаться контролировать его динамику, сохранив его позитивный потенциал (если он, конечно, имеется). В этом случае используются пропагандистские, административные, силовые средства, которые, естественно, имеют временный эффект. Но здесь особенно важны сопутствующие усилия по разрешению долговременных противоречий, лежащих в основе конфликта.

В то же время лидер участвующего в конфликте этноса, несмотря на соблазны «волевого» решения, может принять такие меры по разрешению конфликта, которые хотя бы временно удовлетворили все стороны (компромиссный стиль руководства). Правда, возможности руководителя бывают довольно невелики — его разгоряченные сторонники и советники нередко подталкивают его к кардинальному решению.

Если исходить из тезиса, согласно которому столкновения, основанные на расхождении интересов, признаются естественными и неизбежными, то тогда и открыто проявляемые противоречия могут быть достаточно полезными с точки зрения улучшения отношений. Проблема не в снятии напряженности, не в устранении самого конфликта, а в умелом управлении столкновением. Подобный подход заставляет видеть в противнике не всегда приятного, но все же партнера.

Так, на традиционных встречах руководителей северокавказских субъектов Федерации удастся не только обнаружить самые болевые точки в межнациональных отношениях, но и осознать необходимость выработки мер по смягчению напряженности. Хотя эти руководители, как правило, исходят из интересов одного этноса, они понимают цену, которую заплатят не только «противники», но и «свое» население.

Одним из эффективных средств урегулирования этнических конфликтов является преследование лиц, нарушающих национальное и

расовое равноправие. Для многонациональной России это средство может иметь определяющее значение, особенно на уровне реализации существующего закона¹.

Статья 282 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности по национальной принадлежности. Криминалом объявлялись и действия должностных лиц по ограничению прав. Особо тяжкими считаются действия групп лиц, следствием которых являются межэтнические конфликты, сопровождаемые гибелью людей. Последующие дополнения и различные акты федеральных органов и субъектов РФ подтвердили существующий запрет на подобные действия.

Несмотря на существующие запреты, действия, направленные против отдельных этносов, остаются на практике по сей день, как правило, ненаказуемы.

Российский исследователь Ю.Н. Демидов охарактеризовал сложившееся положение следующим образом:

«В настоящее время в российском законодательстве достаточно правовых норм, охраняющих национальное и расовое равноправие от преступных посягательств. Проблема состоит в неуклонной их реализации. Своевременное, законное, наступательное применение уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение национального равноправия к лицам, умышленно возбуждающим национальную рознь и вражду, является одной из мер предупреждения острых социальных конфликтов на национальной почве и сопряженных с ними тяжких преступлений против личности, общественного порядка, интересов государства. Закон следует применять на начальной стадии преступной деятельности, когда умышленные действия по возбуждению национальной розни и вражды еще не привели к фактическому ущемлению прав и свобод граждан. В отдельных случаях речь может идти о применении норм закона о приготовлении или покушении на преступление. В реализации норм об охране

¹ См.: Государство и право. 1994. № 7. С. 95.

национального и расового равноправия важно стремиться к положению «lex valet in omnes» («закон имеет силу для всех»)»¹.

В многонациональной России охрану национального, расового и религиозного равноправия от преступных посягательств кажется целесообразным считать в качестве одной из основных задач уголовного законодательства. Основы уголовной политики государства должны исходить из необходимости усиления правовой охраны национального и расового равноправия граждан, в том числе уголовно-правовыми средствами. При этом важно учитывать положения международно-правовых актов, касающихся охраны прав человека в сфере национальных отношений.

Уголовная политика должна включать в себя разработку и реализацию региональных и федеральной программ профилактики преступлений на почве национальной неприязни. Непосредственное участие в их разработке и реализации обязаны принимать как государственные органы, так и общественные организации, объединения, представители культуры, различных религиозных конфессий. На правоприменительном уровне следовало бы строго выполнять конституционное положение о недопустимости создания и деятельности партий, организаций и движений, имеющих целью разжигание социальной, национальной и религиозной розни¹.

Усилению правовой охраны национального равноправия граждан способствовало бы введение и административной ответственности за распространение различными способами идей, материалов, пропагандирующих национальное неравенство и неприязнь.

Не стоит, однако, сводить все формы урегулирования конфликта к правовым.

¹ Государство и право. 1994. № 7. С. 96.

¹ Государство и право. 1994. № 7. С. 99.

§ 5. Разрешение коллективных трудовых конфликтов

Коллективный трудовой конфликт встречается как на макроуровне (страна, регион, отрасль хозяйства), так и на микроуровне (предприятие, цех, бригада и т.д.).

На макроуровне разрешение конфликтов этого вида происходит прежде всего путем его институционализации на основе сотрудничества сторон. Заинтересованность в стабильности системы, а также наличие соответствующего законодательства обуславливают готовность предпринимательских организаций, профсоюзов и правоохранительных органов к гибкому регулированию возникающих конфликтов. Все эти институты, включая разного рода примирительные комиссии, должны уметь адекватно реагировать на разнообразные формы проявления трудовых конфликтов.

К числу наиболее встречающихся форм трудовых конфликтов относятся: 1) критические выступления на собраниях трудового коллектива; 2) увольнение, в том числе и коллективное, по «собственному желанию» после обсуждения сложившейся ситуации; 3) забастовка (предупредительная, временная, бессрочная и др.); 4) массовые демонстрации и митинги; 5) саботаж (отказ от выполнения приказов администрации); 6) бунт, сопровождающийся порчей оборудования, поджогами¹. К этому перечню можно добавить специфическую форму протеста — перекрытие важных железнодорожных магистралей и шоссейных дорог.

Министерство труда РФ (информация службы по урегулированию коллективных трудовых споров) в 1998 г. сообщило, что коллективные трудовые споры в январе — сентябре 1997 г. были зарегистрированы на 6620 предприятиях, в организациях и учреждениях, в них приняли участие 1135,5 тыс. человек. В соответствующем периоде 1998 г. число их достигло 10 754.

Наибольшее количество коллективных трудовых споров зарегистрировано в Кемеровской (1205), Свердловской (648),

¹ См.: *Зайцев А.К.* Социально-трудовой конфликт — это норма // Социологические исследования. 1993. № 8.

Оренбургской (290), Владимирской (282), Воронежской (228) областях и Хабаровском крае (506).

Для общества в целом оптимальной является "модель взаимодействия, направленного на согласование интересов, достижение консенсуса и компромисса. Отказ от такой модели взаимодействия, особенно в период кардинальных социально-экономических изменений, ведет к массовым трудовым конфликтам.

В развитых же странах механизм предупреждения и разрешения забастовок довольно хорошо отлажен.

В США еще в начале XX в. был принят закон о трудовых отношениях, созданы правительственные и независимые организации по урегулированию трудовых споров (например, Министерство труда, агентство «Федеральное посредничество и услуги примирения»). Закон Тафта—Хартли отказывает в праве проведения забастовок в знак солидарности, а также забастовок госслужащих. Кроме того, запрещены забастовки с требованиями восстановить на работе уволенных рабочих, оплатить время простоя во время забастовки и т.д. Суд может запретить забастовку, если она будет признана представляющей угрозу общественной безопасности.

В ряде европейских стран, с учетом их опыта и традиций, приняты и действуют законы, схожие с американскими.

Механизм разрешения трудовых конфликтов, разумеется, не может действовать без учета причин забастовок, без изучения мотивов их проведения. Дело в том, что администрация предприятия (конфликт на м и к р о у р о в н е) часто поддается соблазну объявить ту или иную забастовку нелегальной, т.е. незаконной.

Согласно российскому Закону «О порядке разрешения трудовых споров (конфликтов)», незаконными считаются те забастовки, цели которых — изменить конституционный строй, изменить существующий порядок деятельности высших органов государственной власти, отправить в отставку их руководителей или руководителей государства и республик, а также требовать нарушения национального и расового равноправия либо изменения границ; запрещено также проведение забастовок в обход установленных законом процедур.

Прекращение работы как средство разрешения коллективного трудового конфликта не допускается, если это создает угрозу жизни и здоровью людей, а также на предприятиях и в организациях железнодорожного и городского общественного транспорта (включая

метро), гражданской авиации, связи, энергетики, оборонных отраслей (в подразделениях, непосредственно занятых производством продукции оборонного назначения), в государственных органах, на предприятиях и в организациях, на которые возложено выполнение задач по обеспечению обороноспособности, правопорядка и безопасности страны, в непрерывно действующих производствах, приостановка которых связана с тяжелыми и опасными последствиями.

Трудовые коллективы указанных предприятий и организаций или профсоюзы после соблюдения установленных примирительных процедур имеют право обратиться за защитой своих законных прав к Президенту РФ, премьер-министру или другим высшим государственным лицам, которые обязаны принять решение в течение одного месяца. Поскольку на практике данные запреты не всегда соблюдаются, специалисты в области права (В.А. Леванский) предлагают дополнительный, более подробный перечень оснований, дающих право отдельным властным органам запрещать забастовку¹.

Что касается легальных (разрешенных законом) забастовок, то при их организованной подготовке имеются широкие возможности для урегулирования конфликта. До забастовки может и не дойти, если примирительные комиссии и трудовой арбитраж (независимые профсоюзы и органы работодателя) смогут примирить стороны на договорно-согласительном принципе.

Решение арбитража обязательно для сторон конфликта, если они заранее об этом договорились. Арбитраж вправе внести представление в отношении должностных лиц, виновных в возникновении конфликта. Вышестоящие хозяйственные и профсоюзные органы должны рассмотреть это представление, принять по нему меры и проинформировать об этом трудовой коллектив.

Эффективно и привлечение постороннего авторитетного человека (посредника), который смог бы примирить стороны.

Участники конфликта должны также иметь возможность непосредственного обращения в суде. Невыполнение любого решения суда администрацией предприятия или его владельцем влечет за собой юридическую ответственность конкретных лиц, а трудовым коллективом — признание забастовки незаконной.

¹ См.: Юридический конфликт: сферы и механизмы. М., 1994. С. 86.

Конфликтологи и другие специалисты, занимающиеся регулированием забастовки, обязаны помнить, что этот вид противостояния — дело Добровольное и никто не может быть принужден к участию в нем. Недопустимы преграды (пикетирования) с целью воспрепятствовать выходу на работу тех, кто не желает бастовать, а также приказы и угрозы администрации в адрес работников, принимающих участие в легальной забастовке.

Высокая степень готовности к забастовке, решимость трудящихся в отстаивании своих прав делают неэффективной тактику работодателей, направленную на изоляцию «зачинщиков». Часто встречающиеся попытки возложить ответственность за забастовку на представителей тех или иных партий не способствуют снятию эмоциональной напряженности, которая всегда свойственна трудовым спорам.

Население, даже если оно несет в результате забастовки определенные издержки и потери, обычно понимает, что это нормальная для демократически организованного общества форма защиты работниками своих прав.

Причин для коллективных трудовых споров великое множество, однако основной является задержка выплаты заработной платы.

В последние годы территориальные органы службы по урегулированию коллективных трудовых споров из-за недостаточного финансирования (которое осуществлялось Минфином России по остаточному принципу по мере поступления в федеральный бюджет налогов и платежей), малочисленности и неуккомплектованности практически не могли выполнять свои функции в полном объеме.

В то же время Минтруда России в целях совершенствования порядка регулирования социально-трудовых отношений продолжает работу по согласованию с главами администраций субъектов Российской Федерации порядка делегирования функций по урегулированию коллективных трудовых споров органам по труду исполнительной власти на вверенных им территориях¹.

§ 6. Переговоры как метод разрешения конфликтов

¹ См.: Социальный конфликт. Калуга, 1998. № 1. С. 83.

Из всех способов преодоления противоборства сторон переговоры между ними являются наиболее эффективным. Для так называемого переговорного типа взаимодействия характерно то, что стороны пытаются добиться хотя бы части желаемого, пойти на определенные компромиссы. Процесс переговоров может начаться, если стороны: 1) помимо противоречащих интересов имеют и значимые общие интересы; 2) считают возможным достижение определенного понимания или соглашения, которое для них более выгодно, чем другие альтернативы; 3) вступают в дискуссию в поисках взаимно удовлетворяющего решения.

На наш взгляд, готовность сторон идти на компромиссы или забота о получении другой стороной определенной выгоды не являются обязательными атрибутами переговоров. Возможна ситуация, при которой каждая из сторон высказывает просьбу или выдвигает требование не с целью пойти на компромисс, а с целью добиться уступок только от другой стороны. Подчас сами переговоры могут привести к обострению отношений. Тем не менее отказываться от них нецелесообразно.

Примеров более или менее эффективного использования переговорного процесса, направленного на разрешение конфликтной ситуации, множество. Весьма позитивную роль, как правило, играют посредники, умеющие хотя бы на время примирить противоборствующие стороны и тем избежать кровопролития и иных нежелательных результатов.

Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны в первую очередь договориться о спорных вопросах и об условиях дальнейшего их обсуждения. При этом чем точнее и жестче очерчен предмет спора, тем больше шансов, что конфликт будет разрешен окончательно. Ведь если предмет не определен и конфликт в значительной степени перешел в фазу межличностной неприязни, погасить его трудно: сразу врагов не сделаешь друзьями. В международных отношениях такого рода «неопределенные» конфликты особенно опасны, так как они могут тянуться десятилетиями.

Польский исследователь К. Доктур, характеризуя переговоры, считает, что возможны следующие варианты:

* каждая из сторон выслушивает аргументы другой стороны и отказывается от некоторых своих требований;

* достигается равноправие сторон, происходит компромисс путем переговоров;

* стороны прибегают к силе, чтобы навязать свое мнение;

* силы конфликтующих сторон неравны, и происходит отступление более слабой (или более разумной) стороны;

* происходит увеличение количества предполагаемых решений, что приводит к новым трудностям, особенно в тех случаях, когда стороны не имеют четких целей.

Представляется, что любая стратегия переговоров на макроуровне, да еще и при множестве конкурирующих групп, является наиболее сложной. Эту стратегию трудно смоделировать и вряд ли можно предсказать ее результаты. В условиях России, переживающей переходный период, это особенно заметно хотя бы потому, что становление новой системы ценностей в отношениях между людьми потребует довольно длительного времени. Кроме того, в стране постоянно нарастают противоречивые требования, исходящие от различных групп населения.

Определенную роль играет и число участников переговоров. В любом случае в переговорах должен учитываться как можно более широкий спектр мнений. Только так может быть обеспечен честный и стабильный результат, поскольку даже проигравшие стороны по своему способствуют его достижению. Но с ростом числа участников переговоров возрастают различные трудности и издержки.

Принимая во внимание тот факт, что в переговорах могут участвовать множество совершенно различных участников, отметим, что результат достижения согласия может быть незначительным. В то же время с увеличением числа участников переговоров повышаются шансы формирования устойчивой коалиции.

«Проблема политической и экономической трансформации в Восточной Европе состоит в том, чтобы понять, что позиции всех участников переговоров носят на себе определяющий отпечаток исторической исходной позиции, в корне отличающейся от той, которая типична для развитого рыночного хозяйства. Это может быть и преимуществом, поскольку слабый противник сопротивляется менее

упорно. Но такая ситуация может привести и к нестабильности, потому что интересы и средства их обеспечения вполне очевидны только у прочных группировок»¹.

Важно учитывать и саму ситуацию переговоров. Согласно теории игр, вероятность совместного решения возрастает, если определенная игра повторяется, хотя, возможно, на новом уровне. Трансформация любого режима — уникальное, единичное событие. Отсутствие опыта делает в принципе возможным получение существенных преимуществ одними группами или лицами за счет и в ущерб другим; в будущем такое развитие событий может быть лишь с трудом как-то снивелировано.

Наконец, немаловажный фактор — намерения и ожидания сторон. Выбор стратегии отдельными участниками переговоров зависит, в сущности, от их ожиданий результатов. Если, например, результат совершенно не определен в силу недостаточных знаний о функционировании хозяйственной системы, то невозможно принять рационального решения, а значит, отсутствуют и рациональные ожидания по поводу возможных действий других сторон.

Таким образом, достичь стабильного равновесия, необходимого для принятия приемлемого для всех решения, при трансформации экономической системы в посткоммунистических обществах очень трудно. Альтернативой решения проблем трансформации путем переговоров являются спонтанная эволюция и «просвещенная» диктатура, т.е. так или иначе институциональный выбор решения¹.

Несколько проще ситуация, когда в переговоры включаются две или три стороны (микроуровень) с четко определенными целями и выраженным желанием идти на компромисс.

Четкость и ясность предлагаемых или используемых процедур принятия решений предопределяет взаимное доверие сторон и повышает вероятность надежных результатов. Одностороннее и сугубо совместное принятие решений отличаются друг от друга рядом промежуточных этапов, на которых проводятся следующие процедуры:

1) принятие решений и их оповещение, мотивирование, (традиционный процесс принятия решений сверху донизу);

¹ См.: Цель - рыночное хозяйство. М., 1995. С. 434.

¹ См. Цель – рыночное хозяйство. М., 1995. С.435

2) консультации с конкретными лицами, принятие решений и их оповещение (наиболее распространенный способ принятия политических решений);

3) консультации с какой-либо группой, принятие решений и их оповещение (консультации под знаком голубой ленты/модели консультативного комитета);

4) предложения по принятию конкретных решений какой-либо группой, имеющей определенные ограничения (модифицированный консенсус);

5) предложения по принятию конкретных решений определенной группой.

На каждом этапе критерием являются результаты предыдущего этапа. Например, если группа на третьем этапе не в состоянии прийти к консенсусу или рекомендации, то полномочное решать лицо возвращается ко второму этапу.

Переговоры включают в себя различные действия. Это могут быть просьбы, требования, предложения, обещания, отказы и пр.

Человечество накопило огромный опыт ведения переговоров. В последние десятилетия выкристаллизовались несколько стандартных правил и процедур их ведения. Определены стороны переговоров, непосредственные участники, предмет, каналы взаимной коммуникации, информация. По мнению многих исследователей, недостаток последней ведет к подозрительности и недоверию участников, т.е. к углублению конфликта. Замечено также, что существуют трудности с выработкой критериев оценки как хода, так и результатов переговоров. В целом же, поведение участников во многом зависит от сложившейся ситуации, а также их образовательного и культурного уровня, волевых и иных личностных характеристик.

Процедуры

Существуют специфические приемы по ведению переговоров. Например, в работах, посвященных менеджменту, большое внимание уделяется проблеме решения производственных конфликтов. Здесь весьма важной считается сама *процедура подготовки* переговоров. В нее входит сбор сведений о сопернике (партнере по переговорам), его личностных характеристиках, вероятных аргументах. Во время самих переговоров специалистами рекомендуется такая линия поведения,

которая противодействует обострению конфликта. Основные правила при этом достаточно просты:

- * уважать права друг друга;
- * выслушать партнера не перебивая;
- * демонстрировать понимание точки зрения партнера;
- * выяснить, как партнер воспринимает конфликт;
- * четко формулировать предмет обсуждения;
- * констатировать общие точки зрения;
- * спокойно выяснить, что вас разъединяет;
- * после этого снова обрисовать содержание конфликта;
- * искать общее решение;
- * принять общее «коммюнике», отметив согласие и оставшиеся расхождения.

Приводится и перечень типичных ошибок, в том числе и с тяжелыми для переговоров последствиями. Допуская такие ошибки, переговоры в принципе можно и выиграть. Но это будет временная победа, и конфликт может снова продолжиться, так как противник, проиграв, не всегда будет соблюдать заключенное соглашение. Эти ошибки большей частью состоят в следующем:

- * партнер изображает собственный промах как ошибку противника;
- * партнер частично скрывает свои интересы;
- * партнер принимает «боевую стойку» или уходит в оборону без необходимости;
- * партнер настаивает на признании своего превосходства (преимуществ);
- * припоминаются старые обиды, акцентируются уязвимые места противника;
- * в конце переговоров объявляются «победитель» и «побежденный».

Как мы уже говорили, очень часто напряженность при переговорах — в определенном смысле есть плод воображения участников. Справиться с «ложными» конфликтами гораздо труднее, чем с действительными. Только квалифицированно проведенные переговоры могут снять с повестки подобные «конфликты-призраки», что в значительной мере облегчит разрешение реально существующих конфликтов.

Переговоры становятся более успешными по мере укрепления доверия между их участниками. Если их потребности удовлетворены

хотя бы частично, обычно это означает большее, чем простое устранение осложнений. Отсутствие доверия заметно затрудняет, если не обесценивает вообще переговоры.

Как известно, переговоры между армянской и азербайджанской сторонами по прекращению огня в зоне конфликта (конец 80-х гг.) велись постоянно. Подписывались соглашения, которые затем стороны не выполняли. Причина, на наш взгляд, заключалась в том, что коренная проблема, связанная со статусом Карабаха, так и не была разрешена; она разводила стороны на диаметрально противоположные позиции. Немаловажную роль играла подозрительность в отношениях, сложившаяся в ходе самих переговоров. Каждая сторона чувствовала, что к ее мнению в очередной раз не прислушались. Тем самым никакого доверия между сторонами не создавалось. Атмосфера подозрительности, несмотря на все усилия международных посредников, сохраняется до сих пор.

Множество рекомендаций по ведению переговоров, касающихся разрешения трудовых, ведомственных и международных конфликтов, выработано американскими исследователями. Приведем некоторые из них:

- * переговоры должны вестись как по процедуре, так и по существу Дела;

- * необходимо добиваться согласованного понимания проблемы и лишь затем переходить к ее совместному решению;

- * прежние проблемы следует свести к их причинам. Необходимо отличать человеческие проблемы от человеческих достоинств, а интересы — от занятых позиций;

- * важно видеть людей отдельно от их проблем, улучшать отношения, стремиться к убеждению. Не следует жертвовать хорошими отношениями ради своей точки зрения, равно как и не отказываться от своей точки зрения ради улучшения отношений;

- * нужно использовать справедливый подход к обоснованию своих взглядов. Отдавать должное чужим идеям, даже если не кажутся приемлемыми;

- * нельзя забывать о том, к чему стремитесь, давать слишком большую волю фантазии.

При правильно организованном переговорном процессе его участники, стремясь к достижению своих целей, дают возможность и другой стороне достичь успеха. Такой подход способствует изменению поведения в ходе переговоров более легкими средствами.

Надо также принять во внимание, что переговорный этап взаимодействия может прерваться и перерасти в борьбу. Последняя возникает вследствие того, в ходе переговоров по частному поводу вскрываются более глубокие разногласия или более глубокие претензии одного из субъектов. Предметом этой борьбы будут уже не разногласия, которые первоначально были предметом переговоров, а разногласия, прежде скрытые.

Помимо конфликтующих сторон в переговорном процессе, как отмечалось, могут участвовать арбитры и посредники. Арбитраж и простое посредничество при этом различаются степенью регламентации процедуры переговоров: в арбитраже она более упорядочена, хотя и не требует соответствия судебным правилам. Посредник также не навязывает сторонам никакого решения, он только способствует нормальному ходу переговоров между ними. В разрешении конфликтов в западных странах и США обычно принимают участие многие институционализированные учреждения, отсутствующие пока в России: дисциплинарный суд, мини-суд, конфиденциальный Заседатель и различные ведомственные комиссии. Все это, разумеется, способствует более упорядоченному и спокойному рассмотрению конфликта.

Российские конфликты обладают некоторой спецификой. В частности, этнические конфликты часто связаны с претензией на территорию с ссылками на необходимость восстановления исторической справедливости. Кроме того, отсутствует достаточный опыт посредничества.

Осенью 1992 г. на территории Северной Осетии произошла трагедия. В Пригородном районе, где соседствовали осетины и ингуши, начались кровавые столкновения, в результате которых были разрушены сотни домов и погибли тысячи жителей. Ингуши (40-60 тыс. человек) были вынуждены переселиться на территорию Ингушетии. 2 ноября 1992 г. Указом Президента РФ было введено чрезвычайное положение в зоне конфликта, сопровождавшееся вводом нескольких полков федеральных войск.

В ходе переговоров как на региональном уровне («круглый стол» в Кисловодске 27 января 1993 г.), так и на уровне руководства двух республик было достигнуто соглашение, предусматривающее отказ от насильственных действий, роспуск незаконных вооруженных формирований, освобождение заложников. При этом было очевидно, что ингушские представители всеми силами избегали формулировок, которые бы фиксировали отказ сторон от территориальных претензий. Осетинская же сторона требовала заявления Ингушетии по этому поводу как непременное условие возвращения беженцев-ингушей к местам их

прежнего проживания на территории Северной Осетии. 20 Марта 1993 г. А. Галазовым и Р. Аушевым было подписано «Соглашение о мерах по комплексному решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Ингушской Республики и Северо-Осетинской ССР». В соответствии с ним стороны взяли на себя обязательства приступить к комплексному решению проблемы беженцев, включая вопросы обеспечения безопасности, возвращения и расселения в согласованных местах компактного проживания, условились об образовании смешанной комиссии по составлению и согласованию списков беженцев и вынужденных переселенцев из Ингушетии и Северной Осетии.

Однако беженцы и вынужденные переселенцы возможностью вернуться в места постоянного проживания воспользоваться не спешили. 11 июля 1995 г. Галазов и Аушев снова встретились. «Ознакомление со стенограммой переговоров — отмечает А.Г. Здравомыслов, — свидетельствует об исключительно благоприятной, почти что дружеской атмосфере. Действительно, республики в лице своих президентов вплотную подошли к урегулированию основных спорных вопросов. Во всяком случае они нашли общий язык и по проблеме беженцев, и об охране общественного порядка, и о способе разрешения спорных вопросов. Договорились встречаться между собой систематически и регулярно, попеременно — во Владикавказе и в Назрани. Соглашение включало в себя шесть пунктов. В нем фиксировалось согласие закончить и подписать в 1995 г. полноценный Договор об экономическом и культурном сотрудничестве между Республикой Северная Осетия - Алания и Республикой Ингушетия. Стороны осудили терроризм и сочли необходимым объединить усилия правоохранительных органов обеих республик по обеспечению защиты прав, свобод и безопасности граждан. Делегации поручили руководителям республиканских правоохранительных органов в десятидневный срок разработать и принять план совместных мероприятий по усилению борьбы с преступностью и терроризмом. Они поддержали предложение о передаче ВГК функций государственного заказчика по строительско-восстановительным работам в зоне конфликта. Но самым важным был второй пункт соглашения, который необходимо привести полностью: «Стороны, — утверждалось в документе, подписанном обоими президентами, — подтверждают свою приверженность Конституции Российской Федерации и отказываются от территориальных притязаний друг к другу (!). Стороны поручают Правительству Республики Северная Осетия — Алания и Правительству Республики Ингушетия в двухнедельный срок с учетом изменившейся обстановки уточнить существующий порядок возвращения беженцев и вынужденных переселенцев в места их прежнего постоянного проживания на территориях Республики Северная Осетия — Алания и Республики Ингушетия». Если бы смысл этого пункта, имеющего решающее значение для всего осетино-ингушского конфликта, понимался одинаково обеими сторонами, то сам конфликт можно было бы считать исчерпанным!»¹

Аушев после всего этого заявил, что не имеет в виду отказа от Пригородного района, который является исконно ингушской территорией. В

¹ Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт. Перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998. С. 90-91

дальнейшем ингушская сторона подчеркивает важную деталь: у ингушей нет ни к кому территориальных претензий, в том числе и к Северной Осетии. Они лишь констатируют факт, что Пригородный район должен принадлежать им в качестве их исторической родины. Не они притязают на чужую территорию, а их территория насильственно отчуждена, а следовательно, она должна быть возвращена.

Осетинская сторона расценила это заявление как проявление неискренности и упрямства, поставившее под сомнение пункты соглашения. Таким образом, включение в сам текст Договора главного принципиального вопроса без всестороннего смыслового прояснения его привело к тому, что десятки тысяч людей на несколько зим остались без крова! В течение 1995 г. члены согласительной комиссии встречались многократно, но продвижение оказывалось минимальным. Удавалось согласовать все пункты, кроме главного, и переговоры переносились на следующий срок.

Переговорный процесс не сдвинулся с места даже после октябрьской (1995) встречи Б. Ельцина с Р. Аушевым и А. Галазовым. Президент России выразил явную неудовлетворенность ходом выполнения его Указа от 13 декабря 1993 г. «Мне не нужны местные князьки», — заявил он пригрозил применением экономических санкций в том случае, если в течение месяца не произойдет существенных сдвигов. В результате этой встречи появилось еще одно заверение сторон о подписании договора о сотрудничестве между республиками до конца 1995 г.

И все же, несмотря на огромные сложности переговорного процесса, к концу 1995 г. произошли значительные изменения в вопросе о возвращении вынужденных переселенцев. В основном это произошло благодаря тому, что в решении практических дел удалось отделить принципы от интересов¹ (табл. 5).

Таблица 5. Разрешение конфликтных ситуаций

Сложное	Простое
Стороны имеют мало общего	Стороны имеют много общего

¹ См.: Там же. С. 92.

Спорные проблемы запутаны	Спорные проблемы ясны \ определены
Выход из сложившейся ситуации достаточно затруднен (мало вариантов решения)	Имеется много вариантов решения
Участвующие стороны идентифицированы не четко	Участвующие стороны четко идентифицированы
Их интересы чрезвычайно важны	Их интересы не столь проявлены

§ 7. Переговоры в экстремальных условиях

Экстремальные условия (применение или угроза применения силы, кратковременность события, эмоциональная напряженность и т.д.) диктуют участникам необходимость сменить акцент поведения. Особенно это важно для представителей силовых структур. И все же существуют некоторые неизменные принципы переговоров независимо от того, с кем они ведутся — с хулиганом на улице, террористом, захватившим заложников, или непослушным сыном-двоечником:

- 1) необходимо управлять собственными эмоциями и, разумеется, поведением. При переговорах нельзя выпускать из вида главную цель;
- 2) необходимо создавать благоприятные условия (климат) еще до того, когда будет обсуждаться главная проблема. Для этого можно выслушать противника и рассеять его страх и недоверие;
- 3) изменение правил поведения, которые диктует оппонент с тем, чтобы он смог обратить внимание и на ваш интерес;
- 4) следует построить мост взаимопонимания и, не «нажимая», тянуть оппонента в свою сторону;
- 5) нужно развивать достигнутый успех без попытки поставить противника на колени.

Смысл применения этих принципов в том, чтобы оппонент, каким бы нехорошим человеком он ни выглядел, благодаря умелому обхождению может изменить свои намерения. Вместо того чтобы заставить его изменить точку зрения, используя давление и угрозы, нужно изменить условия, при которых он меняет решение, т.е. сам

делает выбор. Таким образом можно изменить психологическую атмосферу даже при самых трудных переговорах.

Во время Гражданской войны в Америке Авраам Линкольн выступил с речью, в которой сочувственно отозвался о мятежниках-южанам. Пожилая дама, ярая юнионистка, обвинила его в том, что он с симпатией говорит о врагах вместо того, чтобы уничтожать их. Его ответ стал классическим: «Отчего же, мадам, — отвечал Линкольн, — разве я не уничтожаю врагов, делая их своими друзьями?»¹

Переговоры с террористами

Наиболее трудными представляются переговоры при захвате заложников. Существует довольно много рекомендаций специалистов по поводу ведения переговоров в наиболее острых и опасных видах конфликтов, а именно при захвате террористами заложников.

В случае захвата заложников при переговорах должны быть проанализированы и тщательно учтены следующие обстоятельства: особенности личности захватчиков; мотивы захвата и цели преступников; предполагаемое поведение захватчиков в ближайшее и более отдаленное время; желательная процедура ведения переговоров с ними; выбор лица, ведущего переговоры, и психолога-консультанта; организация четкого взаимодействия между ведущими переговоры, руководством и группой обезвреживания.

Главными задачами переговоров в указанной ситуации являются: защита жизни заложников; задержание захватчиков и возвращение или защита имущества. Не следует путать приоритеты в указанных целях, так как иначе могут пострадать не столько террористы, сколько заложники (так не раз бывало при неумелой организации операций).

Предметами переговоров могут быть: условия освобождения заложников; продукты питания для заложников и захватчиков; условия предоставления свободы заложникам; вопрос о выкупе; вопрос об организации взаимодействия между переговаривающимися сторонами. Специалисты считают важнейшим обстоятельством снятие стресса у захватчиков, чтобы уменьшить риск совершения ими убийств и других нежелательных действий. Поэтому рекомендуется не спешить с завершением переговоров и четко соблюдать все достигнутые договоренности. В рекомендациях содержатся советы о том, как

¹ Юри У. Преодолевая «нет», или Переговоры с трудными людьми. М., 1993. С.115-117.

вступить в контакт с захватчиками, как его осуществлять, каким требованиям должны удовлетворять лица, ведущие переговоры, и другие участники контакта. Несомненно, что всегда должна быть учтена опасность срыва переговоров и необходимость применения насилия для освобождения заложников.

В западных странах, где накоплен значительный опыт в борьбе с террористами, обучение навыкам переговоров в экстремальных условиях распространено довольно широко. Это обучение касается не только персонала спецслужб, но и населения, поскольку каждый может столкнуться с террористом или стать его жертвой.

Касаясь последнего обстоятельства, можно обнаружить, что сами заложники (иногда «случайные люди») играют не последнюю роль в предстоящих переговорах по их освобождению. Они ведут себя индивидуально, но иногда можно обнаружить в их настроении общие черты. Заложники зачастую проникаются ненавистью к захватившим их террористам. Они же могут испытывать к захватчикам и симпатию. Да и сами террористы могут испытывать нечто подобное в отношении к заложникам. Все эти особенности сказываются на ходе переговоров. Отпущенная часть заложников (если это происходит) может дезинформировать одну из сторон переговоров. В то же время вероятность убийства оставшихся может быть уменьшена.

Инструкции зарубежных исследователей (составитель А.Б. Гофман) довольно просты. Они прежде всего акцентируют внимание на основных задачах переговоров в случае захвата заложников: защитить их жизни, возвратить имущество и захватить террористов. Не рекомендуется обменивать заложников по нескольким причинам.

Обмен заложника на полицейского усиливает напряженность, потому что полицейский представляет собой большую угрозу для захватчика. Кроме того, для него более престижно убить сотрудника службы порядка, чем рядового гражданина. Возможно, вы имеете дело с антисоциальным индивидом, ненавидящим символы власти, и вы отдаете ему в распоряжение символ этой власти.

Не следует обменивать заложников на членов семьи захватчика. Он может требовать родственников или друзей, чтобы составить себе «публику для самоубийства».

Поскольку осуществление обмена довольно сложно, вы рискуете просто предоставить захватчику еще одного заложника, ничего не получив взамен.

Переговоры идут верным путем, если: никто не погиб с начала переговоров, моменты напряженности, например словесные угрозы применения насилия по

отношению к заложникам, становятся реже, разговоры с захватчиком становятся все более долгими, меньше речь идет о насилии, их тон становится спокойнее.

Если в процессе переговоров похититель ранил или убил одного или нескольких заложников, есть все основания полагать, что он это продолжит. В этом случае нужно решаться на силовые действия.

Ведущий переговоры должен добровольно выполнять эти функции и должен быть опытным сотрудником службы безопасности с превосходным умственным и физическим здоровьем, способным сохранять самообладание в трудных ситуациях.

Ведущий переговоры должен обладать следующими качествами: эмоциональной зрелостью и устойчивостью (оскорбления, ругань и насмешки его не задевают. Когда вокруг него царят тревога, страх или замешательство, он полностью сохраняет присутствие духа); умением слушать; умением убеждать; способностью устанавливать контакты; практическим умом, здравым смыслом и тонким чутьем; умением действовать в ситуации неопределенности и брать на себя ответственность; настойчивостью.

Поскольку освобождение заложников требует совместных усилий многих людей, важно наладить средства коммуникации между руководством операцией, переговорной группой и руководителем группы специального назначения.

Руководство операцией должно иметь нескольких советников. Оно не может лично отвечать на все вопросы и заниматься каждой деталью. Ряд обязанностей должен быть возложен на помощника. Руководитель должен выбрать себе место в стороне от всех событий, иметь в распоряжении схему-карту ситуации и советников. Рекомендуется, чтобы среди последних были: помощник, назначенный руководителем операции, руководитель переговорной группы, руководитель группы специального назначения.

Руководитель операции должен постоянно извещать о своих намерениях главу переговорной группы. В самом деле, ведущий переговоры должен поддерживать доверие у захватчика. Если какая-либо акция начинается без его ведома, ему будет трудно придумать подходящее объяснение.

Если переговоры топчутся на месте и планируется насильственная акция, ведущий переговоры может помочь уточнить местопребывание захватчика, удержать его у телефона или занять его каким-нибудь другим образом в момент штурма.

Сама переговорная группа должна включать уполномоченного вести переговоры, его помощника, психолога и главу переговорной группы.

Уполномоченный должен вести диалог с захватчиком заложников.

Помощник уполномоченного должен: вести учет инцидентов, угроз и соглашений; вести протокол диалога с похитителем, текущих обсуждений и стратегических решений группы; поставлять любую информацию уполномоченному вести переговоры; быть готовым заменить последнего в случае его усталости.

Психолог должен: оценивать состояние психики захватчика, а также ведущего переговоры; не вмешиваться непосредственно в переговоры, чтобы

сохранять максимум объективности; рекомендовать технику и формы ведения переговоров, которые могут способствовать успешному разрешению ситуации.

Руководство операцией должно поддерживать хорошие отношения с местными средствами массовой информации. Часто можно разрядить ситуацию, предоставив захватчику возможность выступить по радио или по телевидению, и таким образом добиться освобождения заложников.

Переговорной группе следует всячески затягивать переговоры. Время работает на то, чтобы заложники были освобождены целыми и невредимыми, по следующим причинам: возрастают насущные потребности в пище, питье, сне и т.п.; снижается тревожность; у большинства людей рассудок начинает умерять эмоциональность; начинает формироваться своеобразная общность между террористами и их жертвами («стокгольмский синдром»); у заложников появляется больше возможностей убежать;

полученные сведения позволяют принять решения с лучшим знанием дела; между ведущим переговоры и захватчиком заложников могут установиться лучшие отношения и климат доверия; могут уменьшиться ожидания и требования захватчика; инцидент может быть исчерпан сам собой. Известны случаи, когда захватчики просто отпускали своих заложников, не требуя ничего взамен.

Хотя время, бесспорно, может благоприятствовать переговорам, оно может иметь также и отрицательные последствия.

Ведущие переговоры и персонал командного пункта рискуют подвергнуться влиянию усталости и трудностей и поэтому могут совершать ошибки. В своем желании покончить с инцидентом, силы порядка могут захотеть ускорить события, например, приблизиться к захватчикам без надлежащих предосторожностей или ослабить бдительность в своем укрытии.

Необходимо точно выбирать момент для установления контакта, дав захватчику заложников время успокоиться. Преждевременный контакт может обострить его стресс до предела, толкнув к выдвижению нелепых и угрожающих требований. Если у него есть время, чтобы успокоиться и реалистически оценить ситуацию, его требования будут более разумными¹.

Ведение переговоров об освобождении заложников — благородное и рискованное занятие. Ошибки во время переговоров могут усугубить ситуацию.

Так случилось во время переговоров с восемью террористами, захватившими в качестве заложников учащихся и учительницу одной из школ Ростова-на-Дону в декабре 1993 г.

При проведении операции по обезвреживанию террористов была выбрана стратегия переговоров. Однако здесь были допущены существенные ошибки.

¹ См.: Практические рекомендации по ведению переговоров об освобождении заложников // Социальные конфликты. 1993. № 4. С. 111-125.

Переговоры с террористами в ряде случаев носили стихийный характер, особенно на первоначальном этапе. Так, начальник УВД Ростовской области генерал-майор милиции М. Фетисов сразу же предложил им обменять заложников на себя. И услышал от преступников ответ: «Генералов у вас много, их жалеть не будут...»

Подчас к ведению переговоров подключались люди, не обладающие необходимой профессиональной подготовкой, не оснащенные соответствующей аппаратурой и экипировкой. Косвенной причиной этого было то, что вначале не предусматривалось создание переговорных групп, хотя в специальных подразделениях изучался зарубежный опыт, который Подтверждал необходимость таких групп. Надо отметить и непрофессионализм оперативных штабов в подборе лиц для ведения переговоров. Только специалисты могут использовать наработанный арсенал средств и тактических приемов для изучения личностных характеристик террористов с целью их идентификации, оказания на них необходимого влияния, успешного поиска и достижения соглашения с ними.

Не предпринимались и попытки снизить требуемую террористами сумму денег. Мировой опыт освобождения заложников показывает, что первоначально требуемая сумма может быть снижена в результате квалифицированно проведенных переговоров до одной трети.

Это подтвердилось и в рассматриваемом случае — впоследствии на суде главарь банды показал, что сумма в 10 млн долл. была названа им случайно и он даже был удивлен готовности удовлетворить требование безо всякого «торга». По собственному признанию Алмамедова (главаря террористов), его удовлетворил бы выкуп и в 2 млн долл.

В целом анализ операций по освобождению заложников свидетельствует о важности такого звена, каким является переговорная группа, служащая связующей нитью между органами управления МВД, ФСБ и террористами. От ее работы зависит, насколько эффективно будет осуществляться психологическая поддержка заложников и склонение преступников к сдаче¹. Опыт показывает

¹ См.; *Киреев М.П.* Проблема профессионализации в борьбе с воздушным терроризмом // Социальные конфликты. 1995. № 8. С. 192-199.

целесообразность привлечения к переговорному процессу специалистов-психологов, лингвистов и др. Они могут, в частности, помочь определить этническую принадлежность или место длительного проживания террористов. Это окажет существенную помощь в деле определения стратегических и тактических задач операции по освобождению заложников, задержанию террористов и их сообщников.

Зарубежный опыт (Великобритании, США, ФРГ, Франции) свидетельствует, что при ведении переговоров с террористами особенно эффективным может оказаться использование специалистов-женщин.

Рассмотренный выше пример подтверждает это; в переговорном процессе с террористами участвовала В. Петренко, которая, несмотря на несколько промахов, обусловленных недостаточностью подготовки, все-таки добилась положительных результатов². Переговоры, хотя и не во всем грамотные, а затем и силовая операция привели к задержке бандитов без потерь среди заложников и личного состава МВД.

Что касается силовых приемов как способа разрешения конфликта, исключать их из арсенала допустимых средств в принципе нельзя. Применение силы, в том числе и вооруженной, желательно в законных рамках, и лишь тогда, когда мирные средства (переговоры) оказались неэффективными. К тому же заметим, что формы применения силы различны, она не обязательно предполагает физическое поражение людей, а включает такие меры, как оттеснение толпы, устранение заграждений, устранение зачинщиков, установление «мирных коридоров» и др.; многие из этих средств успешно применяются миротворческими силами Организации Объединенных Наций в Европе, Азии, Африке и других регионах мира.

Сама угроза силового решения вопроса иногда может помочь выходу из конфликта. Вспомним легендарное решение царя Соломона по поводу спора двух женщин о том, кто из них является матерью ребенка. Царь, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, предложил разрубить малыша и отдать каждой по половинке.

Этого парадоксального решения было достаточно, чтобы конфликт был улажен: подлинная мать была установлена. Была

² См.: Там же. С. 196.

установлена и истина, поскольку настоящая мать с ужасом отвергла его предложение и во имя спасения жизни ребенка солгала.

Нестандартные, а иногда и парадоксальные решения конфликтов нередко бывают весьма эффективными, их основной механизм заключается в выходе за пределы спорной проблематики, повышении компетенции рассмотрения вопроса, использовании новой, более высокой системы обучения.

§ 8. Юридические способы урегулирования

Практически каждый конфликт может завершиться той или иной юридической процедурой, получить правовое оформление. Это обстоятельство объясняется тем, что субъекты конфликта обладают, как правило, равными правами, а сам конфликт может иметь юридические последствия.

Иногда конфликт имеет юридическую основу с самого начала, особенно в тех случаях, когда стороны уже связаны правовыми отношениями. Но замечено, что чаще всего в юридическую форму конфликт облекается не сразу, а лишь по мере его развития.

В качестве иллюстрации можно привести следующий конфликт, завершившийся тем, что решением Головинского межмуниципального районного суда г. Москвы от 17 декабря 1997 г. удовлетворены (частично) иски требования Российской академии наук к компании «Индепендент медиа мэгэзинз Б.В.» о защите чести и достоинства члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук Софьи Васильевны Ковалевской (1850-1891).

Причиной судебного разбирательства стала публикация в шестом номере журнала «Плейбой» за 1996 г. в рубрике «Галерея Плейбоя» репродукции картины художника Дмитрия Врубеля без названия, на которой изображен портрет женщины в эротическом стиле. Эта репродукция произвольно была сопровождена следующим текстом:

«Софья Васильевна Ковалевская. Русский математик, первая женщина — член-корреспондент Петербургской академии наук, известна трудами по математическому анализу (дифференциальные уравнения) и механике (вращение твердого тела вокруг неподвижной точки)».

Юридическим конфликт стал лишь после того, как группа видных ученых РАН поручила вице-президенту РАН академику В.Н. Кудрявцеву обратиться в суд.

Иск состоял в том, что публикация в журнале «Плейбой» рисунка женщины в непристойном виде с надписью «Софья Васильевна Ковалевская — русский ученый, математик, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук» не только безнравственна и цинична по отношению к конкретному) историческому лицу — ученому Софье Ковалевской, но и к многотысячному коллективу

Российской академии наук, которая является правопреемницей Санкт-Петербургской академии наук.

Суд признал, что использование имени Софьи Васильевны Ковалевской в тексте к эротическому изображению женщины ущемляет ее честь и достоинство, носит оскорбительный характер, в связи с чем признал иски о возмещении морального вреда Российской академии наук в данной части обоснованными и подлежащими удовлетворению¹.

Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Требования Российской академии наук о возмещении морального вреда и взыскании 100 млн руб. (неденонмированных) в доход государства суд признал необоснованными. Не нашел он оснований и для иска Российской академии наук в части возмещения морального вреда в доход Академии, считая, что судом не установлен факт причинения нравственных и физических страданий Российской академии наук.

В любом юридическом конфликте участвует третья сторона — суд, который разбирает спор и принимает решение. Кроме суда правоохранительные функции могут выполнять и другие государственные и негосударственные органы: директора предприятий и учреждений, арбитраж, различного рода комиссии по правам человека. Существует точка зрения, по которой третья сторона, если сразу и не присутствует в конфликте, то во всяком случае почти всегда «вырисовывается на горизонте». Другие исследователи считают, что все правоотношения являются трехсторонними — третья сторона всегда присутствует, регулируя жизнь общества и применяя в необходимых случаях санкции. Это положение применимо к уголовному и гражданскому судопроизводству, где участие судебных инстанций обязательно.

Стадии

Приведенный выше пример судебного разбирательства иска к журналу «Плейбой» показывает, что юридический конфликт прошел несколько стадий:

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 152) предусматривает защиту чести, достоинства и деловой репутации. Гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

1) возникновение у одной (бывает и у двух) стороны мотива юридического характера (у ученых после обмена мнениями возникло желание подать заявление в суд);

2) институализация правовых отношений между сторонами конфликта (в приведенном примере они возникли после подачи заявления в суд и уточнения стороны ответчика — «Индепендент медиа мэгэзинз»);

3) развитие (изменение, прекращение) правоотношений в связи с рассмотрением дела судом (в нашем примере эта стадия оказалась продолжительной: заседание суда неоднократно и необоснованно переносилось, ответчик изворачивался и применял различные уловки);

4) издание самого правового акта, завершающего конфликт.

В других случаях последовательность рассмотрения может быть иной. К примеру, ситуация, при которой правоотношения (до конфликта) уже существуют и только позднее появляется юридическая мотивация поведения (например, после консультации одного из участников с адвокатом). Наконец, некоторые стадии вообще могут отсутствовать. Так, криминальный конфликт может и не быть мотивирован с правовой точки зрения: например, лишь после ссоры двух лиц, закончившейся убийством, возникает уголовно-правовое отношение. По сути дела, речь идет о двух конфликтах: межличностный конфликт преступника и потерпевшего произошел и исчерпан в момент убийства потерпевшего, но на этой почве возникает другой, юридический конфликт (преступника с правоохранительными органами), протекающий в рамках процессуальных действий сторон. Наконец, возможны весьма сложные юридические конфликты с многократным чередованием различных эпизодов и стадий.

Динамика юридически оформившегося конфликта, когда в нем участвуют государственные правоприменительные (правоохранительные) органы, всегда направлена на завершение конфликта в рамках закона и в соответствии с ним. Означает ли это, что развитие такого юридического конфликта имеет целью примирение сторон, смягчение их противостояния? Отнюдь не всегда. О такой направленности действительно можно говорить применительно к семейным, некоторым трудовым, гражданско-

правовым спорам, но не относительно криминальных дел, где речь почти всегда идет о наказании виновного и часто — о насильственном вмешательстве в конфликт с целью его прекращения.

Практической целью конфликтологии является предупреждение конфликтов или их мирное разрешение. Известный российский исследователь в области права В.И. Кудрявцев считает, что это, в общем, верно, когда речь идет о межличностных отношениях. Но в данном случае мы имеем в виду не только цель, стоящую перед конфликтологом, но и средства, которые он применяет или рекомендует: «Стремление погасить конфликт путем идеологического воздействия на сознание его участников или всяческое его замалчивание есть поверхностный подход, есть порочная и опасная политика снятия конфликтной ситуации»¹. Иногда надлежит и «власть употребить», т.е. применить жесткие средства для прекращения противоборства и восстановления справедливости. Вот почему юридический конфликт и его разрешение не исключают применение принуждения, иногда путем легального насилия.

В этой связи заметим, что для юридически оформленного конфликта применение принуждения не является чем-то экстраординарным и противопоказанным. Во многих случаях насильственные, принудительные правовые меры сопровождают юридический конфликт на всем протяжении его развития¹. Силовые средства, когда они применяются правоохранительными органами в рамках и в соответствии с законом, зачастую бывают необходимыми для предотвращения или прекращения конфликта, а также для наказания виновных. Важно лишь, чтобы они не превращались в орудие произвола и не нарушали прав граждан.

¹ Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов н/Д, 1992. С. 45.

¹ См.: Социальные конфликты в современной России. М., 1999. С. 239-240.

Участники урегулирования

При нарушении принципа разделения властей в случае их столкновения применяются соответствующие статьи конституции. Активными действующими субъектами здесь выступают государственные органы независимо от того, являются они или не являются непосредственными участниками конфликта. Как правило, подобного рода конфликты решаются мирными, а не насильственными способами².

Разрешение подобного рода конфликтов осложняется участием в них различных политических сил. Хотя каждая ветвь и наделена, согласно Конституции, определенными полномочиями, однако последние реализуются не в изоляции, а в широком многофакторном контексте.

Именно поэтому важно, чтобы в разрешении конфликта участвовали различные политические (в том числе оппозиционные) силы. В ряде случаев рекомендуется провести референдум — выражение непосредственного волеизъявления (а не только через СМИ) самого народа¹.

Важную роль в разрешении подобного рода конфликтов играет Конституционный Суд, который хотя и использует чисто судебные средства и процедуры, но отличается от других правоохранительных органов тем, что рассматривает в основном дела, связанные с возможными нарушениями Конституции со стороны политических институтов.

При разрешении конфликтов, не нарушающих статьи Конституции, применяется судопроизводство (включая арбитраж) —

² События в России осенью 1993 г., когда конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти решался насильственным образом, являются скорее исключением, чем правилом.

¹ См.: Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 223-232.

основное средство, выработанное практикой с древнейших времен. По сравнению с другими средствами оно обладает рядом преимуществ:

- * независимостью органа судопроизводства, рассматривающего конфликт, от других ветвей власти. Он по своему предназначению и положению заинтересован в правомерном и справедливом исходе дела;

- * четко разработанной процедурой установления и проверки фактических обстоятельств и принятия решения;

- * нормативной основой всей деятельности суда, который руководствуется законом и своим внутренним убеждением;

- * обязательностью принятых решений для исполнения как сторонами конфликта, так и другими лицами.

В России помимо Конституционного Суда существует четыре вида судопроизводства: гражданское, уголовное, административное, а также арбитражный процесс. Они различаются предметом судебного разбирательства, а в связи с этим — процедурой рассмотрения дела и характером принимаемых решений².

Для разрешения конфликта обычно используются административные средства. Эти средства часто малоэффективны.

Так, штраф, который накладывает дорожный инспектор, часто вызывает недовольство и нарекания водителей, поскольку они не имеют почти никакой возможности его опротестовать. Администратор (работник ГИБДД), по сути дела, присваивает себе и функции должностного лица, законодателя и судьи.

Ученый совет исследовательского института (коллегиальный орган) не проводит по конкурсу научного сотрудника, не опубликовавшего за последние годы ни одной статьи. Директор этого института его увольняет. Научный сотрудник не соглашается с административным решением (приказ), утверждая, что еще не закончил свое исследование, потому-то и не опубликовал столь необходимые для конкурса материалы. Такой конфликт, как правило, не разрешается, даже если суд по иску уволенного восстановил его на прежнем месте работы.

Зачастую само рассмотрение конфликта происходит в условиях острой борьбы его участников, хотя эта борьба, как правило, протекает в рамках закона.

Весной 1999 г. Генеральная прокуратура России возбудила уголовное дело против известного предпринимателя Б.А. Березовского с обвинением в экономических преступлениях. Последний обжаловал некоторые действия

² См.: Социальные конфликты в современной России. М., 1999. С. 252.

Прокуратуры (подписка о невыезде и т.д.), ссылаясь на политические мотивы возбуждения дела. Действительно, благодаря усилиям самого Березовского и представителей Прокуратуры, оно привлекло к себе внимание не только работников правоохранительных органов, но и политиков, СМИ, превратившись таким образом из обычного в многосторонний конфликт.

В ряде случаев разрешение или предотвращение криминального конфликта требует оперативных мер не только для задержания преступника и избрания меры пресечения, но и для наказания, иногда довольно сурового. Тогда юридическое разрешение конфликта квалифицируется в качестве легально-насильственного.

У р о в н и

Уровень юридического разрешения конфликта зависит от масштаба самого конфликта и статуса сторон, участвующих в нем:

- 1) конституционные средства и процедуры применяются, как правило, при рассмотрении конфликтов в политической сфере;
- 2) судебные и арбитражные средства применяются обычно в экономических, трудовых, криминальных, семейных, межличностных и других областях жизни;
- 3) административные средства используются в основном для регулирования отношений в организациях.

С целью изменить существующий произвол в применении административных средств в последнее время наряду с традиционным гражданско-правовым стал применяться административно-судебный порядок рассмотрения дел. Граждане имеют право обжаловать в суде решения любого государственного органа, лиц, возглавляющих общественные объединения, органы местного самоуправления. В соответствии с международными договорами любой российский гражданин вправе обращаться и в межгосударственные органы, если его не устраивают национальные средства правовой защиты.

Разъяснение правовых норм и положений, разумеется, разрешает многие конфликты, упорядочивая тем самым социальную жизнь. Однако существуют так называемые ложные юридические конфликты, основанные на недопонимании друг друга сторонами, недоразумениях и ошибках. Кроме того, есть сферы, где юридическое вмешательство может принести определенный вред. Это касается в первую очередь конфликтов в познавательной, научной, идеологической, религиозной и других областях жизни. Однако на практике правовая система любой

страны играет решающую роль как в предотвращении, так и разрешении большинства конфликтов.

§ 9. Ненасильственное поведение

«Сила» как одно из главных средств решения конфликтов все чаще подвергается обоснованной критике за неконституционность и разрушения, которые она может причинить.

Как отмечалось выше, насилие проявляется в различных формах, оно может быть позитивным в случае защиты общества и индивида, но, как правило, оно негативно по определению. Люди реагируют на насилие по-разному, применяя три основных вида поведения: ответное насилие, пассивность и активное ненасилие. Очевидно, что первые два вида оказываются непродуктивными. Ответное насилие приводит к эскалации конфликта, а пассивность — к покорности, уступкам, страху и поощрению несправедливости. Осознание невозможности решить спорные проблемы только путем насилия издавна подвигало людей к поиску путей его ограничения.

Выдающиеся представители индуизма, буддизма, даосизма, христианства учили, как внутренне освободиться от насилия. В западном мире христианские установки на внутреннее освобождение от насилия сочетались с внешней, направленной не только на пропаганду ненасилия, но и активную деятельность в его пользу. Наследие Г. Торо, Л. Толстого, М. Ганди, М.Л. Кинга послужило основой движения за достижение целей путем активного ненасилия. Оно довольно массово, так как опирается на известную двойственность (амбивалентность) человека, в котором уживается как стремление к силовому, так и несиловому поведению.

Мы скажем нашим самым непримиримым противникам: «Мы противопоставим вашей способности причинять страдания нашу способность терпеть страдания. Делайте с нами, что хотите, а мы будем любить вас. Мы никогда не подчинимся вашим несправедливым законам, поскольку неповиновение злу есть такой же моральный долг, как и содействие добру. Бросайте нас в тюрьмы, а мы будем по-прежнему любить вас. Разрушайте наши жилища и угрожайте жизни наших детей. Темными ночами посылайте своих убийц, насильников, обряженных в колпаки, в наши дома, чтобы они били нас до полусмерти, а мы будем любить вас. Но будьте уверены, мы победим вас нашим умением терпеть страдания. И придет день, когда мы обретем свободу, но это будет свобода не для нас одних. Мы будем так взывать к вашему сердцу и разуму, что склоним их на свою сторону, и наша победа станет победой вдвойне» (М.Л. Кинг).

Мировой опыт ненасильственного разрешения, разумеется, менее богат по сравнению с опытом войн, революций, кровавых переворотов, межнациональных столкновений. Специалисты в этой области ведут отсчет ненасильственных революций с 1832 г., когда английский король под давлением реформаторов, поддерживаемых населением, сделал важные уступки, что и привело в дальнейшем к отказу от силовых решений. Примерно такая же ситуация случилась в Японии (1867-1868), когда эта страна открылась миру и бескровно осуществила коренные реформы («революция Мэйдзи»). Во Франции в 1934 и 1968 гг., в Испании в 1975 г., в России в 1991 г. активное ненасильственное сопротивление парализовало угрозы со стороны реакционных сил и практически обезоружило последних.

Современные исследователи (Д. Шарп, А.А. Гусейнов, РЕ Апресян и др.) считают, что проблема ненасильственного поведения в столкновениях моногрупп становится особенно актуальной ввиду наступления техногенной цивилизации, несовместимой с культом силы как по моральным принципам, так по соображениям всеобщей безопасности. В связи с этим явно недостаточно рассматривать ненасилие как простой принцип непричинения человеку зла. Если пацифизм сводит ненасилие к личной позиции и смыслу жизни человека, то современный подход рассматривает ненасилие как массовое активное сопротивление, разумеется, с одним ограничением - обязательным отсутствием физического насилия.

Технологически ненасилие должно осуществляться гражданским, а не вооруженным населением с использованием цивилизованных методов борьбы. Цель ненасилия, или, как его называет Шарп, «гражданской защиты», является принуждение агрессора к отказу от своих замыслов.

Ненасилие может осуществляться населением как против внешнего врага, так и против властей, нарушающих в массовом порядке К права человека, в том числе и права на жизнь.

По Шарпу, гражданская защита от нападения извне, даже в том случае, если в стране присутствуют войска противника, может осуществляться несколькими путями.

* Полное и быстрое ее принятие в качестве основной оборонной стратегии при условии отсутствия сильных союзников и слабой вооруженности своей армии.

* Гражданская защита как дополнительная стратегия к преимущественно вооруженной оборонительной борьбе населения.

* Постепенное введение и расширение ее отдельных элементов, имея в виду полный переход к ней.

* Постепенный переход (на договорной основе) к ней нескольких соседних стран.

В любом случае необходима достаточная международная поддержка, для достижения которой рекомендуется сохранять открытыми информационные каналы, обращаться с просьбами о снабжении медикаментами и продовольствием. Конечно, нельзя быть уверенным, что защищающаяся сторона достигнет своих целей. Много зависит от силы и целей противника, а также от воли и способностей населения ненасильственно сопротивляться нападению.

Ненасилие не гарантирует успеха в достижении цели, но важно помнить, что его не гарантирует и война. Человеческие потери при ненасильственном сопротивлении обычно меньше, чем при вооруженном.

При ненасильственном сопротивлении врагу особое значение приобретают строжайшая дисциплина, наличие конкретных и проверяемых на практике целей борьбы и, наконец, реальная самооценка. Защищающаяся сторона должна также знать о возможных жертвах со своей стороны.

Что касается ненасильственного сопротивления внутреннему противнику, то здесь стратегия несколько иная. В частности, она неприменима (Р.Г. Апресян) при возникновении межнациональных конфликтов, поскольку может существенно затруднить поиск путей к взаимопониманию.

Ненасильственная борьба предполагает в других случаях несколько форм:

- ненасильственный протест в формах публичной критики, деклараций, митингов, расклеивания плакатов и листовок, отказа от наград и т.д.;

- отказ от сотрудничества с применением бойкота, забастовок, невыполнения распоряжений;

- ненасильственная экспансия, предусматривающая явное неудобство и страдания для членов параллельного («теневого») правительства: голодовка, сидячая забастовка, перекрытие дорог и т.д.

В подобных обстоятельствах противник может принять цели, точку зрения населения (группы) либо приспособиться к ним. При

энергичном продолжении ненасильственных действий он может лишиться власти¹.

Трудности применения

Исследователи предостерегают от попыток упрощенного понимания ненасилия. Для восприятия самой идеи ненасилия необходима глубокая внутренняя работа и убежденность в правоте своего дела. Иначе не преодолеть неуверенность и страх. Заблуждаются те, кто полагает, что ненасилие легко осуществимо, поскольку не предполагает использования вооруженных средств.

«Ненасильственная борьба - многократно сложнее, ибо ненасилие требует дисциплины и творческой организованности в процессе самой борьбы. В вооруженной борьбе организованность и слаженность действий выражается в первую очередь в подчиненности единой внешней воле и в эффективном взаимодействии индивидов как частиц единого целого. Психологическая же трудность ненасильственных акций обусловлена тем, что в них, по определению, каждый участник акции сохраняет свою автономию. Он самостоятельно принял решение включиться в борьбу ради высоких целей справедливости, но он также волен покинуть движение тогда, когда сочтет свое участие в нем неуместным либо противоречащим своим убеждениям. Это делает саму организацию групп ненасильственного действия довольно аморфной, однако гибкость и целеустремленность таких групп обеспечиваются именно тем, что в их деятельности проявляется синергетический эффект сложения различных, но объединенных высокой идеей общественного блага индивидуальных волей»¹.

При всех этих условиях насильственный конфликт может быть трансформирован в ненасильственный. Для определения успеха или неуспеха этого вида сопротивлений недостаточно «технологической» оценки. Важно понять, что всякого рода глобальные опасности (экологические, ядерные, демографические, ресурсные и др.) поставили народы перед выбором: либо сменить парадигму вражды с применением насилия, либо погибнуть. Именно поэтому в перспективе этика и стратегия ненасильственного поведения безальтернативны.

§ 10. Эмпатия

¹ См.: Социальные конфликты. 1995. С. 220-246.

¹ Апресян Р.Г. Ненасилие, философия. Этика. Политика. М., 1993.

Ведя себя агрессивно во время конфликта по отношению к другим людям, человек зачастую становится свидетелем боли и страданий -своего противника. Какие чувства испытывают при этом сами агрессоры? Вполне возможно, что они переживают эмпатию, т.е. испытывают чувства, аналогичные испытываемым жертвой. В зависимости от степени эмпатии агрессора уровень агрессии в последующих актах может меняться. Иными словами, в тех случаях, когда жертва агрессии демонстрирует признаки негативных эмоциональных реакций, уровень последующих проявлений агрессии может снизиться. Результаты многих экспериментов, проводившихся как с детьми, так и со взрослыми, подтверждают это. Эмпатия как реакция на ситуацию, порождающую эмоции, определялась путем заполнения опросных листов или путем регистрации мимики и жестыкуляции, свидетельствующих о наличии эмпатических реакций. Полученные результаты дали один и тот же ответ — чем выше уровень эмпатии, переживаемой участниками эксперимента, тем ниже уровень агрессии в последующих актах насилия.

Однако замечено, что боль и страдание жертвы не всегда вызывают эмпатию. Если агрессор раздражен или уверен в правильности своих действий, то демонстрация боли со стороны жертвы (сигнал о боли) может доставлять ему даже удовольствие и вызывать скорее положительные, нежели отрицательные эмоции. Другими словами, страдания врага могут выступать в качестве своеобразной формы подкрепления.

По мнению некоторых исследователей, большинству убийц эмпатия абсолютно не свойственна. Особенно это касается профессиональных киллеров и так называемых некрофилов — людей, испытывающих неудержимое стремление к чужой смерти. Как правило, это люди, которые не видят иного выхода из своей жизненной ситуации, кроме убийства и разрушения, постоянно прибегают к ним, даже невзирая на то, что ранее уже наказывались за это.

В данном смысле рецидивы насильственных преступлений весьма показательны, особенно если в их цепи присутствует убийство. Если уместно говорить об уровнях некрофилии, то наивысший из них представлен теми, кто убивает детей или совершенно незнакомых людей, не сводя личные счёты и не испытывая ненависти или вражды (например, стреляя по толпе или убивая при разбое случайного прохожего), наемными убийцами, которым все равно, кого убивать, лишь бы за это платили и была удовлетворена жажда разрушения, наемниками-авантюристами в войнах и в межнациональных конфликтах, политическими и религиозными террористами, среди которых много фанатиков, наконец, сексуальными убийцами, наиболее ярко представленными такими фигурами, как Чикатило¹.

Не всякий насильник движим ненавистью к своей жертве. Часто социальное окружение создает обстановку при которой чувство вообще не играет какой-либо значимой роли (Э. Фромм).

«Он был (немецко-фашистский преступник Эйхман. — *А.Д.*) очарован бюрократическим порядком и всем мертвым. Его высшими ценностями были повиновение и упорядоченное функционирование организации. Он транспортировал евреев так же, как транспортировал уголь. Он едва ли воспринимал, что речь в данном случае идет о живых существах. Поэтому вопрос, ненавидел ли он свои жертвы, не имеет значения»².

История свидетельствует, что многие государства, преследуя политические цели, применяют репрессии и пытки. Они готовят людей (солдат, полицейских, «омоновцев», «национальных гвардейцев» и т.д.), уставная роль которых предполагает следование, иногда слепое, приказам, способным, как они сами знают, причинять боль и страдание другим людям. Они это делают, не особенно обращая внимание на переживания других. Почему они так поступают? Немногочисленные исследователи (Д. Гибсон и др.) считают, что, если предрасположенный к исполнению приказов человек попадает в ситуацию необходимости совершить жестокий поступок, эмпатия снижается тренировкой. Именно поэтому кажущиеся нормальными люди способны на зверства по приказу. Более того, некоторые «положительные» личностные характеристики — боязливость и добродетельность — упрощает обучение, возбуждая агрессию и убеждение в своем превосходстве.

¹ См.: Антонин Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 251.

² Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

Разумеется, виновники чужих страданий часто испытывали психологическое напряжение, особенно если совершали свои действия в контакте с жертвами. Некоторые затем часто заболевали психически³

Довольно своеобразны переживания у хирургов. В экстремальных условиях они могут вообще утратить эмпатию.

В майские дни 1999 г. хирург в Приштине (Югославия), проводя журналиста по палатам клиники, комментировал: «Серб. Девятнадцать лет. Рядовой ЮНА. Тяжелое ранение. В коме...»

«Албанец. Сорок лет. Бизнесмен. Пострадал от взрыва. Ранение брюшной полости. Второй день не приходит в сознание...»

Ничего не выражающее, кроме предельной усталости, лицо. Ровный, начисто лишенный эмоций голос. Неужели к смерти можно настолько привыкнуть? Я очень хотел спросить об этом югославского доктора, но тот, опережая мои вопросы, обронил фразу, которая многое прояснила:

- Мы делаем все возможное, но смерть часто оказывается сильнее. В Косово все только начинается. Смертей здесь будет еще много...

В сказанном не было ни фатальной безысходности, ни леденящего ужаса. Было лишь свое профессиональное понимание того, что подразумевается под емким словом «война»¹.

Если общество стремится к уменьшению страданий и сочувствию к боли и переживаниям, то перед конфликтологом возникает вопрос: как обучать солдат, полицейских, следователей, хирургов и представителей других профессиональных групп, чье назначение несколько расходится с этой благородной целью?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Установлено, однако, что большую готовность к насилию, к причинению страданий другим проявляют люди с установками типа «жизнь полна опасностей», «некоторые люди выше остальных», «индивидуальная свобода выше традиций» и т.д. (Б. Альтемеер).

Предлагается также использовать такие методы воспитания (начиная с семейного и школьного и заканчивая профессиональной подготовкой), которые бы снизили способность бездумного и беспрекословного подчинения власти. Методы, использующие гуманные принципы, самоуважение, воспитанность, уважение к свободе, могут применяться сначала в семье, оформляться в процессе

³ См. Гибсон Д. Обучение людей жестокости в условиях государственного террора// Иностранная психология. 1993. N 1. С.29

¹ Независимая газета. 1999. 7 мая

социализации через религиозные и образовательные институты, средства массовой информации.

В отношении деятельности военных и полицейских следует отметить, что, несмотря на заявления политиков и правозащитников о долге солдата уклоняться от исполнения аморальных (преступных) приказов, они не дают ни практического руководства к подобным действиям, ни навыка различения «морального» и «аморального» признаков, так же как не разграничивают ситуации по приемлемости применения насилия. Представление о важности власти для склонных к послушанию индивидов предполагает, что на ранних этапах обучения необходимо специально приказывать солдатам не выполнять аморальные указания¹.

Итак, данные многих исследований показывают, что сигналы о боли жертвы и эмпатия, возникающая в результате их появления, все же иногда могут, быть эффективным средством для снижения уровня открытой агрессии. Жертвы, плачущие от боли, умоляющие о пощаде или посылающие сигналы о своем страдании другим способом, зачастую добиваются прекращения агрессивных действий по отношению к себе. Но, по всей видимости, этот метод оправдывает себя в тех случаях, когда агрессоры до этого не подвергались сильному раздражению. Если же агрессоры перед этим подвергались сильным провокациям, попытки ослабить агрессию таким образом могут сыграть противоположную роль и только усилить интенсивность действий, которые пытались предотвратить².

§ 11. Юмор

Роль юмора в качестве способа предупреждения и ослабления конфликта также общепризнанна. В своем учебнике по социологии Н. Смелзер, касаясь ролевых конфликтов в семье, создающих напряженность, с уверенностью назвал любую шутку реальной возможностью «выпустить пар»³. В рамках же модели межличностного взаимодействия юмору и смеху многими приписывается набор таких

¹ См.: Гибсон Д. Указ. соч. С. 33.

² См.: Бэртон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.; М., 1994. С. 78.

³ См. Смелзер Н. Социология М., 1994. С.78

целительных средств, которому мог бы позавидовать любой фармацевт.

З.Фрейд был одним из первых исследователей, рассмотревших юмор в качестве защитного средства.

«Защитные процессы, - писал он, - являются психологическими коррелятивами рефлекса бегства и преследуют цель предупредить возникновение неудовольствия. Затем они служат для душевной жизни автоматическим регулятором, который, в конце концов, оказывается, конечно, в чем-то ущербным для нас и должен поэтому подвергнуться подавлению со стороны сознательного мышления... Юмор может быть понят как высшая из этих защитных функций»¹.

Объясняя место шутки, каламбура в логике неврозов, Фрейд считал, что вызываемый ими смех разряжает напряженность, созданную ограничениями со стороны социальных норм. Такая разрядка порождает чувство удовлетворенности, хотя бы и временное, у участников конфликта и способствует разрешению проблем.

Любой человек, контактируя с другими, как правило, стремится сохранить свой образ, поддержать свой престиж. Потребность в признании другими стимулирует активность поведения. Человек, не лишенный юмора, имеет реальную возможность разрядить напряженность в межличностных отношениях. «У всякого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия» (И. Бабель).

Исследователи считают, что смех не только целесообразен, но и крайне необходим в вопросах видového выживания³.

Чувство смешного свойственно всем психически здоровым людям. «Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от желания Вас повесить», — замечал Б. Шоу. Юмор и смех, как правило, ведут к сублимации конфликта. Разумеется, сублимация — не решение конфликта, поэтому риск его эскалации остается. Но острота ситуации, несомненно, ослабевает.

Эмоциональная солидарность с другими способствует усвоению моделей социального поведения, осуществляемого группой, принятию ее норм и ценностей. Шутки и остроты внутри группы обычно способствуют ее сплочению. В профессиональных группах идентификация происходит не только по вертикали (начальник —

¹ Фрейд З. «Я» и «Оно». Тбилиси, 1991. Кн.2 С. 401

подчиненный), но и по горизонтали (большинство—меньшинство, инженеры — служащие, квалифицированные — неквалифицированные рабочие и т.д.). При напряженных отношениях между отдельными людьми, принадлежащими к разным группам, а также между самими группами официальные (формальные) отношения могут быть изменены. Юмор помогает переосмыслить отношения, навести «мосты» между соперничающими группами. Однако в условиях открытого конфликта стороны обычно страшатся юмора и сатирических интенций, видя в них для себя угрозу или оскорбление.

При напряженности, не приводящей к конфликту, функции юмора более разнообразны и расплывчаты. В иерархических структурах работники, стоящие на верху служебной лестницы, используют его для доказательства превосходства. Юмор подчиненных более асимметричен. Его критичность по отношению к начальству очевидна; в то же время он служит препятствием для агрессивного поведения и представляет собой отдушину для накопившегося раздражения. Иллюстрацией «управленческого юмора» служат известные «законы» Мерфи, Паркинсона, Питера.

Шутки «по вертикали» «снизу — вверх» фиксируют внимание на глупости начальника, его необразованности, низкой культуре. Начальники используют юмор «по вертикали» с целью осуждения промахов подчиненных. Такого рода остроты и шутки обычно не только интегрируют группы, но и устанавливают их границы. Обмен ролями между представителями групп может носить гротескный характер.

Двойственную функцию играют юмор и смех в необходимой смене политических лидеров. Принижение их роли всегда было целью таких проявлений юмора, как политические карикатура, анекдот, сатира. Именно по этой причине в тоталитарных обществах на подобное творчество существует безусловный запрет, подкрепляемый даже уголовной ответственностью. В переходных или демократических обществах ситуация складывается несколько иначе.

Обычно на смену политикам, играющим на классовой или национальной нетерпимости, как правило, приходят лидеры согласия. Это происходит чаще всего на фазе «затухания» конфликта. И процесс этот можно ускорять: смена политиков так же необходима, как и круговорот в природе. Старающегося удержаться у власти не стоит свергать (как говорится, себе дороже), достаточно изучить некоторые его черты, а заодно и «свиту короля». Обнаруживаемые при этом

паранойя и нарциссизм, столь характерные для подобного рода лидеров, — излюбленная тема юмористов.

Замечено, что люди с насмешкой реагируют на получение лидером незаслуженной награды. С общесоциологических позиций это вполне объяснимо. Каждая группа, каждый человек получает определенное вознаграждение в обмен на участие в социальном процессе. Рабочий и служащий получают зарплату, домовладелец — аренду, бизнесмен — прибыль, автор — гонорар. В особых случаях общество выделяет специальную премию, подарок или орден. И проблема заключается в том, кто определяет награду и кто, соответственно, награжден. И есть ли ныне более убийственная тема для анекдотов о нынешних политиках, чем получение всякого рода незаслуженных, с точки зрения населения, премий, наград и привилегий?

Напомним, к примеру, насколько широко в 70-80-е гг. были распространены анекдоты о Л.И. Брежневe. В любом демократическом обществе это обычная практика. Личность лидера в этом случае становится более ясной, а склонность к самовлюбленности, самолюбованию находит всеобщее осуждение. Любовь к наградам и прочим символам власти союзного лидера обыгрывалась в любых компаниях, на вечеринках, в обеденных перерывах.

Циркуляция огромного количества анекдотов, шуток настолько изменила привычку играть символами власти и почета, что последующие лидеры демонстративно воздерживались от получения несомненно желаемых ими наград. Президент М.С. Горбачев явно предпочитал международное признание, на что реакция публики была также довольно противоречивой.

Скрытый конфликт между лидером и массой может быть предупрежден или разрешен на ранних стадиях путем обычных процедур, главная из которых — свобода слова и печати. Параноидальные отклонения, характерные для многих крупных лидеров, всякое уважающее себя демократическое общество может контролировать с достаточной надежностью.

Высмеивание какого-либо влиятельного лидера всегда было орудием оппозиции. Известный психолог А. Бэн, а вслед за ним и Е. Амбарцумов с достаточным основанием считают, что само принижение лидера порождается современным сочетанием двух противоположных тенденций — к персонализации власти и к усилению роли общественного мнения, когда рядовой гражданин

говорит вслух то, что раньше не позволял себе и думать. «Особого вреда это не приносит, — пишет С.Н. Паркинсон, — и те, кто склонен к высокомерию, вынуждены смеяться над собой»¹.

Конечно, было бы неверным, оценивать юмор в качестве исключительного средства, смягчающего конфликт. Это заметно на этнических шутках, подчас обостряющих отношения; они встречаются в разных странах, но, как правило, имеют сходное содержание. Они обычно выражают: воображаемую глупость осмеиваемой этнической группы; ее скупость; ее сверхсексуальность или, напротив, импотентность.

Некоторые исследователи считают наши шутки своеобразной реакцией на сближение и перемешивание этнических групп в индустриальных обществах. В этих обществах социальные, моральные и географические границы становятся не так заметными, и этнические шутки, анекдоты призваны восстановить необходимую дистанцию, создав элементы контроля над национальным меньшинством (или большинством) населения. Таким образом поддерживается дистанция между «нами» и «ими». В подобных шутках в той или иной мере проявляются плохо скрываемые националистические чувства, ненависть и злоба, а также сознание собственного превосходства.

Агрессивная направленность такого рода юмора бывает не всегда очевидна. Многие анекдоты, в частности, оставляют возможность для различного их толкования. Более того, «межнациональные» шутки чаще всего перефразируются и используются национальными меньшинствами с новым, противоположным смыслом.

При отсутствии эффективных социальных амортизаторов юмор также может служить признаком дискомфорта в отдельных социальных группах. Кроме того, в конфликтующем обществе, переживающем период кризиса, государство особенно рьяно борется доступными ему средствами с тем юмором, который подрывает

¹ Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М., 1976. С. 18.

господствующую идеологию, высмеивает его лидеров. В этом проявляется двойственность отношения к юмору и смеху как одному из средств предупреждения и разрешения конфликтов.

В целом, существующие данные свидетельствуют о том, что в некоторых случаях смех действительно может быть «лучшим из лекарств», когда дело касается агрессии. Однако, чтобы произвести такой благоприятный эффект, сюжеты юмористических материалов не должны своей основой иметь враждебность или агрессию. В противном случае влияние юмора как способа подавить агрессию и смягчить конфликт может быть полностью элиминировано¹.

¹ Более подробно см.: Барон Р., Ричардсон Д. Указ. соч., а также: Дмитриев А.В. Социология юмора. М., 1996; Социология политического юмора. М., 1998.

Заключение

Выработка поведения в дихотомии согласие — конфликт порождает целый клубок проблем, для решения которых традиционные учебные специальности не могут предложить адекватных средств. Именно поэтому в ряде вузов страны разрабатывается и предлагается студентам курс конфликтологии.

Исследования и преподавание проблем конфликта и согласия требуют фундаментальных усилий. Ее теоретические основы и эмпирические исследования (они уже начались) еще не защищены от некоторых издержек.

Отчасти это объясняется тем, что современный российский конфликтный «социум» прямо воздействует на исследователя, который рискует быть вовлеченным в события, лишившись бесстрастной позиции. Но этот вопрос актуален и в относительно спокойные периоды развития, когда, к примеру, официальные и академические круги склонны видеть в любой оппозиционности попытку «подрыва» общественного согласия.

Проблема целостности общества, его сплоченности рассматривается отечественными и зарубежными учеными на основе различных методологических подходов. Один из них базируется на оценке системности общества: вполне достаточно, если функционируют рынок и другие институты, соединяющие подсистемы или их отдельные элементы.

Однако, на наш взгляд, подобные механизмы не могут заменить интеграции на основе норм и ценностей, принимаемых обществом с определенным уровнем консенсуса. Иначе обострившиеся конфликты поставят под угрозу само существование этого общества.

Дезинтеграцию, сопровождающуюся разного рода конфликтами, не следует квалифицировать как исключительно отрицательное явление. Парадокс в том, что конфликты могут выполнять и зачастую выполняют функцию поддержания социально-политической стабильности.

Действительно, если исходить из посылки, что столкновения естественны и неизбежны, то тогда открыто проявляемые противоречия представляются достаточно полезными с точки зрения улучшения социальных отношений. Задача заключается в том, чтобы

управлять столкновениями, сводя к минимуму связанные с ними опасности, а не в том, чтобы отрицать опыт, который они несут. Подобный подход предполагает, что в каждом конфликтующем участнике следует видеть не столько врага, подлежащего устранению, сколько партнера в переговорах и сотрудничестве.

Главное, что характеризует социальные процессы последних лет в России, — активная дезинтеграция сложившихся ранее социальных структур и связей, утрата прежней и поиск новой социальной идентификации на разных уровнях, от индивида до больших общностей. Но эти конфликтные по своей сути процессы можно рассматривать и с точки зрения перехода от интеграции и дифференциации одного типа общества к другому.

Терминологический словарь

Агрессия — форма поведения участников конфликта, характеризующаяся враждебностью. Нередко участники конфликта прибегают как к словесной агрессии (дезинформация противника, его обвинения и оскорбления, сплетни, подрыв авторитета), так и к физической (военной) агрессии, включающей в себя насилие, нападения, террористические акты, вооруженную борьбу.

Антагонизм — непримиримое противоречие. Антагонистам свойственна тенденция к применению насилия.

Анекдот — краткий устный рассказ с забавным смешным содержанием и неожиданно острым завершением. Рассказ А. может обострить или смягчить межличностный конфликт.

Арбитр — посредник, третейский судья.

Арбитраж — способ разрешения споров, при котором стороны обращаются к арбитрам (третейским судьям), избираемым самими сторонами или назначаемым при их согласии, либо в порядке, установленном законом.

Баланс сил — относительно равновесное распределение силового потенциала между возможными противниками.

Бойкот — 1) отказ от работы, от участия в чем-либо как способ политической борьбы; 2) прекращение отношений в знак протеста против действий противника.

Борьба — одна из основных форм социального взаимодействия, включает в себя соревнование, противостояние, конфликт.

Бунт — массовые стихийные выступления, характеризующиеся агрессивностью и кратковременностью. Бунт, как правило, безадресен, его причиной является крайнее недовольство и напряженность. Цели Б. — изменить состояние материального дефицита, политического угнетения, коррупции и т.д.

Вертикальный конфликт — предполагает взаимодействие субъектов вертикального подчинения: руководитель — подчиненный, предприятие — вышестоящая организация, малое предприятие — учредитель. Особенность данного вида конфликтов — изначально разное соотношение власти у участников, разные возможности при взаимодействии.

Внутриличностный конфликт — столкновение равных по силе, но противоположно направленных личностных мотивов, потребностей, интересов.

Война — тотальная борьба между институализированными большими общественными группами (народами, государствами, нациями, классами), ведущаяся как с использованием пропагандистских, экономических, дипломатических средств (холодная В.), так и с использованием методов и средств вооруженного насилия (мировые, колониальные, империалистические, освободительные, этнические, гражданские В.). Причины, методы и последствия различных типов войн совершенно различны.

Высмеивание — вид унижения какого-либо индивида или группы с целью их дискредитации.

Горизонтальный конфликт — предполагает конфликтное взаимодействие равных (по иерархическому уровню, располагаемой власти) субъектов: руководителей одного уровня, предприятий и специалистов между собой.

Дебаты политические — конфликтное взаимодействие субъектов политики в форме обсуждения, прений, обмена мнениями.

Джентльменское соглашение — устное соглашение между представителями государств по конкретным вопросам, договоренность на основе взаимного доверия. Д.с. обычно достигается в рамках более широкой политической договоренности и согласия.

Дезинтеграция — расчленение, распад целого на составные части.

Дезинформация — преднамеренное искажение информации со стороны средств массовой информации и других социально-политических институтов.

Забастовка — форма трудового конфликта, отношение между работодателями и рабочими (служащими), при котором последние отказываются от работы до тех пор, пока их определенные экономические или политические требования не будут выполнены работодателем.

Зависть — негативное восприятие субъектом чьего-то превосходства, неприязнь и желание причинить вред объекту З.

Замораживание конфликта — отсрочка конфликта, отказ его участников от открытой борьбы при сохранении основного противоречия между ними.

Избегание — стратегия поведения в конфликтной ситуации, суть которой в выходе из конфликта, прекращение конфликтных отношений без разрешения предмета спора.

Инвектива — резкое обличение; оскорбительная речь; выпад. В конкретных ситуациях И. имеет целью представить соперника в невыгодном свете, дискредитировать его в глазах членов группы.

Интеграция (социальная) — процесс сотрудничества различных классов, социальных групп, объединение в целое различных элементов общества. Существует множество определений социальной интеграции (Гоббс, Локк, Дюркгейм, М. Вебер, Парсонс, Гоулднер, Этциони и др.).

Различают **групповую И.** — процесс превращения группы в единое целое на основе взаимного приспособления членов группы друг к другу. Степень И.г. обусловлена степенью осознания своей принадлежности к группе, признанием ее целей, ценностей и норм.

Интерес — реальная причина осознанных социальных действий, в том числе и конфликтных, групп и индивидов. В основе И. лежат непосредственные побуждения, потребности, мотивы.

Институционализации метод — метод урегулирования социальных конфликтов: создание необходимых организаций, структур, способствующих разрешению конфликта и берущих на себя выражение и отстаивание интересов сторон.

Инцидент — событие, которое служит «детонатором» конфликта, поводом для перехода его субъектов к открытым конфликтным действиям.

Карикатура — намеренно искаженное, пародийное, подчеркнуто смешное изображение лица или события. В конфликтном взаимодействии она используется с древних времен. В XX в. К. рассматривается как важное политическое оружие.

Катарсис — очищение, состояние эмоциональной разрядки, испытываемое человеком в процессе сопереживания.

Коллективный трудовой спор — неурегулированные разногласия между работниками и работодателями.

Коллизия — столкновение взаимоисключающих позиций, принципов, правовых или нравственных норм. Так, противоречие между двумя принципами, признанными бесспорными международным сообществом, — правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государства—представляет собой К., провоцирующую межнациональные конфликты.

Компромисс— 1) стратегия поведения, предусматривающая взаимные уступки; 2) соглашение противоборствующих сторон на основе взаимных уступок. Вопреки распространенному в последнее время мнению К. не является единственной формой разрешения конфликтов. К. неприменим, если одна из сторон ставит своей целью уничтожение противника. К. требует, чтобы стороны сознавали свои интересы и проявляли их легальным образом.

Конкуренция— 1) вид конфликта, в котором противоборствующие стороны применяют только санкционированные морально-правовыми нормами и господствующими институтами власти формы борьбы. Цель К. — реализовать групповые или личные интересы, по-лучить доступ к материальным благам; 2) соперничество на каком-либо поприще, борьба за достижение лучших результатов.

Консенсус— 1) общее согласие по спорным вопросам; 2) согласованность взглядов и ориентации субъектов, метод принятия решений посредством сотрудничества, достижения принципиального единства мнений.

Контроль — проверка, наблюдение, надзор за соблюдением правил и норм.

Контрреволюция — активное противодействие революции, революционным изменениям.

Конфликт — столкновение противоположных интересов, взглядов. В основе К. объективное расхождение целей и интересов (противоречие).

Конфликтное поведение — действия, направленные на прямое или косвенное блокирование усилий противостоящей стороны в достижении ею своих целей и намерений.

Конфликтная ситуация — наличие противоречивых позиций сторон по какому-либо поводу, условие возникновения конфликта.

Конфликтология — наука о причинах, формах, структуре, динамике и путях разрешения конфликтов. Объектом К. являются конфликты между индивидами, группами, государствами.

Конформизм — приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т.д.

Конфронтация — противопоставление, противоборство сторон, групп, идейно-политических принципов и др., демонстрация готовности к борьбе.

Кризис — 1) в конфликтологии понимается как резкое нарастание остроты конфликта до такой точки, за которой наступает

перелом ситуации: либо стороны отступают, либо прибегают к силе; 2) процесс острого проявления социальных противоречий, затрагивающий, как правило, все сферы общественной жизни. Основная причина К. лежит в несвоевременном или ошибочном разрешении противоречий, приводящих к видимому и осязаемому ухудшению положения населения и к ослаблению социального контроля. Не всякий конфликт неизбежно ведет к К., но в основе К. — всегда конфликт.

«Круглый стол» — публичное обсуждение спорных проблем, предполагающее равные возможности для его участников. Участники «К.с.» ориентированы на ненасильственное разрешение конфликта.

Медиатор — посредник, миротворец.

Межличностный и межгрупповой конфликт — столкновение индивида (индивидов) с группой и групп между собой. Могут быть разновидностью организационных или эмоциональных конфликтов.

Месть — действие в ответ на причинение вреда; возмездие.

Напряженность — эмоциональное состояние индивида, группы, вызванное давлением со стороны природной среды или других групп.

Насилие — одно из крайних средств разрешения конфликтов с применением различных (вплоть до вооруженного воздействия) форм принуждения. Различают физическое, экономическое, моральное и др. Н.

Неофициальное посредничество — такое посредничество, в котором в роли посредника выступают неправительственные организации и движения, академические круги, частные лица.

Омбудсмен — должностное лицо, контролирующее соблюдение гражданско-правового законодательства в области прав и свобод как по отношению к общностям (в том числе и этническим) людей, так и к отдельным гражданам.

Официальное посредничество — посредничество, в котором в роли посредника выступают государства или межправительственные организации.

«Пакетирование» — тактический прием на переговорах, когда все требования, как привлекательные, так и малопривлекательные для партнера, предъявляются в одном «пакете».

Паритет — равенство ресурсной базы участников конфликта.

Партнерство — совместное участие в решении спорных вопросов на основе согласованных интересов.

Переговоры — способ разрешения конфликтов, при котором каждая из сторон выдвигает собственный набор требований, но склонна к уступкам, к компромиссу. Как правило, предусматривается равноправие сторон, исключаются попытки силового разрешения конфликта. П. ведутся на основе определенных и одобряемых их участниками правил и предполагают, что стороны имеют не только частные, но и общие интересы. Одним из основных элементов П. является получение и обмен информацией с целью достижения согласия.

ПОИР (GRIT) (аббревиатура фразы «Постепенные и обоюдные инициативы по разрядке напряженности») — действия, направленные на снижение международной напряженности.

Посредничество — помощь нейтрального человека конфликтующим сторонам в целях урегулирования путем переговоров. П. предусматривает регламентированную процедуру, заканчивающуюся, как правило, подписанием соглашения. Сам посредник не имеет полномочий выносить или контролировать какое-либо решение. П. улучшает коммуникацию и подготавливает условия для выдвижения предложений.

Предмет конфликта — материальные или духовные ценности, или обстоятельства, из-за которых разгорелся конфликт. П.к. могут быть экономические, территориальные, политические, религиозные, языковые и др. обстоятельства.

Предрассудок — ложный взгляд на что-либо.

Предупреждение конфликтов - усилия, которые ориентированы на разработку вопросов, связанных с тем, чтобы не дать конфликтам перейти в вооруженную стадию развития.

Прелиминарии — предварительные переговоры и соглашения, предшествующие полномасштабным договорам; временные решения.

Прессинг — тактический прием на переговорах, связанный с применением угроз или иных видов давления.

Примирение — один из методов восстановления мирных отношений. В трудовых спорах, например, широко используется при взаимодействии нанимателя и наемных работников, когда дискуссии и взаимные уступки позволяют сохранить стабильную ситуацию. В примирении сторон могут участвовать арбитр и посредник.

Примирительные процедуры — рассмотрение коллективного трудового спора с целью его разрешения примирительной комиссией сторонами с участием посредника.

Приспособление — стратегия поведения в ситуации конфликта, суть которой в отказе от всяких претензий и полное признание условий, продиктованных лидирующей стороной.

Протест (общественный) — коллективные действия людей, приобретающие манифестационную форму с целью неодобрения тех или иных общественных явлений или поведения лиц. П., как правило, проявляется в экстремальных ситуациях и выражается в психологическом напряжении, недовольстве. Люди, борясь за свои интересы и будучи лишены непосредственных и эффективных средств борьбы с правительством или другими отчужденными от них институтами или группами, часто выбирают именно эту форму конфликта. П. не обязательно выражается в форме агрессии или насилия.

Противоречие (социальное) — несовпадение, расхождение интересов людей, социальных групп. Помимо понятия социальных противоречий употребляются понятия диалектических, политических, экономических, идеологических, антагонистических и неантагонистических, основных и неосновных, внутренних и внешних П. и т.д. Выделяются три периода существования П.: возникновение, развертывание и разрешение.

Разрешение конфликта — 1) окончание конфликтного взаимодействия между сторонами; 2) преодоление основного противоречия сторон, являющегося источником (предметом) конфликта, устранение его и на уровне внутренних установок.

Революция — коренной переворот в общественном и политическом строе. Основной вопрос Р. — вопрос о власти.

Саботаж — 1) форма конфликта, при котором одна из сторон применяет противодействие с целью нанесения ущерба интересам противника (дезинформация, умышленное повреждение средств труда, ограниченный или бракованный выпуск продукции и др.). Во время войны служит целям противника; 2) намеренный срыв работы путем отказа от нее или умышленно небрежного ее выполнения.

«Салями» — тактический прием на переговорах, суть которого в поэтапном разъяснении своей позиции. Применяется с целью затягивания переговоров и получения максимальной информации о партнере.

Сексизм — практика навязывания тому или иному полу подчиненного положения. С. означает также предвзятые установки по отношению к представителям разных полов.

Слухи— информация, источники которой неофициальны и достоверность которой не установлена.

Согласие (консенсус) — общность веры, традиций, целей, точек зрения в отношении ситуации, места, времени или другой группы. Выражается в солидарности и коллективной деятельности.

Соперничество — стратегия поведения в ситуации конфликта, суть которой в упорном отстаивании субъектом своих интересов в ущерб интересам других.

Сотрудничество — стратегия поведения в ситуации конфликта, ориентированная на совместный поиск решений, удовлетворяющих интересы всех сторон.

Социальный конфликт—конфронтация социальных групп по поводу многообразных ресурсов жизнеобеспечения.

Спор — обсуждение проблемы, способ ее коллективного исследования, при котором каждая из сторон отстаивает свое мнение.

Суд — орган, рассматривающий конфликты на основании действующего законодательства и в соответствии с установленными процессуальными нормами.

Террор — 1) политика устрашения, подавления противника насильственными методами; 2) форма насилия, характеризующаяся особой жестокостью, запугиванием, унижением действительного или мнимого противника. Т. может быть направленным против конкретного лица (политического или государственного деятеля) либо против случайных лиц.

Урегулирование конфликта — частичное разрешение конфликта, прекращение открытой борьбы сторон. При этом могут сохраняться внутренние причины, побуждающие к конфликту.

Фрустрации — блокирование целенаправленного поведения. Пресечение одним индивидом реакций другого может оказаться детонатором агрессии последнего.

Шантаж — запугивание, угроза разглашения компрометирующих сведений (действительных или вымышленных) с какой-либо определенной целью.

Ценности — обобщенные представления людей относительно целей и норм своего поведения. Обусловлены историческим опытом, экономическим положением и культурой.

Эмпатия — сочувствие жертвам конфликта. В психологии Э. означает сопереживание чувствам другого, попытка поставить себя на его место.

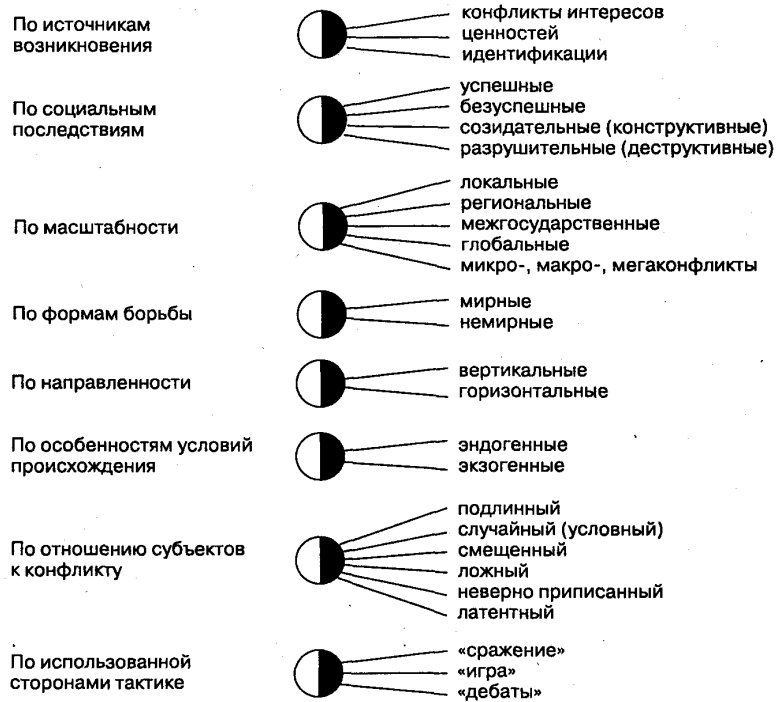
Эскалация конфликта—развитие конфликта «по вертикали», нарастание его остроты и размаха, связанное с обострением конфликтных отношений.

Юмор — понимание и применение комического, умение владеть и показывать смешное. Ю. политический является своеобразной реакцией на концентрацию власти в обществе, т.е. носит в основном позитивный характер, поскольку сублимирует агрессию и ослабляет многие межличностные конфликты.

Юридическая помощь — процесс консультирования или оказания помощи квалифицированным юристом. Цель помощи — достичь соглашения по сложным вопросам. Юрист составляет задание для взаимного соглашения, действуя, как правило, нейтрально к конфликтующим сторонам.

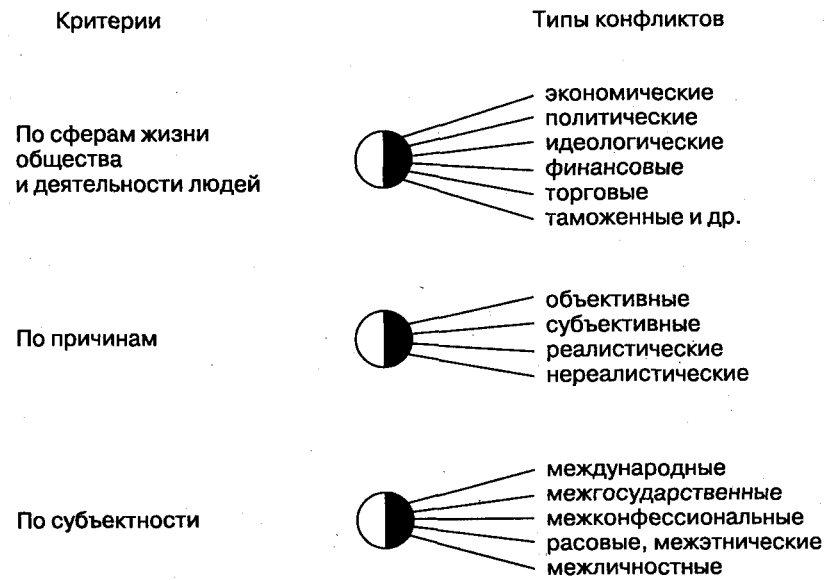
Приложение 1¹

Типология Р. Дарендорфа

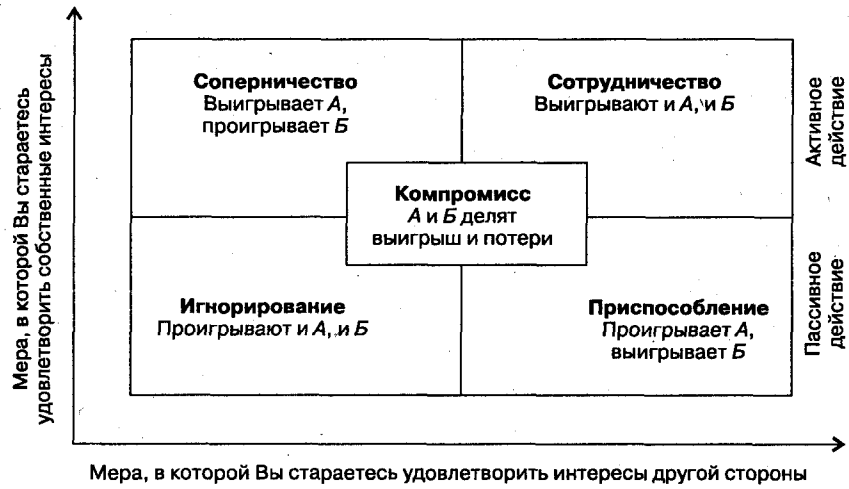
¹ Ганеев А.М., Троица Л.С. Конфликтология: Практикум. 1996.

Типология И. Дойча

Приложение 2

Сетка Томаса — Килменна

Приложение 3

Формализация межличностного конфликта

Таблица 1. Конфликтограмма

Проблемные вопросы	Мои	Оппонента
Проблема		
Цели		
Препятствия		
Опасения		
Сильные стороны		
Возможность поддержки		
Недостающая информация		
Какую личную потребность удовлетворяю		
Эмоции		
Общее у оппонентов		

Заложенная в табл. 1 схема позволяет провести развернутый и в тоже время компактный анализ конфликта, определить проблему, препятствия, опасения, сильные стороны, возможности, потребности не только свои, но и партнера. Особым, достоинством табл. 1 является, по нашему мнению, содержащаяся в ней возможность посмотреть на конфликт глазами оппонента, лучше узнать другую сторону конфликтного взаимодействия.

Таблица 2. Балансный лист

Мои интересы	Интересы партнера

Балансный лист (табл. 2) позволяет четко представить интересы оппонентов, определить наиболее значимые и наименее значимые интересы, сориентироваться в том, в чем вы можете уступить, в чем может уступить ваш оппонент.

Таблица 3. Комплексная матрица анализа возможных типов поведения

Возможный подход	Плюсы подхода	Минусы подхода	Возможная реакция другой стороны	Вероятность реакции	Желательность реакции	Итоговая оценка
Уклонение						
Приспособление						
Конкуренция						
Компромисс						
Сотрудничество						

Табл. 3 позволяет проанализировать ряд возможных стратегий поведения в конфликтном взаимодействии для выбора наиболее оптимальной стратегии с учетом конкретной ситуации.

Таблица 4. Проекты предложений

Ваши предложения к оппоненту	Аргументация предложений

Табл. 4 дает возможность аргументирование подойти к построению переговорного процесса.

Приложение 4

Тест К. Томаса

Выбор стратегий в конфликтных ситуациях

В о п р о с ы

I. а) Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса.

б) Прежде чем обсуждать то, в чем мы расходимся, я стараюсь обратить внимание на то, в чем оба согласны.

II. а) Я стараюсь найти компромиссное решение. б) Я пытаюсь уладить конфликт с учетом всех интересов другого человека и моих собственных.

III. а) Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего. б) Иногда я жертвую своими собственными интересами ради интересов другого человека.

IV. а) Я стараюсь найти компромиссное решение.

б) Я стараюсь не обращать внимания на чувства другого человека.

V. а) Улаживая спорную ситуацию, я постоянно ищу поддержку у другого.

б) Я стараюсь сделать все, чтобы избежать бесполезной напряженности.

VI. а) Я стараюсь избегать неприятностей. б) Я стараюсь добиться своего.

VII. а) Я стараюсь отложить решение спорного вопроса, с тем чтобы со временем решить его окончательно.

б) Я считаю возможным в чем-то уступить, чтобы добиться другого.

VIII. а) Я обычно настойчиво стремлюсь добиться своего. б) Я прежде всего стараюсь определить, какие интересы затронуты и какие вопросы являются спорными.

IX. а) Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за каких-то возникших разногласий.

б) Я предпринимаю усилия, чтобы добиться своего.

Х. а) Я твердо стремлюсь добиться своего. б) Я пытаюсь найти компромиссное решение.

ХІ. а) Я стремлюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и спорные вопросы.

б) Я стараюсь успокоить другого, главным образом сохранить наши отношения.

ХІІ. а) Зачастую я избегаю занимать позицию, которая может вызвать споры.

б) Я даю возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он идет мне навстречу.

ХІІІ. а) Я предлагаю среднюю позицию.

б) Я настаиваю, чтобы все было сделано по-моему.

ХІV. а) Я сообщаю другому свою точку зрения и спрашиваю о его взглядах.

б) Я пытаюсь аргументирование обосновать свою позицию и преимущество своей точки зрения.

ХV. а) Я стараюсь успокоить другого и сохранить наши отношения.

б) Я стараюсь сделать все необходимое, чтобы избежать напряжения.

ХVІ. а) Я стараюсь не задеть чувств другого. б) Я обычно пытаюсь убедить другого в преимуществах моей позиции.

ХVІІ. а) Я обычно настойчиво стремлюсь добиться своего. б) Я стараюсь сделать все, чтобы избежать бесполезной напряженности.

ХVІІІ. а) Если это сделает другого счастливым, я дам ему возможность настоять на своем.

б) Я дам другому остаться при своем мнении, если он пойдет мне навстречу.

ХІХ. а) Прежде всего я пытаюсь определить то, в чем состоят все затронутые интересы и спорные вопросы.

б) Я стараюсь отложить спорные вопросы, с тем чтобы со временем решить их окончательно.

ХХ. а) Я пытаюсь немедленно преодолеть наши разногласия. б) Я стараюсь найти наилучшее сочетание выгод и потерь для нас обоих.

ХХІ. а) Ведя переговоры, стараюсь быть внимательным в обращении к другому.

б) Я всегда склоняюсь к прямому обсуждению проблемы.

XXII. а) Я пытаюсь найти позицию, которая находится посередине между моей и другого человека. б) Я отстаиваю свою позицию.

XXIII. а) Как правило, я озабочен тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас.

б) Иногда предоставляю другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса.

XXIIIВ. а) Если позиция кажется ему очень важной, я стараюсь идти ему навстречу.

б) Я стараюсь убедить другого пойти на компромисс.

XXV. а) Я пытаюсь убедить другого в своей правоте. б) Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к интересам другого.

XXVI. а) Я обычно предлагаю среднюю позицию. б) Я почти всегда стремлюсь 'удовлетворить интересы каждого из нас.

XXVII. а) Я зачастую стремлюсь избежать споров. б) Если это сделает другого человека счастливым, я дам ему возможность настоять на своем.

XXVIII. а) Я обычно настойчиво стремлюсь добиться своего. б) Улаживая ситуацию, я обычно стремлюсь найти поддержку у другого.

XXIX. а) Я предлагаю среднюю позицию. б) Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за возникающих разногласий.

XXX. а) Я стараюсь не задеть чувств другого. б) Я всегда занимаю такую позицию в споре, чтобы мы совместно могли достигнуть успеха.

Опросник можно применять как для группы, так и для отдельных лиц.

Обработка результатов. Полученные данные сопоставляются с таблицей, в которой дан ключ к ответам.

Ключ для опросника К. Томаса

№ п/п	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
I				а	б
II		б	а		
III	а				б
IV			а		б
V		а		б	
VI	б			а	
VII			б	а	
VIII	а	б			
IX	б			а	
X	а		б		
XI		а		б	
XII			б	а	
XIII	б		а		
XIV	б	а			
XV				б	а
XVI	б				а
XVII	а			б	
XVIII			б		а
XIX		а		б	
XX		а	б		
XXI		б		а	
XXII	б		а		
XXIII		а		б	
XXIV			б		а
XXV	а				б
XXVI		б	а		
XXVII				а	б
XXVIII	а	б			
XXIX			а	б	
XXX		б			а

Приложение 5

Гендерный конфликт: рекомендации женщине по безопасности¹

I. Безопасность в собственном доме

Помечайте инициалами ваш почтовый ящик; никогда не пишите на нем имени и фамилии (то же касается телефонных книг).

Никогда не оставляйте ключ под половиком, в почтовом ящике и в любом другом месте, где злоумышленник без труда его обнаружит.

Хорошо освещайте оба входа: с улицы и со двора.

Поставьте на всех дверях прочные замки и запоры; лучше всего — на «мертвых» болтах. У большинства хозяев на дверях щеколдные замки, которые легко открыть тонкой стальной полоской. Попробуйте сами открыть свою дверь таким способом, и вы убедитесь, как несложно это сделать.

Убедитесь в том, что ваши окна в безопасности. Снабдите их резиновыми пробками или апперами: после этого никто не сможет открыть окна снаружи. Уставьте все подоконники цветочными горшками, декоративными бутылками или любыми другими предметами, падение которых при попытке открыть окно вызовет шум. На окнах можно также укрепить звонки или сирены.

Раздвижные двери не очень надежны, поэтому их закрепляют изнутри ручкой или толстой палкой.

Не разводите густого кустарника около ваших окон — это лишь поможет злоумышленнику выбрать время для удобного момента, скрываясь в чаще кустов.

Если вы живете в многоквартирном доме, это не избавляет вас от необходимых мер предосторожности. При наличии межквартирной сигнальной системы убедитесь в том, что она исправна. Никогда не используйте ее без необходимости. Проверяйте, не пользуется ли кто-либо, кроме жильцов, ключами от входной двери. Запоминайте жильцов в лицо — по меньшей мере тех, которые живут с вами на одном этаже. Запоминайте и отмечайте всех посторонних,

¹ Рекомендации подготовлены комитетом «Женщины в борьбе с угрозой изнасилования» (США) // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 70-73.

слоняющихся около дома и в его парадных подъездах. Добивайтесь того, чтобы во всем доме было хорошее освещение. Если при доме есть гараж, он также должен быть заперт, а ключи от него должны иметь лишь жильцы и никто более. Проверьте лифты, лестничные пролеты и пожарные выходы для определения их безопасности. Если вы чувствуете, что ваш дом не безопасен, соберитесь с другими жильцами и сообщая сделайте представление домовладельцу о необходимости принятия соответствующих мер. Составьте список таких мер и требуйте (добивайтесь), чтобы все они были приняты.

Если вы одна в доме (квартире), никогда не открывайте дверь до тех пор, пока не убедитесь, кто за ней стоит. Не стесняйтесь спросить документы перед тем, как открыть дверь, у ремонтных рабочих, коммивояжеров и т.п. Если у вас возникли сомнения на их счет, заставьте их подождать снаружи и позвоните в их фирму или компанию; если они действуют законным образом, они будут ждать.

Никогда не договаривайтесь по телефону с неизвестным вам лицом. Если вам звонит кто-либо и утверждает, что он выступает от лица такой-то компании с целью продемонстрировать вам какие-либо продукты или показать страховые полисы, всегда требуйте от него телефонный номер и тотчас звоните по нему. Запомните, что описанный нами способ наиболее употребим среди злоумышленников.

Никогда не держите поблизости и на виду вещи, которые могут быть использованы как оружие. Большинство злоумышленников (включая насильников) не входят в дом с оружием, а скорее полагаются на ваши собственные ножи и другие вещи, которые являются потенциальным оружием.

Если вы отлучаетесь из дома на целый день и возвращаетесь с темнотой, оставляйте гореть электричество. Это, без сомнения, повысит ваш счет за пользование электроэнергией, но в то же время удержит преступника от намерения проникнуть внутрь. Оставьте радио работающим.

Если вы дома одна, а кто-либо просит вас открыть дверь, громко скажите в глубь помещения: «Я сама открою, Джон!»

Если вы дома и не хотите запирает дверь (в том случае, например, если ваши дети играют во дворе), прикрепите к двери какой-нибудь предмет или приспособление (к примеру, звонок), который будет издавать шум при открытии двери. Это помешает кому-либо застать вас врасплох, будь то ваши дети, ваш сосед или злоумышленник.

II. Автомобиль и ваша безопасность

Всегда запирайте на ключ двери вашей машины.

Старайтесь выбрать для нее хорошо освещенную и не пустынную стоянку.

Держите ключ в руке, когда вы направляетесь к машине (особенно ночью).

Перед тем как сесть в машину, проверьте, нет ли кого на заднем сиденье.

Если вам показалось, что вашу машину преследует другая машина, меняйте направление, делайте объезды, снижайте и повышайте скорость, пока не убедитесь, в какой мере ваши подозрения обоснованы.

Если вас действительно преследуют, держите ладонь на звуковом сигнале, и увеличивайте скорость; делайте все возможное, чтобы преследователь отстал. Не упускайте из памяти расположение ближайшего полицейского поста. Если вы в сельской местности, направляйтесь к ближайшему дому или ферме, не снимая ладонь с сигнала.

Подсаживайте «голосующих» женщин, но никогда не подсаживайте «голосующих» мужчин.

III. Безопасность на улице

Если у вас длинные волосы, то зачесывайте их наверх, так как висящие книзу длинные волосы легко схватить и намотать на руку.

По возможности носите не стесняющие движений брюки и мягкие туфли. Слишком неудобно бегать в длинных юбках или туфлях на высоком каблуке.

Не носите также цепочек или шарфов, так как они могут быть использованы для удушения.

Ходите по хорошо освещенным местам. В темных и плохо освещенных кварталах ходите по середине улицы. Избегайте ходить рядом с зарослями кустов и с аллеями.

Хорошо изучите ваш маршрут к дому из школы, с работы и от друзей. Запоминайте расположение магазинов (особенно работающих допоздна), домов с дворниками, полицейских и пожарных участков.

Запоминайте также места мужских развлечений, аллеи и неосвещенные участки улицы.

Если какая-нибудь машина начинает медленно двигаться рядом с вами, перейдите улицу или начните идти в противоположном направлении.

Если вы чувствуете, что кто-либо преследует вас, не стесняйтесь повернуться и проверить ваши подозрения. Будьте осторожной. Осторожность — не малодушие и не трусость. Чтобы проверить подозрения, попробуйте менять темп ходьбы или перейдите улицу. Если противоположная сторона улицы не кажется вам безопасной, идите по середине улицы. Используйте стекла (окна) автомашины в качестве зеркал. Если вы точно установили, что кто-то вас преследует, поищите безопасное (людное или освещенное) место. Прикиньте расстояние от вас до ближайшего надежного места. Проверьте, не стесняет ли вас одежда. Не стоит ли снять что-либо из одежды, чтобы иметь возможность бежать быстрее? Обдумывая все это, не забудьте ускорить шаг. Убедитесь в том, что, если вы побежите, вы достигнете безопасного места быстрее, чем вас настигнет злоумышленник. Если вы решились бежать, делайте это как можно быстрее и внезапнее. При этом зовите на помощь и непрерывно дуйте в свисток.

Если вас застигли вблизи жилищ, не кричите «На помощь!» Лучше кричать «Пожар!» Это найдет среди жильцов гораздо более скорый отклик.

Когда вы очутились перед ближайшим домом, звоните в двери, стучите в них ногами, а если никто не открывает, немедленно разбейте окно. Ваша жизнь в опасности, и у вас нет времени обдумывать мелкие неприятности.

В принципе бегство не следует считать лучшим выходом из ситуации. У вас есть два других выхода. Оставаясь спокойной и собранной, вы можете сделать попытку оказать психологический нажим на предполагаемого насильника. Можно ли растрогать его слезами? Не присмирет ли он, если вы будете действовать решительно и уверенно? Сможет ли он поверить, что в этом месте вы ждете приятеля или другого знакомого? Вы можете сыграть в сумасшествие, симулировать обморок или сказать ему, что у вас венерическая болезнь. Такие методы ранее спасали немало женщин, они могут спасти и вас. (Тем не менее не полагайтесь на них полностью и не забывайте о мерах предосторожности. Вы должны

проявлять высочайшую осторожность и всегда быть готовой к самообороне.)

Второй выход: резкий удар с целью выиграть время для бегства. Не направляйте этот удар (ни рукой, ни ногой) в пах мужчины. Обычно такое движение малоэффективно и способно лишь побудить разъяренного насильника к более жестоким действиям.

Нападающий надеется найти в вас пассивную жертву, поэтому любое усилие с вашей стороны застанет его врасплох и даст вам время для бегства.

О р у ж и е:

Горящая сигарета — ткнуть в глаз или в область глаза;

ручка или карандаш — вонзить в лицо или в шею;

штопор — ударить прямо и быстро, затем повернуть. Особенно эффективен в области лица, шеи, брюшной полости;

пластиковая груша — может выбрасывать струю лимонного сока на 15 футов. Направлять в глаза. Сок можно заменить нашатырным спиртом;

аэрозольный тюбик — брызгать прямо в глаза;

ключи — носить с собой кольцо с достаточным количеством ключей. Направлять удары в лицо и в шею, с размаха;

зонтик — использовать в борьбе как штык, никогда не размахивать. В этом случае у вас легко его выхватить;

металлическая щетка для волос, металлический гребень, высокие каблуки, булавки от шляпы — все очень эффективно. Запомните, что все эти орудия защиты должны употребляться лишь для того, чтобы получить возможность бегства. Если вы не натренированы для самообороны, совершенно бессмысленно оставаться на месте до тех пор, пока агрессор не придет в себя. Если на вас направлено огнестрельное оружие, забудьте о вашем собственном. В этом случае лучшим решением с вашей стороны было бы попытаться переубедить агрессора. Впрочем, в каждом отдельном случае надо действовать индивидуально.

Если у вас нет никакого оружия, хорошим тактическим приемом было бы вспрыгнуть обеими ногами (изо всей силы) на подъемы обеих его ног или сильно ударить ногой по голени. Этот весьма болезненный удар даст вам время для бегства.

Если нападающий схватил вас сзади, попытайтесь изо всей силы ударить его затылком по подбородку.

Если он схватил вас за руки, попытайтесь развести его большие пальцы. Это ослабляет захват и позволяет вырвать руку.

Мы перечислили лишь малую часть из тех способов, которые женщины могут употребить для самозащиты. Если у вас есть время для тренировки, обязательно постарайтесь воспользоваться этим.

Некоторые из этих приемов могут показаться вам отвратительными. Мы согласны, что они должны вызывать особое отвращение у женщин, которые призваны создавать жизнь, излечивать недуги и доставлять радость.

Но запомните: на вас напали без малейшего повода с вашей стороны. Не вы первой начали схватку и, если кто-то желает сделать вам зло, вы должны принять все необходимые меры для самозащиты.

Литература

Абдулатипов Р., Михайлов В., Чичиковский А. Национальная политика Российской Федерации. От концепции к реализации. М., 1997.

Аверьянов Л.Я. Социальная напряженность // Социология: что она знает и может. М., 1993.

Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: В 2 ч. Ставрополь, 1996.

Александрова Е.В. Социально-трудовые конфликты: пути разрешения. М., 1993.

Амстутц М. Введение в политическую науку. Управление конфликтом (реферат А.М. Чумикова) // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1994. № 6.

Андреев В.И. Конфликтология (Искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов). М., 1995.

Андреев Г. М. Социальная психология: Учебник для вузов. М., 1996. *Анискевич А. С.* Политический конфликт. Владивосток, 1994. *Антоши Ю.М.* Жестокость в нашей жизни. М., 1995. *Антонян Ю.М.* Психология убийства. М., 1997. *Антология* мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. *Ануупов А.Я., Прошанов С.Л.* Конфликтология: междисциплинарный подход. М., 1996.

Ануупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография. М., 1996.

Антология ненасилия. М.; Бостон, 1992. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. *Арон Р.* История и диалектика насилия. М., 1993. *Арон Р.* Этапы развития социалистической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М., 1992.

Ариба О.И. Этнополитический конфликт: сущность и технология управления. М., 1996.

Аш А. Введение в теорию конфликта // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992.

Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М., 1993.

Бабосов Е.М. Конфликтология. М., 1997.

- Белкин А.С.* Конфликтология: наука гармонии. Екатеринбург, 1995.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1996.
- Берон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 1997.
- Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. М., 1965.
- Бодалев А.А.* Личность в общении. М., 1983.
- Бородкин Ф.М., Коряк Н.М.* Внимание: конфликт! Новосибирск, 1989.
- Боттомор Т. Б.* Социологическая теория и изучение социального конфликта // *Общественные науки за рубежом: РЖ. Сер. Философия и социология.* 1973. № 1.
- Бройнинг Г.* Руководство по ведению переговоров. М., 1996.
- Брукан С.* Плюрализм и социальные конфликты. М., 1990.
- Брутлинский А.В., Поликарпов В.А.* Мышление и общение. Минск, 1990.
- Буева Л.П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978.
- Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б.* Общественный консенсус: подходы к проблеме // *Государство и право.* 1992. № 9.
- Введение* в теорию международного конфликта. М., 1996.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- В контексте* конфликтологии. М., 1997.
- Власть и оппозиция.* Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
- Войтова С.Л., Зубат, Е.Н.* Конфликтология. СПб., 1993.
- Вольфсон Э.Н.* Конфликтология. Кемерово, 1997.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Гилярое Е.М.* Конфликтология. М., 1995.
- Глухова А.В.* Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997.
- Гостев А.А.* Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М., 1993.
- Громова О.Н.* Конфликтология. М., 1993.
- Давыдов А.А.* Измерение социальной напряженности. М., 1992.
- Данакин Н.С., Дятченко Л.Я.* Технологии сотрудничества и противоборства. Белгород, 1993.
- Данакин Н. С.* Конфликты и технология их предупреждения. Белгород, 1995.

Дарендорф Р. Конфликт и свобода // Реферативный журнал. М., 1974.

Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9.

Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.

Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998.

Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М., 1996.

Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н. Введение в общую теорию конфликтов. 2-е изд. М., 1998.

Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.

Донцов А.И., Полозов Т.А. Проблема конфликта в западной социальной психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 6.

Донченко Е.А., Титаренко Т.А. Личность: конфликт, гармония. Киев, 1989.

Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

Дружинин В.В., Конторов Д. С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта. М., 1989.

Дэнкен Ж.М. Политическая наука. М., 1993.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1995.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. М., 1994.

Ершов А.А. Личность и коллектив: межличностные конфликты в коллективе и их разрешение. М., 1976.

Забастовки 1989-1993 гг. в России (социологический аспект) / Под ред. А.К. Зайцева. Калуга, 1996.

Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / Под общ. ред. Ю.Н. Миловидова, А.Н. Крестьянинова. М., 1998.

- Запрудский Ю.Г.* Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов н/Д, 1992.
- Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М., 1994.
- Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996.
- Здравомыслов А. Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998.
- Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
- Зеркин Д.П.* Основы конфликтологии: Курс лекций. Ростов н/Д, 1998.
- Иванов В.Н., Смалянский В.Г.* Конфликты и конфликтология. М., 1995.
- Иванова В.Ф.* Социология и психология конфликтов. М., 1997.
- История теоретической социологии: В 4 т.* М., 1997.
- Карпентер С.Л., Кеннеди У. Дж. Д.* Урегулирование споров в обществе (реферат). М., 1992.
- Карташев С.* Конфликтология: теория и практика конфликтов. Кишинев, 1996.
- Касьян Н.Ф.* Консенсус в современных международно-правовых отношениях: международно-правовые вопросы. М., 1983.
- Ковачек П., Малиева М.* Предупреждение и разрешение конфликтов. М., 1994.
- Колесова Е.* Причины современных межэтнических и межконфессиональных конфликтов. М., 1996.
- Конфликтология.* СПб., 1999.
- Конфликтология в трансформирующемся российском обществе: теория и практика.* М., 1998. *Конфликты и консенсус.* 1993. № 1-4.
- Конфликты в условиях системных трансформаций в странах Восточной Европы.* М., 1994.
- Корнелиус Х., Фэйр Ш.* Выиграть может каждый. М., 1992.
- Корф Г.* Критика теорий культуры Макса Вебера и Герберта Мар-кузе / Пер. с нем. М., 1975.
- Корэн Л., Гудмэн П.* Искусство торговаться, или Все о переговорах / Пер. с англ. М., 1995.
- Котанджян Г. С.* Грани согласия—конфликта. М., 1992.
- Котанджян Г.С.* Этнополитология консенсуса — конфликта: Цивилизационные проблемы теории и практики. М., 1992.
- Кочетков А.П.* На пути к гражданскому согласию. М., 1992.

- Кризисный социализм. Наше общество в трех измерениях.* М., 1994.
- Кэмпбелл Д. Т. Реалистическая теория группового конфликта // Психологические механизмы регуляции социального поведения.* М., 1979.
- Лебедева М.М. Вам предстоят переговоры.* М., 1993.
- Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии.* М., 1997.
- Ликсон Ч. Конфликт. Семь шагов к миру.* СПб., 1997.
- Липсет С.М. Консенсус и конфликт. Очерки по политической социологии (реферат).* М., 1987.
- Лысенко В.Н. Развитие федеральных отношений в современной России.* М., 1995.
- Маликов Н.Р. Переговоры в интересах национальной безопасности.* М., 1997.
- Малыгиева Д.Б. Конфликты в развивающемся мире, России и СНГ: религиозный и этнический аспекты.* М., 1997.
- Матенбрук В. Переговоры.* Калуга, 1993.
- Матвеева С.Я. Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России // Социальный конфликт. 1994. № 4.*
- Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. СПб., 1997.*
- Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.* М., 1995.
- Мертон Р. Социальная структура -и аномия // Социология преступности.* М., 1965.
- Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты.* М., 1998.
- Модернизация в России и конфликт ценностей.* М., 1993.
- Марецкий Д.Ф. Общение в конфликтной ситуации // Формирование потребности личности в общении.* Новосибирск, 1981.
- Ненасилие: философия, этика, политика.* М., 1993.
- Ничепоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта».* М., 1982.
- Нуртдинова А.Ф., Окуньков Л.А., Френкель Э.Б. Комментарий к законодательству о социальном партнерстве.* М., 1996.
- Олейник А.Н. Основы конфликтологии.* М., 1992.
- Основы конфликтологии.* М., 1997.
- Основы политологии.* М., 1993.

От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991.

Попов В.Д. Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы. М., 1997.

Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. Т. 1. М., 1992.

Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1996.

Ростов Ю.Е., Трофимова Р.А. Конфликтология. Барнаул, 1995.

Романенко Л.М. Конфликты гражданского общества: экзистенциальная дилемма современной России. М., 1996.

Россия: политические противоборства и поиск согласия. М., 1998.

Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Ростиашвили К.Д. Федеральная служба посредничества и примирения // США. Экономика, политика, идеология. 1991. № 4.

Рубан Л. С. Развитие конфликта — консенсуса в полиэтничных регионах. М., 1998.

Рукавишников В. О. Социальная напряженность // Диалог, 1990. № 8.

Сафьянов В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов. М., 1997.

Семигин Г.Ю. Политическая стабильность общества. М., 1997.

Семигин Г.Ю. Социальное партнерство в современном мире. М., 1996.

Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997.

Сикевич З.В. Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994.

Скотт Дж. Г. Конфликты, пути их преодоления. Киев, 1991.

Скотт Дж. Г. Сила ума: описание пути к успеху в бизнесе. Способы разрешения конфликтов. СПб., 1993.

Скотт Дж. Г. Способы разрешения конфликтов. Киев, 1991.

Смолянский В.Г. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985 — 1992 гг.). Улан-Удэ, 1996.

Смутьский С. В. Идентификация военного конфликта (методологические и теоретические ориентиры) // Политические исследования. 1995. № 4.

Соловьев А.И. Противоречия согласительных процессов в России // Политические исследования. 1996. № 5.

Соснин В.А., Лунев П.А. Как стать хозяином положения? Анатомия эффективного общения. Руководство практического психолога. М., 1996.

Социальное партнерство. Коллективные переговоры. М., 1992.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998.

Социальные конфликты в трансформирующихся обществах. М., 1996.

Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1991-1998.

Социальный конфликт. Калуга, 1994-1998.

Социальный конфликт: современные исследования. Реферативный сборник. М., 1991.

Социологические исследования. М., 1990-1999.

Социология и проблема демократизации. Рига, 1990.

Социология труда. М., 1993.

Становление гражданского общества и социальная стратификация // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996.

Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: Методологические, теоретические, технологические проблемы. М., 1996.

Тагиров Э., Тронова Л. Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. Казань, 1996.

Тернер Дж. Теория конфликта / Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология. М., 1996.

Тишков В.А. Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию // *Этнополис.* 1995. №2.

Толкунова В.Н. Трудовые споры и порядок их разрешения: Учеб. пособие. М., 1997.

Тоталитаризм и посттоталитаризм. М., 1994.

Уткин А. Изменение природы международных конфликтов. Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. СПб., 1995.

Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А. и др. Ведение политических дискуссий (Психологический анализ конфликтных выступлений). М., 1995.

- Фаркушин М.Х., Юртаев А.Н.* От культуры конфронтации к культуре диалога // Политические исследования. 1992. № 5.
- Федорищева О.П.* Некоторые методы разрешения социально-политических конфликтов. Орел, 1995.
- Фельдман Д.М.* Конфликты в мировой политике. М., 1997.
- Фишер Р., Этель Д.* Подготовка к переговорам. М., 1996.
- Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М., 1990.
- Фролов С.С.* Социология. М., 1999.
- Фролов С. Ф.* Социология: сотрудничество и конфликты: Учеб. пособие. М., 1997.
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность / Московские лекции и интервью. М., 1995.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1.
- Хасан Б.И.* Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, 1996.
- Хорни К.* Ваши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. СПб., 1997.
- Чернобай П.Д.* Социальная напряженность: опыт измерения // Социологические исследования. 1992. № 7.
- Чумиков А.Н.* Управление конфликтами. М., 1995.
- Чумиков А.Н.* Ведение переговоров: стратегия, коммуникация, фасилитация, медиация: Учеб. пособие. М., 1997.
- Цепцов В.А.* Переговоры: психология, воздействие, практика. М., 1996.
- Шанибов Ю.М.* Введение в конфликтологию: теория и практика. Нальчик, 1997.
- Шейное В.П.* Конфликты в нашей жизни и их разрешение. М., 1996.
- Шмидт Р.* Искусство общения / Пер. с нем. М., 1992.
- Юри У.* Преодолевая «Нет», или Переговоры с трудными людьми. М., 1993.
- Юридическая конфликтология.* М., 1995.
- Юридический конфликт: сферы и механизмы.* М., 1994. Ч. 2.
- Юридический конфликт: процедуры разрешения.* М., 1995. Ч. 3.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	
§ 1. Ранние представления	5
§ 2. Новые подходы	8
§ 3. Марксизм	13
§ 4. Немарксистская традиция	16
§ 5. Современные концепции	21
§ 6. Новый институционализм	31
§ 7. Российская юридическая конфликтология	35
Глава 2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
§ 1. Эксперимент	42
§ 2. Исследование документов	45
§ 3. Опросы	47
§ 4. Наблюдение	47
§ 5. Некоторые обобщения	50
Глава 3. ПРИРОДА КОНФЛИКТОВ	
§ 1. Понятие конфликта	54
§ 2. Границы конфликта	58
§ 3. Функции конфликта	61
§ 4. Основания типологии конфликтов	65
§ 5. Типология конфликтов по сферам	68
§ 6. Иные типологии конфликтов	69
§ 7. Предмет и объект конфликта	73
Глава 4. ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ	
§ 1. Причинность в обществе	76
§ 2. Типы противоречий	79
§ 3. Объективные и субъективные противоречия	82

§ 4. Концепция депривации	84
§ 5. Конфликт интересов	86
§ 6. Конфликт ценностей	88
Глава 5. УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТА	
§ 1. Уровни научного рассмотрения	94
§ 2. Противоборствующие стороны	99
§ 3. Подстрекатели, пособники, организаторы	102
§ 4. Посредники	103
§ 5. Ролевое поведение	104
Глава 6. ДИНАМИКА И МЕХАНИЗМЫ КОНФЛИКТА	
§ 1. Конфликтная ситуация	105
§ 2. Социальная напряженность	110
§ 3. Психология участников конфликта	117
§ 4. Развитие конфликта	121
Глава 7. КОНФЛИКТЫ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП	
§ 1. Роль больших социальных групп	142
§ 2. Научные концепции	144
§ 3. Неравенство как источник конфликта	150
§ 4. Особенности конфликта	152
§ 5. Конфликты переходного периода в России	155
Глава 8. ЭТНОКОНФЛИКТЫ	
§ 1. Этнос как субъект конфликта	160
§ 2. Неравенство как причина конфликта	164
§ 3. Граница как объект конфликта	170
§ 4. Столкновение цивилизаций и границы	176
§ 5. Последствия этнических конфликтов на территории РФ	181
Глава 9. НАСИЛИЕ	
§ 1. Исследовательские подходы	190
§ 2. Понятие насилия	196
§ 3. Нелегальные и легальные формы насилия	198
§ 4. Насилие: российская специфика	200
§ 5. Международные конфликты	210
Глава 10. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТА	
§ 1. Общие положения	213
§ 2. Устранение причин конфликта	214
§ 3. Поддержка сотрудничества	217
§ 4. Социальное партнерство	219
§ 5. Институционализация отношений	222

§ 6. Нормативные механизмы	226
§ 7. Воздействие норм	230
Глава 11. РАЗРЕШЕНИЕ И ОСЛАБЛЕНИЕ КОНФЛИКТОВ	
§ 1. Разрешение политических конфликтов	234
§ 2. Разрешение международных конфликтов	239
§ 3. Технологии консенсуса и компромисса	243
§ 4. Проблемы урегулирования этнических конфликтов	249
§ 5. Разрешение коллективных трудовых конфликтов	260
§ 6. Переговоры как метод разрешения конфликтов	264
§ 7. Переговоры в экстремальных условиях	274
§ 8. Юридические способы урегулирования	281
§ 9. Ненасильственное сопротивление	288
§ 10. Эмпатия	292
§ 11. Юмор	296
Заключение	302
Терминологический словарь	304
Приложения	313
Приложение 1. Типология Р. Дарендорфа	313
Типология И. Дойча	314
Приложение 2. Сетка Томаса — Килменна	315
Приложение 3. Формализация межличностного конflikта	316
Приложение 4. Тест К. Томаса. Выбор стратегий в конflikтных ситуациях	318
Приложение 5. Гендерный конфликт: рекомендации женщине по безопасности	222
Литература	328

Учебное издание

Дмитриев Анатолий Васильевич

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Учебное пособие

Редактор *З.Н. Осадченко*

Корректор *О.В. Мехоношина*

Художественный редактор *Е.Ю. Молчанов*

Компьютерная верстка *А.А. Петровой*

Оформление переплета *А.Л. Бондаренко*

**Книги УИЦ «Гардарики»
можно приобрести или заказать:**

107082, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 75, стр. 10
(ст. метро «Бауманская»)
Тел.: (095) 261-9624, 267-7650; факс: (095) 261-6010
Опт, розница, книга-почтой, доставка

Москва, ул. Знаменка, д. 10
(ст. метро «Арбатская»)
Розница

Санкт-Петербург, Невский пр-т, д. 85/11
(вход с ул. Гончарной, д. 11)
Тел.: (812) 168-4928
Опт, розница

По каталогу «Книги. Учебные пособия. Товары»
Агентства «Роспечать» Тел.: (095) 195-1451

По сводному аннотированному тематическому плану
издания учебной литературы:
117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17 «Б»,
ЦКНБ (отдел учебной литературы)

Изд. лиц. № 066160 от 02.11.98
Подписано в печать 20.12.99. Формат 60 x 90 /16
Гарнитура NewBaskerville. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 5000 экз Заказ № 240.

УИЦ «Гардарики»
101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
на ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93